БОРИС

АКУНИН

РОМАН-КИНО

Батальон ангелов

ФИЛЬМА ДЕВЯТАЯ

СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ

ФИЛЬМА ДЕСЯТАЯ

РОМАН-КИНО

БОРИС АКУНИН

Смерть на брудершафт

роман-кино

ОПЕРАЦИЯ «ТРАНЗИТ»

Фильма девятая

БАТАЛЬОН АНГЕЛОВ

Фильма десятая

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТРЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

Подписано в печать 25.07.2011 г. Формат 76x108 1/32.
Усл. печ. л. 21. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6756.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Автор выражает благодарность Михаилу Черейскому за помощь в работе

Художник — Игорь Сакуров

Серийное оформление — Александр Кудрявцев

Компьютерный дизайн — Галина Смирнова

Иллюстрация на обложке — Вячеслав Люлько

Акунин, Б.

А44 Смерть на брудершафт: [роман-кино]/ Борис Акунин. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 445, [3] с.

Содерж.: Операция «Транзит»: фильма девятая. Батальон ангелов: фильма десятая.

ISBN 978-5-17-075257-7 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-37052-6 (ООО «Изд-во Астрель»)

«Смерть на брудершафт» — название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино», призванном совместить литературный текст с визуальностью кинематографа.

В повести «Операция «Транзит» (девятой «фильме») рассказывается об отправке из Швейцарии в знаменитом запломбированном вагоне личности, призванной изменить ход русской истории. «Батальон ангелов» (фильма десятая, заключительная) посвящен трагической истории первого в России женского батальона смерти.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© B. Akunin, 2011
© ООО «Издательство Астрель», 2011

Фильма девятая

ОПЕРАЦІЯ

«ТРАНЗИТЪ»

Предапокалиптическое

ОПЕРАТОРЪ

Г-НЪ И. САКУРОВЪ

Демонстрація
сопровождается
революціонными пѣснями
сочиненія тапёра
г-на Б. АКУНИНА

ПЕРЕД СЕАНСОМ

По новой американской моде перед основным сеансом в качестве бесплатного «бонуса» (тоже заокеанское словечко) крутили кинохронику.

Билет был самый дешевый, за 50 раппенов, на балконе и сбоку. Поверх кепи и котелков чертовых швейцарцев, которые еще со времен Вильгельма Телля чувствуют себя неуютно с непокрытой головой, Зепп видел лишь верхнюю половину экрана. Не то чтоб его сильно занимала программа. Он взял билет в «Ориент-синема» скоротать время до условлен-

ного часа. Опять же нет лучше способа уйти от слежки, нежели когда выскальзываешь из темного зала во время сеанса. Вряд ли какая-либо из местных агентур обратила внимание на пролетария в потертой одежде, но, как говорят русские, береженого Бог бережет.

Уйти фон Теофельс рассчитывал через двадцать минут после начала афишной картины, а до той поры собирался прокрутить в голове детали и возможные повороты первого этапа предстоящей операции. Но когда на экране начали показывать кадры мартовских событий в Петрограде, поневоле отвлекся от деловых мыслей.

Вот как, оказывается, выглядит крах империи, что простояла триста лет и казалась несокрушимой. Просто валит по улице грязный весенний поток, пузырящийся флагами и транспарантами, и летят вверх шапки, и вздымаются руки. А когда камера берет ближний ракурс, видно, что все ужасно чему-то радуются. Разинутые в воплях рты, растянутые до ушей губы, ошалелые глаза. Бурная, выплеснувшаяся из берегов энергия, которая вышла из-под контроля. Когда-то, во время поездки по

Сибири, майор видел ледоход на Иртыше. Как начал трескать и лопаться метровый слой льда, и серая шкура реки вздыбилась клочьями, и глыбы заторопились куда-то, налезая друг на друга, крошась, выкидываясь на берег.

В сущности, нужно радоваться, что противник, борьбе с которым посвящена вся твоя жизнь, забесновался, забился в корчах и сладострастно раздирает на себе мясо. Но одно дело прочесть в газетах про революцию, и совсем другое – увидеть, как это происходит.

Зеппа охватило странно тревожное чувство.

Русские события он воспринял так же, как все германцы: случилось нечто прекрасное и неожиданное, будто Господь наконец определился, на чьей Он стороне, и решил вознаградить Свой избранный народ за великое терпение и стойкость, приблизив конец испытаний.

Однако, глядя на экран, фон Теофельс вспомнил азбучную истину: революция не бывает концом, она всегда – начало. Куда устремится взрывная волна великой высвободившейся стихии, когда ей станет тесно в каменных ущельях Петрограда? Вдруг из ха-

оса и содома выкуется сталь невиданной прочности? Ведь случилось же нечто подобное сто двадцать лет назад: орда голодранцев-санкюлотов в красных колпаках, под предводительством вчерашних лейтенантов, конюхов и кузнецов разбила европейские регулярные армии и подпалила весь континент.

Что-то стиснулось справа в животе, где еще толком не срослись продырявленные пулей кишки. Майор привычным жестом прижал к боку ладонь. И в ту же секунду было ему явлено провиденциальное, прескверное видение.

Объектив, скользивший по ликующей толпе петроградцев, на миг выхватил лицо молодого офицера. Оно сияло широкой, такою же, как у всех, улыбкой; над воротником виднелась обмотанная бинтами шея; на груди колыхался серый (на самом деле, вероятно, кумачовый) бант.

Хоть камера и уползла дальше, но никаких сомнений: это он! Он жив!

Зепп двинул кулаком по подлокотнику с такой силой, что хрустнуло дерево, а в боку будто распрямился моток колючей проволоки. На Теофельса заоборачивались.

Освободился отъ оковъ
Весь міръ голодныхъ и рабовъ.
Поетъ съ зари и до зари:
«Аллонзъ зенфанъ де ля патри».

Закусив губу, полускрючившись, он вслепую, стукаясь о чьи-то колени и наступая на галоши, стал продираться к выходу.

Воздуха, свежего воздуха!

В фойе было не так душно, как в прокуренном зале. Теофельс остановился перед зеркалом, поморщился на свою бледно-зеленую физиономию, поношенную куртку, засаленный картуз, плебейские усы подковой, а больше всего – на свою бабью впечатлительность. Нервы после ранения стали ни к черту.

Ну да, удивительное совпадение. И неприятно, что чертов щенок жив. Ходит, радуется – непонятно чему. Ведь того самого царя, из-за которого он получил пулю в горло, скинули к черту. И получается, что никакой победы мальчишка все-таки не одержал.

Однако майор привык быть честным с самим собой. Не в царе дело. Дело в том, что Йозеф фон Теофельс, лучший среди лучших, впервые потерпел поражение. *Личное* поражение. До сегодняшнего дня утешался лишь тем, что человек, который его победил, заплатил за свой триумф жизнью. Слабоватое утешение. А как только что выяснилось, еще и ложное.

Никогда Зепп не верил в дурные предзнаменования, а сейчас вдруг ощутил прилив мутной тоски. «Всё это плохо кончится», – проблеял тоненький, гнусный дискант. Вероятно, то был пресловутый внутренний голос.

И рассердился Теофельс. Скрипнул зубами. Дисканту велел заткнуться. Весть о том, что господин Алексей Романов жив, зачислил в разряд полезной информации: бог даст, еще встретимся. А потрепанная внешность и даже бледность были кстати – вписывались в легенду.

Всё к лучшему. Напоминание о неудаче перед важной операцией – лишний стимул для самомобилизации. Сдохни, а дело сделай. Второго провала подряд начальство не простит. Ты и сам себе его не простишь. Как не простил первого.

Майор по-собачьи встряхнулся, сбрасывая флюиды пессимизма. Улыбнулся зеркалу, подмигнул и вышел на залитую весенним солнцем Беатен-платц.

До рандеву двенадцать минут. Ну-ка! Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе!

Он бодро прошелся по набережной искрящегося Лиммата, вживаясь в образ. Свернул в скверик, где

назначена встреча. Достал из кармана и развернул номер городской газеты за прошлую среду, это был условленный знак.

Настроение было правильное, куражное, как в добрые старые времена, когда Теофельс, выходя на задание, ощущал себя властелином мира.

И тут – надо же – сбоку налетел мальчишка-газетчик. Должно быть, увидел старый номер «Нойе цюрихер цайтунг» и хотел предложить свежий, да не рассчитал разбега.

Прямо в раненый бок!

Зепп подавился стоном.

Газетчика ветром сдуло. Крикнул: «Tschuldigung!»[1] – и смылся, пока не накостыляли.

Согнувшись пополам, Теофельс ждал, когда перед глазами перестанут расплываться оранжевые круги.

– Isch bi ihne alles in ornig?[2] – участливо спросил какой-то добрый самарянин, деликатно взяв страдальца за локоть.

---

[1] Извиняюсь! *(нем.-швейц.)*

[2] С вами всё в порядке? *(нем.-швейц.)*

– Махт нихтс, махт нихтс, – просипел Зепп с русским акцентом. – Данке шён.

Выдавил улыбку, доплелся до скамейки, сел. Шесть минут у него оставалось, чтобы снова войти в рабочее состояние.

ДЕНЬ ДУРАКОВ

— Как вы себя чувствуете?

Знакомый голос раздался за спиной у майора фон Теофельса, когда тот сидел в кресле на застекленной веранде и мрачно разглядывал осточертевшую панораму госпитального парка.

Визит Монокля, заместителя разведывательного управления Генштаба, был неожиданностью. Превосходной, чудесной неожиданностью.

Теофельс был уверен, что после ноябрьской неудачи начальство поставило на нем крест. Из-за этого и хандрил, самоедствовал. Лечение продвигалось паршиво, доктора поговаривали о комиссовании, и Зепп с ними не спорил: по крайней мере, выход в отставку после тяжелого ране-

Взывают грозно большевики:
«Войну долой и в землю штыки!»

ния выглядит почетно. А уж как был счастлив верный друг Тимо, что «собачья жизнь» закончилась и теперь можно уйти на покой! Едва Зеппа перевели в отделение для выздоравливающих, как Тимо отправился в Теофельс – у него были грандиозные планы по ремонту и переустройству замка. Вряд ли слуга обрадовался бы визиту Монокля.

А Зепп дернулся, будто от живительного разряда тока во время электротерапевтической процедуры, вскочил с кресла молодцом, вытянулся по струнке.

– Отлично, господин генерал!

Монокль скептически его оглядел.

Проклятый халат! Проклятые шлепанцы! И щетина. Усы не подстрижены!

– М-да? Выглядите неважно. Осунулись. Бледны.

Лучшая оборона – наступление, а дерзость в разговоре с начальством свидетельствует об уверенности в себе.

Зепп сдвинул брови:

– Вряд ли вы приехали, чтоб поинтересоваться моим здоровьем, экселенц.

Генерал засмеялся:

– Хорошего же вы мнения о начальстве. Если я до сих пор вас ни разу не навестил, то лишь из-за чертовой уймы дел.

«Ну да, а сейчас у тебя каникулы, – подумал майор. – То-то рожа от бессонницы вся опухла». С каждой секундой Теофельс чувствовал себя всё лучше. Если Монокль лично притащился в госпиталь из ставки, за двести километров, то это могло означать лишь одно. Октябрьской докладной записке дан ход. Болваны начальники наконец поняли, что нет смысла распылять силы на ерунду.

За последние месяцы разведуправление фактически отказалось от стратегических операций, довольствовалось ролью служанки при командовании армии и флота. Главным направлением работы считалась диверсионная деятельность. А что? Результаты наглядны, рапорты трескучи, награды гарантированы.

Но взрывы линкоров и военных заводов – глупости, мелочовка, бездарное разбазаривание денег и кадров. От сослуживцев Зепп знал, чем занималась

разведка минувшей зимой. В январе осуществлены (блестяще, кто спорит) две грандиозно идиотские операции: одна в жанре «много шума из ничего», другая – «разбуди лихо».

Английская сеть устроила мощный взрыв на сильверстоунском заводе боеприпасов в пригороде Лондона. Фейерверк на полнеба, гром и молния, сто человек разнесло на куски, еще пара тыщ оглохла. Кто-то получил железный крест. А толку? Все вражеские запасы снарядов ведь не подорвешь.

Это еще ладно. Хоть проку мало, но и вреда для Германии нет – если не считать засвеченной из-за ерунды разведсети. Но за диверсию в штате Нью-Джерси, где немецкие агенты шандарахнули склад с полумиллионом артиллерийских снарядов, надо было бы поотрывать умникам из разведуправления головы. Взрыв стал для американцев, которые только ждали повода ввязаться в европейскую драку, последней каплей. Дипломатические отношения разорваны, со дня на день президент Вильсон объявит кайзеру войну. И что тогда? Конец?

– Война с американцами уже объявлена, экселенц? – спросил Зепп. – Поэтому вы и приехали?

– Это произойдет завтра. – Монокль перестал улыбаться. – Но приехал я не из-за американцев.

– Разумеется. Вы приехали из-за русских. Теперь, когда в войну вступает новый игрок, кто-то из старых должен уйти, иначе нарушится баланс. Поэтому вы вынули из-под сукна мой рапорт полугодовой давности о большевиках и их лидере.

Теофельс позволил себе проговорить всё это без малейшего намека на вопросительную интонацию. Он был абсолютно уверен в точности дедукции.

– Браво. Хоть вид у вас дохлый, но мозг работает так же четко, как раньше. Да, майор, ситуация в корне изменилась. Если осенью его величество с негодованием отверг идею, то сейчас скрепя сердце дал согласие. В первые дни после свержения царя у нас была надежда, что новое русское правительство согласится на сепаратный мир. Мы предложили очень приличные условия. Но они были отвергнуты, с пафосом и негодованием. Поэтому выбора у нас не остается. Россию нужно взорвать

изнутри. И вы в своем рапорте были абсолютно правы: нужно сделать ставку на единственную партию, которая последовательно и открыто добивается поражения своей страны. Справедлив и главный ваш тезис: хоть большевики не слишком сильны в масштабах всей России, их влияние на городские низы Петрограда весьма значительно, а перевороты, как известно, происходят в столицах. План детально разработан, утвержден во всех инстанциях и уже запущен. Остается последняя фаза, самая деликатная. Поэтому повторяю вопрос: в какой вы форме?

– Могу отправляться за линию фронта хоть сегодня, – сказал Зепп твердо и без бодрячества.

Он и в самом деле впервые за всё время ощутил себя совершенно здоровым и полным сил.

– За линию фронта отправляться не нужно. Ползать под колючей проволокой или плыть на субмарине вам не придется. Сядете на поезд и спокойно доедете до места назначения. События, от которых сейчас зависит исход войны, происходят в Швейцарии. Туда мы и хотим вас направить. Операция называется «Транзит».

– Лысый всё еще в Цюрихе? Революция длится уже почти месяц, а он не тронулся с места? Это на него не похоже.

В октябрьской докладной записке Теофельс помимо пораженческой стратегии большевиков и локальной влиятельности этой небольшой партии выделил еще один ключевой аргумент: наличие потенциального лидера. В агентурных документах немецкой резидентуры этот человек фигурировал под кодовой кличкой Kahlköpfig, «Лысый».

– А как он попал бы в Петроград? – Генерал усмехнулся. – Дирижаблей, подводных лодок и «коридоров» через линию фронта у Лысого нет. Через Францию и Англию проехать он не может – его физиономия отлично известна контрразведкам союзников. Они ни за что не пропустят в Россию политика, выступающего за сепаратный мир. Как это называется по-русски – козу в огород?

– Козла, экселенц.

– А козлу очень хочется капусты, и от этого он начал беситься. Агентура докладывает, что Лысый пробует достать документы какого-нибудь глухоне-

мого шведа и по ним проехать через Германию в Скандинавию, а оттуда в Россию.

– Почему обязательно глухонемого? – удивился Зепп.

– Потому что швед, не говорящий по-шведски, может показаться немножко подозрительным, – засмеялся Монокль. – Будет довольно глупо, если такого полезного человека упекут в шведскую каталажку, не правда ли? Поэтому мы решили помочь герру Лысому. Вступили с ним в контакт через надежных посредников. Согласовали условия транзита. Он и его соратники, ядро партии, пересекут территорию рейха в специальном вагоне. Ни проверки документов, ни просмотра багажа – ничего. Единственное наше условие: никаких контактов с внешним миром. Никто не должен знать об этой маленькой транспортной операции. Ни наши социал-демократы, ни пресса – никто. Даже в станционные буфеты или за газетами господам большевикам выходить запрещается. Мы приставим к ним отличного повара. Вагон будет словно бы запломбированным. Внутри – пустота, невидимки.

Начальник снова засмеялся. Идея невидимого вагона его веселила.

– План хорош, экселенц. Но зачем понадобился я? Если, конечно, вы не собираетесь меня использовать в качестве повара.

– Представляю, какой из вас повар, – хихикнул Монокль. – Когда понадобится кого-нибудь отправить на тот свет, непременно воспользуемся вашим кулинарным мастерством.

И внезапно сделался очень серьезен. Это был его любимый фокус: моментально перейти от шутливости к суровости, от приятельского тона к сугубой официальности.

– На германской территории проблем не возникнет. Иное дело – Швейцария. Сами знаете, что это за змеиное гнездо. Иногда мне кажется, что половину населения этой якобы мирной страны составляют шпионы, торговцы информацией, политические авантюристы всех мастей и национальностей. Нельзя исключать, что сведения о нашей операции стали известны противнику. И русская разведка, конечно, сделает всё, чтобы Лысый не сел в наш поезд.

– Разве их сеть не дезорганизована революцией? – удивился Теофельс. – Я полагал, что при русской интеллигентской ненависти к специальным службам Временное правительство откажется от услуг «царских шпионов». Уж особенно в Швейцарии, где Охранка главным образом следила за эмигрантами.

– Именно в Цюрихе русские сейчас действуют активнее, чем когда-либо. Недавно появился новый резидент. Мы его пока не установили, знаем лишь агентурную кличку – «Люпус». Судя по всему, действительно lupus, опытный волк. У наших друзей австрийцев недавно пропал шеф разведывательной сети. Они подозревают, что это дело рук Люпуса. На всякий случай сменили все явки и шифры. Ваша главная задача, майор: обеспечить сохранность Лысого. Ничто не должно помешать ему сесть в волшебный вагон.

– Я должен буду вступить в контакт с большевиками?

– Да, но не в качестве майора фон Теофельса, а под прикрытием. С безопасностью у большевиков, как у всяких дилетантов, непорядок. Во-первых,

может произойти утечка – а кому нужно, чтобы стало известно об участии германского офицера в операции? Во-вторых, это еще больше насторожит русскую агентуру. Нет-нет, никто не будет знать, кто вы на самом деле. Мы введем вас в окружение Лысого, а дальше действуйте по собственному усмотрению. У вас есть несколько дней, чтобы изучить досье на всех цюрихских большевиков. Сами выберете, кто вам удобней для первоначального контакта. Под это и подстроим вашу легенду. Впрочем, зная вашу методику, не сомневаюсь, что это будет дама.

Генерал подмигнул, давая понять, что официальная часть беседы закончена.

– Итак, майор, через шесть дней вы прибудете в Цюрих. До того времени извольте представить мне план действий, со всеми деталями. И ешьте побольше мяса, а то вы похожи на святого великомученика.

Дежурно улыбнувшись в ответ на смешок его превосходительства, Зепп попытался сообразить: какое это будет число?

– Вы должны быть в Цюрихе седьмого, – сказал Монокль, не в первый раз поразив Теофельса уме-

нием читать чужие мысли. – Ай-я-яй, майор. Неужто вы настолько раскисли, что перестали следить за числами? Сегодня первое апреля. День дураков. Надеюсь, дураки в этой истории – не мы с вами. А-ха-ха-ха...

И закатился, весельчак.

НЕ НА ТУ ЛОШАДКУ

Контакт приблизился справа, со стороны набережной. Зепп сразу узнал женщину по фотографии и внимательно рассмотрел в щель между газетным листом и низко надвинутым козырьком кепки.

Генерал не ошибся, когда предположил, что Теофельс предпочтет для «входа» использовать даму. Уж Моноклю ли было не знать, что его подопечный превосходно умеет работать со слабым полом.

Из цюрихского окружения Лысого майор выбрал особу относительно молодую и притом не прилепленную ни к какому мужчине, который нарушил бы энергетическую связь, что всегда возникает между представителями разных полов, когда оба свободны.

— Товарищъ женщина, соратница въ борьбѣ,
Въ тебѣ отнынѣ вижу гражданина!
— А я товарища привѣтствую въ тебѣ,
Ты другъ и братъ мнѣ, гражданинъ мужчина!

Понравиться эмоционально свободной женщине нетрудно, если имеешь опыт и обладаешь артистизмом. Здесь важно не ошибиться, с самой первой секунды взять нужную ноту, произвести правильное впечатление. Мадам симпатизирует нежным и застенчивым? Покраснеем и смутимся. Любит брутальных? Поприветствуем львиным рычанием. Млеет от умных? Проницательно прищуримся и тонко улыбнемся. Нет на свете неприручаемых зверушек, есть хреновые дрессировщики.

Но чем ближе подходила дылда в кургузом пальтишке и нелепой шляпке, тем тоскливей делалось на сердце у дрессировщика. Зепп, естественно, предполагал, что случай будет непростой. Антонина Краевская (кличка «Волжанка»), 32 лет, бывшая социалистка-революционерка, гражданский муж умер в тюрьме, сама тоже посидела, потом до эмиграции жила на нелегальном положении. В общем, не попрыгунья-стрекоза. С фотокарточек глядело суровое лицо с похоронными глазами, лоб пересекали две глубокие вертикальные морщины, волосы коротко стрижены. Стандартный «товарищ партиец» женского пола.

Однако снимки, как выясняется, еще льстили мадам Краевской. Ну и походка! Будто идет пролетарий после десятичасовой смены. А дымящаяся в углу рта папироса? А резкие повороты головы? Ряженый мужик, да и только.

Встречали таких, знаем. Бесполая фанатичка, тяготящаяся принадлежностью к женскому полу. Одна мечта в жизни – героически пасть на баррикаде.

В пятнадцатом году Зеппу довелось работать с одной кобылой из боевитых анархистов. Помог барышне стать революционной мученицей. Как раз нужно было убрать с дороги одного жандармского офицерика, севшего на хвост киевскому резиденту. Осторожен был, ни шагу без охраны. Обычными средствами не взять – какой же агент пойдет на верную смерть? А кобыла всадила в «опричника» всю обойму, прямо в упор, и даже убегать не стала. Пала геройской смертью под пулями, совершенно счастливая.

Неужто товарищ Волжанка из того же теста?

Зепп впился взглядом в долговязую, нескладную женщину, остановившуюся у соседней скамейки,

где тоже сидел мужчина с газетой. Киевская анархистка принципиально не носила лиф, заматывала свой довольно пышный бюст бинтами. Как у Волжанки по части бюстгальтера? Что-то подозрительно плоскогруда. Откуда только у такой особы сын взялся (9 лет, имя Карл, живет с матерью)? Эх, надо было выбирать Мирру Локшину, кличка «Капля». Та хоть и с черной повязкой (окривела в девятьсот пятом), но единственный глаз на снимке сверкучий, живородящий.

Заметила, наконец. Подходит.

Вот и пароль:

– Какая удача! Я как раз искала «Цюрихер цайтунг» за минувшую среду.

Голос прокуренный, по-немецки говорит довольно чисто.

Ну, пора решать. Если это не женщина, а ошибка природы, упаси боже от всяких галантностей, улыбочек, оценивающих взглядов. Сразу антагонизируешь, и пиши пропало.

От «входа» (посредника, который вводит агента в исследуемую среду) зависит очень многое. Ты для них чужой. Но если кто-то свой, пользующийся пол-

ным доверием, не просто тебя привел, но еще и тебе симпатизирует, лед растает быстрее. Многократно проверено, действует лучше любых рекомендательных писем.

Зепп неспешно сложил газету. Сделал вид, что лишь теперь увидел связного – и нисколько не удивлен тем, что это женщина.

– Подобрал на вокзале, – произнес он отзыв по-русски, как и следовало.

Исхудалый, бледный человек с неряшливо подстриженными вислыми усами смотрел на Антонину спокойно, без любопытства, словно был с ней давно знаком. Сразу видно: человек не придает значения условностям и ухищрениям, ничего из себя не изображает. Хочет понять, с кем имеет

дело. Себя не выпячивает, но и не прячет. Чем-то он напомнил ей Игоря.

Все сильные мужчины были похожи на Игоря. Была черта, которую Антонина чувствовала в людях сразу, только название подобрать затруднялась. Непреклонность? Не то. Принципиальность? Опять не то. Черта не имела отношения к идейным убеждениям. Просто есть те, кого испугать можно, и есть те, кого испугать нельзя. И сломать нельзя. Потому что есть в них некая внутренняя заноза, которая дороже жизни. Для таких людей вообще многое дороже жизни.

Вот Игорь ничего не пожалел, когда в тюрьме начал протестную голодовку. Ни себя, ни беременную жену. А время было страшное, девятьсот седьмой год. Палачи свирепствовали, вешали, на давление не поддавались. Игорь знал, что обрекает себя на мучительную смерть, что никогда больше не увидит Нину (в ласковые минуты он всегда звал ее «Ниной», а когда сердился – «Тоней»). И ребенка своего тоже не увидит. Но отступиться не мог, тогда он перестал бы быть собой. И как только она узнала от товарищей, что муж объявил голодовку, сразу надела черное.

В знак траура по нему, по себе, по любви. Очень уж она его любила. Так сильно, что – знала – никакого мужчину больше полюбить не сможет.

Странно только, что, когда Игорь ей снился, она всегда начинала задыхаться. Это были не сладостные сны, а мучительные, и просыпалась Антонина от скрежета собственных зубов и ненавидящих рыданий. Ладно, сны – глупость. Человек за свои сны не отвечает.

Она крепко пожала приезжему руку – узкую, костлявую, сильную.

– Я получила письмо от выборгских товарищей. Хорошо, что вы приехали, товарищ Кожухов. Нам здесь не хватает таких людей, как вы.

– Каких это «таких»?

Улыбка у него была хорошая. Антонине нравилось, когда так улыбались: не во весь рот, а сдержанно. Зубоскалов, остроумцев, весельчаков она на дух не выносила. И сама улыбалась редко. Даже сыну.

– С боевым опытом. Теперь ведь придется сражаться не только словом, но и делом. Идемте, товарищам не терпится вас послушать. Расскажете, как там у нас, в России.

По легенде, «товарищ Кожухов» пробирался в Швейцарию кружным путем – через Швецию, Англию и Францию, чтобы сопровождать руководителей партии до финско-российской границы.

– Да я уж две недели как уехал. В Питере за это время много чего переменилось. Россия нынче так несется – дух перехватывает.

Он поднялся и оказался чуть ниже ростом. Большинство мужчин, обнаружив это неприятное для самолюбия обстоятельство, начинали дуться или тянуться кверху. Но Кожухов, кажется, этого даже не заметил.

– Насчет боевого опыта... – Он глядел на нее с интересом. – Товарищи говорили, что вы в свое время динамитные бомбы снаряжали. Правда или нет?

Вообще-то Антонина не любила, когда ей напоминали об эсэровском прошлом. Но решила, что ответит. С таким человеком лучше объясниться по этому скользкому поводу ясно и сразу.

– Правда. Но потом познакомилась со Стариком, и он открыл мне, что такое настоящий динамит. Знаете, как он говорит? «У эсэров истерический мазо-

хизм, а у нас – исторический материализм».

Кожухов засмеялся, она улыбнулась.

Они пошли по дорожке, почти касаясь друг друга плечами.

Пожилой бюргер, которого Антонина чуть было не приняла за Кожухова (красноносый толстячок тоже держал в руках «Нойе цюрихер цайтунг»), теперь кормил голубей и приговаривал:

– Chum, gruu-gruu-gruu.

Поймав взгляд Антонины, добродушно тронул пегий ус, приподнял котелок.

– Händs no schön[1].

Она не ответила. Филистерская швейцарская благожелательность, цена которой медный грош, Антонину раздражала.

[1] Приятного дня *(нем.-швейц.)*

СРЕДИ ТОВАРИЩЕЙ

– Это социал-демократический клуб «Айнтрихт». – Женщина показала на чинное здание. По российским меркам в таком полагалось бы находиться какому-нибудь казенному присутствию. – Представляете, товарищ Кожухов, всего за две недели до революции Старик выступал тут перед швейцарскими рабочими, объяснял им ситуацию в России и говорил, что его поколение вряд ли дождется падения царизма. Даже Старик при всей мощи его ума не думал, что случится чудо!

Ее спутник кивнул:

– За границей вы засиделись, вот что. Издали плохо видать. У нас там в каждом хлебном «хвосте» толковали, что царю Николашке с царицей Сашкой

скоро карачун. Куда мы идем-то, товарищ Волжанка?

– Пришли уже.

В угловом доме, расположенном напротив кирхи, из распахнутой двери пахло кислой капустой и свежесваренным пивом.

– Пивнушка, что ли? «Цум вейсен шван», – прочел товарищ Кожухов витиеватую надпись на вывеске. – У белой свиньи? Нет, «свинья» – «швайн».

– «У белого лебедя». Да, это рабочая пивная. Не удивляйтесь. Здесь это традиция – проводить собрания и даже идеологические диспуты в пивных. Никто при этом не напивается, все трезвые.

Они вошли в чистенькую залу с низким потолком. Товарищ Кожухов оглядел столы с белыми скатертями, аккуратно одетых людей, переговаривающихся вполголоса. Покачал головой:

– Это рабочие? Ну уж здесь-то точно пролетарской революции не дождешься.

– Ничего, мы поможем. Идем, идем. У нас тут своя комната, так и называется – «Sibirien», «Сибирь». Вон за той дверью.

Зепп вошел первым, потому что пропускать вперед «ошибку природы» было бы неосторожно – оскорбится. Пока он вел себя с нею правильно, Волжанка ему даже два раза улыбнулась: непривычная к этому маневру деревянная физиономия будто шла трещинами. А ведь, если приглядеться, не такая уж уродина. Ее бы приодеть да причесать – была бы женщина как женщина.

Войдя первым, Теофельс не только продемонстрировал межполовое равенство, но и получил пару лишних секунд, чтобы сориентироваться, идентифицировать фигурантов. Они молча уставились на чужака, потом перевели глаза на Волжанку, и за эти несколько мгновений Зепп срисовал всех, кто сидел за столом в крошечном зальчике.

Во глубинѣ швейцарскихъ рудъ
Хранили долго мы терпѣнье.
Но не пропалъ нашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Четыре человека из ближнего окружения Лысого. На каждого есть досье.

Невысокий, коренастый, с венчиком рыжеватых волос вокруг багровой плеши – это Людвиг Зонн, из швейцарских эсдэков. Цюрихский ангел-хранитель русских большевиков. Есть особая категория европейцев: русофилы-романтики. Приедет такой человек в Россию и влюбится. Просторы, сильные чувства, размашистые люди. В общем, полная антиевропа, а противоположности, как известно, притягиваются. Поскольку герр Зонн впервые попал в Россию во время прошлой революции, то влюбился в революционеров. И сам им стал. Швейцарский революционер – звучит смешно. Как пудель-людоед.

Улыбчивый, славный молодой человек с редеющими волосами и мягкой бороденкой – Ларион Малышев, партийная кличка «Малыш». Тоже романтик, но в ином роде. Он-то русский-разрусский, хоть в синематограф на роль Алеши Карамазова или князя Мышкина бери. Такие идут в революцию, плененные красотой идеи о рае на земле. Плениться слюнявой идеей нетрудно, если у человека родители – старые социалисты и вырос он в эмиграции, откуда так уми-

лительно взирать на страдающую родину. При этом Малыш очень неглуп, прекрасно образован, считается перспективным теоретиком марксизма. Лысый его отличает и, кажется, даже любит – насколько способны любить мегаломаньяки с мессианским комплексом. А уж Малыш на своего кумира прямо молится. Бородку подстригает точно так же и даже слегка подкартавливает.

Кисломордый простачок с жидкими усишками – товарищ Железнов. Псевдоним, конечно. На самом деле Парфен Тюлькин (нет, Тюнькин), редкий среди большевиков тип потомственного плебея. Лысый, которого партийцы любовно называют «Старик», таких лелеет и бережет, а то как же авангарду рабочего класса да без пролетариев? Если РСДРП придет к власти, быть товарищу Железнову министром социальной справедливости или еще чего-нибудь трескучего, но малозначительного. Согласно агентурной характеристике, самолюбив и недалек. Вот кого нужно было выбирать для «входа», а не эту вяленую тарань. Дураком, да еще самолюбивым, манипулировать нетрудно.

Или, быть может, имело смысл поработать с Семеном Блюмом (журналистский псевдоним «Руба-

нов»). Этот-то отнюдь не дурак, но зато прагматик и циник. Не раз переходил из партии в партию, а некоторое время назад пристроился к большевикам, потому что унюхал своим монументальным носом аромат грядущих перемен. Лысый товарищу Рубанову не доверяет, но ценит за остроту пера и блестящие полемические способности. С умным человеком нужно вести игру в открытую. Когда у тебя на руках сильная карта, выкладываешь козыри – партнер смотрит, оценивает, и можно не шлепать по столу. Рубанов – игрок бывалый. Сразу сообразил бы, что во всех смыслах интересней сотрудничать с теми, кто заказывает музыку, а не с теми, кто ее исполняет.

Блюм поглядывал на Зеппа через очки насмешливо и одобрительно, будто умел читать мысли. Одной рукой ерошил кудрявую шевелюру, в другой дымилась трубка.

«Пожалуй, еще не поздно переориентироваться», – сказал себе Теофельс, продолжая рассказывать про то, как готовятся к встрече вождя выборгские товарищи.

Мысленную работу по инвентаризации присутствующих, начатую еще с порога, он заканчивал

уже во время разговора о российских делах. Одно другому не мешало.

Слушать, не перебивая, русские не умеют. Зепп хорошо это знал и рассчитывал, что долго распинаться ему не дадут. Он, конечно, подготовился – вызубрил данные обо всех финляндских большевиках, но жалко метать бисер в пивнушке, перед массовкой. Были в окружении Лысого люди и посерьезней. Однако ничего не попишешь, сразу к ним не подобраться. «Вход» ведет в «переднюю», где Теофельс в данную минуту и находился. Иначе в святая святых большевистского чертога не проникнешь.

– Думал Малыш, любуясь тем, как говорит человек из России: спокойно, обыденно, без рисовки. А ведь чего только не повидал, через какие только испытания не прошел.

Притом не интеллигент какой-нибудь. Из самой что ни есть народной гущи, дошел до правды собственным умом, учился на ошибках и платил за них кровью.

– Вы как к большевизму пришли? – спросил Малыш.

Обстоятельный Кожухов ответил не сразу, словно только что задумался над этим вопросом.

– Как сказать... В революции-то я давно. Еще в девятьсот пятом дружинником был, в жандармов стрелял. Но мне тогда боевики больше нравились, по молодой дури. И на каторге я всё больше анархистов держался. Ребята они задорные, смелые. Слушал их, разинув рот. – Кожухов усмехнулся на себя прежнего. – В четырнадцатом году, из ссылки уже, запросился на фронт, отечество защищать. Но два года в окопах да германская пуля прочистили мне мозги. Разъяснили, на чьей стороне правда. Я – рабочая кость, с большевиками мне сподручней.

Малыш жадно на него смотрел. В последнее время он стал заново приглядываться ко всем товарищам, пытаясь представить, кто как себя проявит там, на Родине, в горниле революции. И получалось, что

все, буквально все годятся для будущих испытаний лучше, чем он: и Железнов, и Волжанка, и Рубанов. Про Грача и говорить нечего. Кожухов тоже, конечно, будет там в своей стихии. Как бы научиться смотреть на людей вот этак: прямо, твердо, без вызова, но и без желания понравиться.

Очень уж Малыш боялся, что в Петрограде опозорится со своим смешным идеализмом, дрожанием в голосе, европейским чистоплюйством. Скомпрометировать дело, подвести товарищей – вот что страшно. А ужасней всего, если разочаруешь Старика.

– Думал Зонн. – Крепкий и несгибаемый, как закаленный морозами сибирский дуб. Видно, что не привык болтать языком. Мучаем мы его своими расспросами.

И все же не удержался, спросил про то, что вы-ывало самый жгучий интерес:

– Вы, когда боевик, делали акции? Экспроприа-ция, аттентат?

По-русски Людвиг говорил не очень хорошо. Трудный язык. Кожухов не понял, и товарищ Волжанка пришла на помощь:

– Товарищ Зонн спрашивает: когда вы были боевиком, доводилось вам участвовать в экспроприациях или покушениях?

Кожухов наморщил коротковатый славянский нос. Ответил неохотно:

– И эксы проводил, и в губернатора палил. Что теперь вспоминать?

Такая скромность Зонну ужасно понравилась. Конечно, программа большевистской партии осуждает методику индивидуального террора, но революционер, стрелявший в губернатора – это настоящий герой. Потом можно всю жизнь рассказывать и гордиться. А товарищ Кожухов этого вроде как стесняется.

– Это очень хорошо, – сказал Людвиг. – Это теперь пригодится. Мы в России будем стрелять, мно-

го стрелять. Революция только начинается.

Но товарищ Кожухов поддержки не принял.

– Губернатора стрелять – никакая не революция. Одного грохнули – другого назначили, хуже прежнего. Говорю же, молодой я дурак был.

Товарищ Железнов, тоже настоящий русский пролетарий, спросил приезжего с кривой улыбкой:

– А теперь, выходит, умный стал?

Что за шиш с горы?

Думал Железнов. Прощупать надо, что ты за фрукт.

Но ферт новоявленный не стушевался, поглядел цепко, ответил едко:

– А теперь стал умный. Или какое сомнение имеешь, товарищ? Ты скажи, камень за пазухой не таи.

– Какой такой камень...

Железнов пожал плечами, глаза опустил.

Нахрапистый, черт. Старику такой может понравиться. Он любит простых, особенно кто не лыком шит. Не кооптировал бы Кожухова этого в ЦК. Говорил же давеча на собрании: «Едем в Россию пролетариат поднимать, а в комитете у нас из рабочих один Железнов. Меньшевистская пресса непременно за это уцепится».

Надо держать ухо востро. Ох, не к добру́ он тут. Может, в его приезде подвох какой. Говорит, что от финляндцев, а на самом деле с секретным заданием. От кого только? И по чью душу?

– Я у нас в организации, товарищи, за охрану ответственный, – стал объяснять незваный гость. – При царе шпиков с филерами отсекал. Трех провокаторов выявил. Потому и сюда направлен. Очень наши товарищи за Старика опасаются.

Так-так. Кое-что проясняется. Опасный человечек, очень опасный. Как бы его к Старику не подпустить?

Железнов сказал, вроде бы с удивлением:

– Есть у нас, кто за охрану и безопасность отвечает. Товарищ Грач. Он не говорил, что ему помощни-

ки нужны. Наоборот. Как Охранку разогнали, опасаться стало некого. Ты, товарищ Кожухов, лучше бы в своей Финляндии все как следует подготовил.

Но встрял дурак Малышев:

– Как это «некого опасаться»? Грач говорил, надо глядеть в оба. Шпики вокруг Старика так и шныряют! Товарищ Кожухов хорошо сделал, что приехал. Спасибо выборжанам. Вы нам, товарищ Кожухов, здесь очень пригодитесь.

– Не тебе решать, а Грачу, – осадил недотыкомку Железнов. – Его епархия.

– Где он, кстати? – Волжанка поглядела на вешалку – нет ли там моряцкого бушлата, в котором щеголял Грач (тот еще моряк). – Обещался быть.

Нежданная помощь пришла от Рубанова. Он до сих пор помалкивал, только трубкой пыхтел. Ни одного вопроса не задал. И вдруг, своим дурашливым голосом, будто бы в шутку, сказал дельное:

– Грач – птица сурьезная. Обещался – будет... А скажите нам, товарищ из Выборга, сильно вас германская пуля ранила? Та, от которой вы поумнели?

Железнов не сразу дотумкал, к чему вопрос. А когда допер – подхватил:

– Ты говорил, два года в окопах провоевал, а потом тебя ранило. Недавняя, выходит, рана?

Белобрысый выборжец повел наглыми глазищами с Рубанова на Железнова. Понимающе усмехнулся.

– Проверяете? Правильно делаете, товарищи. В нашем деле бдительность – допрежь всего. Что ж, полюбуйтесь, какая на мне зарубка осталась.

Он встал, скинул пиджак, начал расстегивать рубашку.

– Что вы! – воскликнул Малышев. – Не нужно! Никто вас не собирается проверять!

Но Кожухов уже обнажился. Торс у него был крепко сбитый, поджарый, как у циркового борца. В верхней части живота, справа, багровела вмятина.

– Суй персты, Фома неверующий, – подмигнул выборжец Железнову. – Только не сильно жми, а то я, чего доброго, сомлею.

И отвел Железнов глаза в сторону.

– Подумал Рубанов, даже не поглядев на рубец. Неинтересно. А то, как запунцовел и опустила очи Орлеанская Недева, было, пожалуй, любопытненько. Ишь, как она на него косится. У Тоньки-недотроньки на серьезных людей чутье. Надо будет к этому Серому Волку подкатиться, да сердечную дружбу завести. По шерстке погладить, мясцом прикормить. В России такие друзья пригодятся. Там начнется чехарда: кто через кого перепрыгнет – только поспевай.

– Вы, товарищ, с нами до Питера поедете? – спросил он. Кожухов кивнул. – Вот и ладненько. Обратно в Выборг мы вас не отпустим. Попрощайтесь с чухонскими болотами.

Реплика посвящалась заодно и ревнивцу Железкину. Почетный пролетарий аж заерзал. Как он всё

Революціи бойцы
прославляют не медали,
а слѣды огня и стали:
раны, шрамы и рубцы.

таки похож на сома со своими жидкими усишками, толстыми губами и выпученными глазенками. Прячься под корягу, приплыла рыба того же сорта, но покрупнее.

– Военная рана – это почетно. Стыдиться нету, – сказал Людвиг.

Завидует швейцарский лютик. Хочет быть таким же: губернаторов стрелять, дырку в пузе демонстрировать и делать вид, что всё это пустяки, чепуха на постном масле.

Кожухов, заправляя рубаху в брюки, проворчал:

– Да ладно. Если б на баррикаде – другое дело... Что с отъездом, товарищи? Я правильно понимаю – на послезавтра намечено? Сколько наших едет?

Рубанов ему, уже как своему, объяснил: группа из тридцати человек, отбирали Старик и Грач, по количеству мест в вагоне. И стал перечислять всех, кто едет. Дурак Железкин пнул под столом – молчи, мол. Но сейчас важно было продемонстрировать нужному человеку доверие, вызвать симпатию. Поэтому хренова конспиратора Рубанов лягнул ботинком: отстань.

– Я вот насчет чего сомневаюсь, товарищ Рубанов... – Оказывается, Серый Волк умеет сомневать-

ся? Закряхтел, зашевелил пальцами, подбирая слова. – Неспроста же германский кайзер Старику помогать решил. Хочет, вражина, нас для своего интереса использовать. Получается, мы на ихнюю мельницу воду льем?

Что ж, этот вопрос в России зададут сто или тысячу раз. Ответ имеется.

– Плевать Старику на кайзеровский интерес, – сказал Рубанов. – Пускай немцы думают, что мы им поможем войну выиграть. Ждет их большущий сюрприз, когда революция к ним в гости нагрянет, на штыках их собственных солдат.

Он хотел про это подробней рассказать, но Серый Волк и так понял. Лицо у него посерьезнело. Сообразительный – для пролетария редкость.

– Ну наконец-то! – Волжанка обернулась к двери. – Ждем-ждем. Здравствуй, Грач.

Прилетела птица поважней

Перед тем, как посмотреть на вошедшего, Зепп внутренне мобилизовался.

Господину по кличке «Грач», настоящее имя которого агентам выяснить так и не удалось, в цюрихской картотеке было посвящено весьма объемистое досье (второе по толщине после Лысого), однако проверенных фактов была на удивление мало. Ни точного возраста, ни места рождения, ни семейных связей, ни перечня пороков и слабостей. При этом Грач участвует в революционном движении по меньшей мере лет пятнадцать, всюду побывал, но нигде не оставил явных следов. Никогда не арестовывался, в тюрьме не сидел. Все сведения о нем были расплывчатыми, из вторых и третьих рук.

Вроде бы в пятом году добывал оружие для московского восстания; вроде бы участвовал в экспро-

приациях на Кавказе; вроде бы занимался физическим устранением опасных для партии людей (хоть на словах коммунисты всегда осуждали индивидуальный террор). Сплошные «вроде бы». Совершенно точно известно лишь одно: Грач обеспечивает в Цюрихе безопасность большевистского вождя. В общем, птица важная, высокого полета.

– Привет-привет, – быстро сказал невысокий и ненизкий, нехудой и неполный мужчина с бородкой неопределенно-мышастого цвета. Единственная примечательность физиономии: контраст между неподвижностью лицевых мускулов и ни на миг не останавливающимся взглядом.

Зепп видел в досье с десяток фотографий, но по ним Грача бы не узнал.

Рукопожатий не последовало. Грач просто придвинул стул, сел. Кивнул на тарелку:

– Чьи сосиски? Жрать охота. Не завтракал и не обедал.

На новичка никакого внимания. Это Зеппа насторожило.

– Вот, товарищ Кожухов. Из Выборга. Письмо про него было по эстафете, – сказала Волжанка.

– Ага. – Грач в два укуса проглотил немаленькую сосиску, коротко покосился на Зеппа. Жуя, спросил. – Помню. Вы ведь родом с Урала? Перед Финляндией состояли в екатеринбургской ячейке?

С такими субъектами правильная линия поведения – немногословие. Никакой инициативы в разговоре.

– Всё точно.

– Ну-ну. – Вторая сосиска исчезла с такой же скоростью. – Значит так, товарищи. Отправляемся послезавтра. Поезд будет ждать с вечера, но уедем ровно в полночь. С главного вокзала. Все кроме Старика собираются в привокзальном кафе к семи – будет инструктаж, распределение мест и прочее. С собой иметь два места багажа, не больше. Еды брать не нужно – немчура накормит.

– А Старик? Неужто он тоже с узлами в кафе явится? – спросил Железнов. – Не опасно? Беспокоюсь я за него.

Грач хлопнул пролетария по плечу:

– А ты не беспокойся. Мы его из квартиры прямо к вагону доставим. Непосредственно к отъезду. Всё, брат, продумано.

Он вытер губы салфеткой, поднялся. Свою черную куртку с медными пуговицами Грач не снимал, лишь пристроил на спинку стула картуз.

– Ну всё, бегу. Я только предупредить насчет завтрашнего. Спасибо, что подхарчили. Вот еще претцель прихвачу, по дороге умну.

Проворный человек уже двигался к выходу.

Вслед раздалось сразу несколько вопросов:

– Прямо к отъезду? А он не опоздает? – крикнул Железнов.

– Ты обещал, что найдешь место для Карла! – это Волжанка.

Малыш, добрая душа, тоже подал голос:

– А как же товарищ Кожухов?

Но Грач будто не слышал. Хлопнула дверь, мелькнул черный рукав. И всё, разговор закончен.

Очень это Зеппу не понравилось. Особенно, что вопрос Малыша остался без ответа.

Железнов не скрывал торжествующей улыбки.

– Ну, пойду чемодан собирать. Правда, его еще купить надо. Бывай, Кожухов. На случай если тебе в вагоне места не хватит, давай пять. В революционном Питере свидимся.

Крепко сжал руку, хмыкнул. Тоже ушел.

– Товарищи! – воскликнул Малыш. – Давайте закажем бутылку вина и выпьем! За скорую встречу с Родиной, с революцией! Я угощаю. Зачем мне теперь швейцарские деньги? Скоро вообще никакие деньги станут не нужны!

Зепп встал, двинулся к вешалке. Волжанка, хмурясь, спросила:

– Куда вы?

– Пойду. – Он криво усмехнулся. – Товарищу Грачу я, похоже, не сгодился.

АРГЕНТИНА, КРАЙ ПАМПАСОВ

Повернуть в переулок – как его, Предигергассе, вот как. Черт язык сломит. Потом налево, направо, еще налево, и будешь на месте.

Третий год в этом поганом городе, а никак не упомнишь всех его загогулин. Не по-русски построен. Вроде крепко, а без души. Потому и заплутать легко. Дома сдвинуты, будто человека задавить хотят. Чистенько, занавесочки, цветочки в горшочках, а трупом пахнет. Уехать бы отсюда, а то всё стали похороны сниться. Не к худу ли?

Куда только ехать – на восток иль на запад?

А то вовсе за море-океан рвануть, в Америку или еще лучше в Аргентину. Вот где вовек никто не сыщет – ни одни, ни другие.

Край пампасов Аргентина,
Где под сенью авокадо
Кавалеры сеньоринам
Распевают серенады.

Эх, кабы раньше знать, что непрочно всё, что скоро рухнет. Был бы сейчас орлом-соколом, никого бы не страшился, собственной тени не пугался. Но прошлым летом всё иначе гляделось. Попер Брусилов австрияков, и захрустели германские союзники, задрожали. Какая революция? Какая республика? Кто российскую махину своротит? Триста лет цари Романовы правят и еще столько же простоят. Даже Старик стал всё про будущие поколения говорить.

И подкатился бес, ловкий человек, с соблазнительным разговором. Вел беседу издали, уважительно. Мол, давно вас отмечаем и отличаем как единственного патриота и радетеля отечества среди пораженческой сволочи. И как после Циммервальда вы один со всем кодлом спорить пытались – это нами тоже отмечено. Так что ж мы, русские люди, по разные стороны баррикады стоим? И еще всяко.

Нет, если б не Брусилов-генерал, нипочем бы на сатанинские речи не клюнул. Главное, деньги-то немаленькие. За девять месяцев в банке, на секретном счете, пять с половиной тысяч франков накопилось. Не пустяк, конечно, но и не золотые горы.

В прошлом году хоть мало дергали. Раз в две недели встретишься, перескажешь как и что – и гуляй. Но в январе месяце примчалась новая метла, Люпус этот. Всю душу вынул. Чуть не каждый день ему докладывай, жизнью рискуй. А платить, считай, вовсе перестали. Только запугивают.

Хотя за это дельце Люпус обещал наличными тысячу отвалить, сразу.

Пять с половиной тысяч и тысяча – это шесть с половиной. Если не шиковать, скромненько обитать, года три просуществовать можно. Не у швейцаров, конечно, тут всё втридорога. А вот, к примеру, в Аргентине. Очень хорошо про эту страну в газетах пишут. Сытная, спокойная, и главное – далеко.

Вот и парк. Слава богу, нет никого. Только тетка с коляской, но на другой скамейке.

Сел, вынул блокнот, написал карандашом, что следовало.

Оглянулся – никого.

Спрятал свернутый в трубочку листок в щелку – куда обычно, и лишь тогда дух перевел.

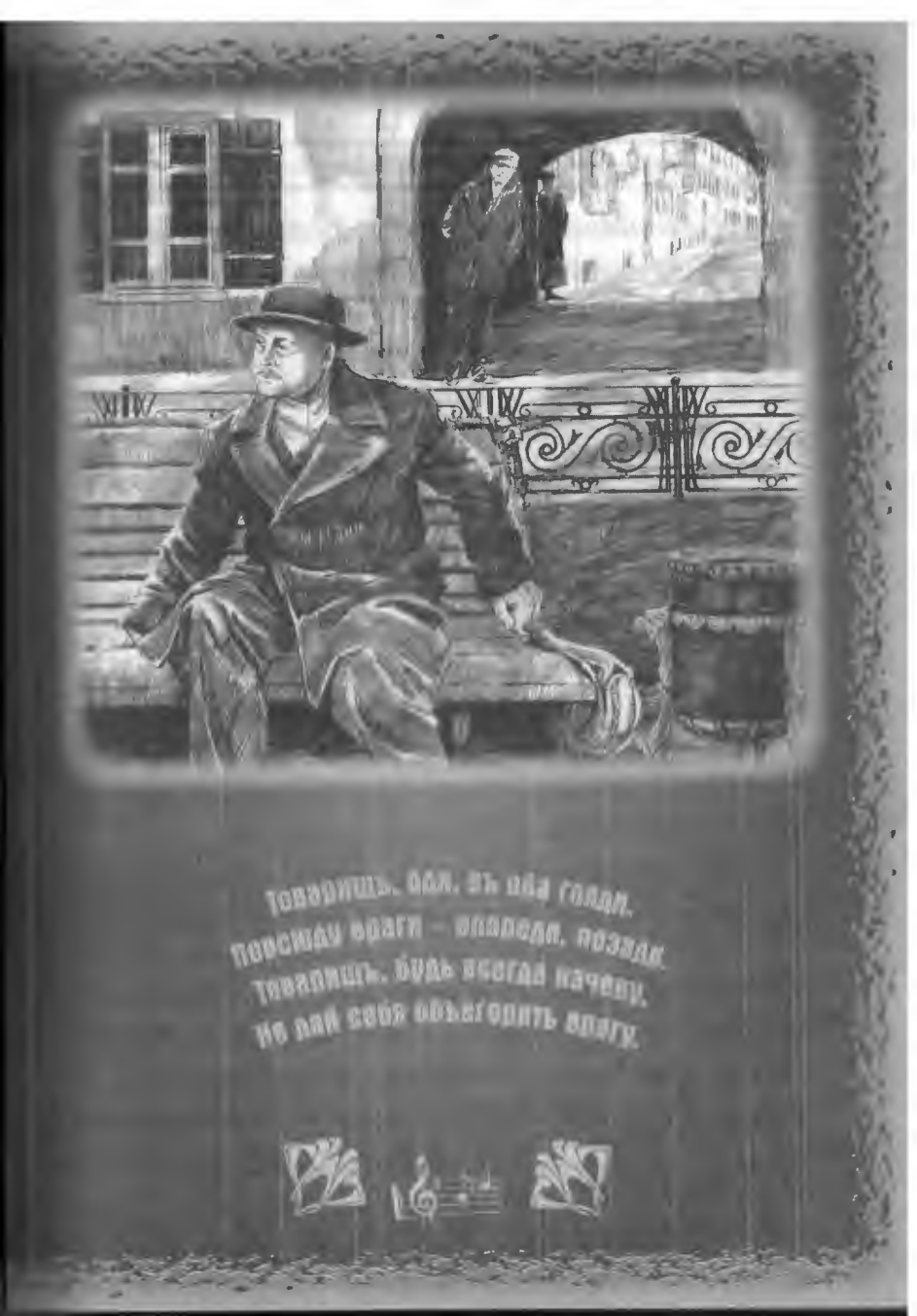
Не надули бы только с тыщей.

Скучно с дилетантами

Нет, правда, ну что это? Задачка, с которой справился бы даже агент-новичок. Почему двенадцатидюймовое орудие «майор фон Теофельс» должно тратить снаряды на пальбу по воробьям?

Зепп брезгливо наморщил нос, глядя из подворотни, как жалкий придурок бестолково оглядывается, торопится подальше уйти от «секрета».

И был двенадцатидюймовый майор немедленно наказан за самонадеянность, за неполностью мобилизованный ресурс бдительности. Азбучная истина слежения: ведя «объект», помни, что тебя самого в


Товарищъ, одна, въ оба гляди.
Повсюду враги — впереди, позади.
Товарищъ, будь всегда начеку,
Не дай себя объегорить врагу.

это время могут пасти. А он расслабился. По дороге из пивной даже ни разу не оглянулся.

– Почему вы следите за Железновым? – раздался за спиной у Зеппа женский голос.

Не оборачиваясь, будто и не был застигнут врасплох, Теофельс ответил:

– Больно быстро засобирался. Чемодан покупать. Ну-ка, поглядим, что за цедулки он столь романтически оставляет...

Черт, от неожиданности выбился из роли. Уральско-финляндский пролетарий так кудряво бы не выразился. Вот и Волжанка, догнав, сбоку смотрит как-то удивленно. Надо поскорей перевести ее озадаченность в иное русло.

Сели на скамейку, рядышком, словно идиллическая семейная пара. Зепп закурил папироску.

– Какая романтика, какая цедулка? – спросила Волжанка. – Я ничего не видела. Почему мы тут сидим?

– Мало ли. Может, наблюдает кто. Э, вертеться не нужно. Положите лучше голову мне на плечо. И блаженно зажмурьтесь. А я тихонько пошарю между деревяшками. Неужели вы не видели, как он бумажку прятал?

Голову ему на плечо она пристроила и лицом что-то такое изобразила. Будто судорогой от кислятины перекосило.

– Ага. Есть. Теперь обнимите меня. Ну давайте же, мне нужно прикрытие.

– Конечно, товарищ Кожухов. Сейчас.

Она обняла его, прижалась – на сей раз довольно убедительно изобразив страсть, даже шляпка набок съехала. От волос революционерки пахло дешевым, чуть ли не хозяйственным мылом.

Одной рукой Зепп развернул листок и, держа ладонь ковшом, прочитал вслух:

– «Послезавтра в полночь. Главный вокзал. Старика отдельно. Подробности дома. Не забудьте деньги». Вот вам и Железнов...

Волжанка тонко и пронзительно вскрикнула, отшатнулась. Кровь отлила от щек и сразу же, от стыда, прихлынула обратно, отчего лицо покрылось пунцовыми пятнами.

– Простите. Я слишком эмоциональна. Проклятое женское.

– Тут закричишь, – пожал он плечами. – Как можно спокойно относиться к предательству?

– Железнов предатель? В голове не укладывается.

Он горько усмехнулся:

– Сколько раз в своей жизни я это слышал.

Волжанка встрепенулась:

– Надо показать Грачу записку! Скорей идемте!

– Нет уж. Будем ковать железо, пока горячо. – Зепп почесал подбородок. – «Подробности дома»... А где у Железнова дом? Знаете?

– Конечно. Мы здесь живем почти что коммуной, часто друг к другу ходим. Но зачем?

– Обычное дело. Ведите, по дороге объясню.

Войти в дом удалось не сразу. По переулочку, ответвлявшемуся от торговой Нидердорф-штрассе, все время шли люди. Минут пятнадцать или даже двадцать торчали за углом, изображая

оживленную семейную беседу. Актриса из Волжанки была неважнецкая.

Наконец переулок опустел.

– За мной!

Пропустив спутницу в подъезд, Зепп оглянулся. Всё чисто. Из окон напротив никто не пялится.

По узкой скрипучей лестнице поднялись на третий этаж. Жил товарищ Железнов скромно, хоть и питался из двух кастрюль: получал содержание и из партийной кассы, и из противоположного ведомства.

Перед дверью Зепп подал Волжанке знак: действуйте, как договорились.

Она постучала.

– Вер ист да? – спросили почти сразу же.

Видно, хозяин ждал гостей.

– Откройте, товарищ Железнов. Это Волжанка.

Пауза. Можно понять: испугался, что явится человек с той стороны и придется выкручиваться. Сейчас постарается поскорей спровадить. Но сначала откроет.

Открыл.

– Вы?

Хотел немедленно что-то прибавить: мол, я как раз выхожу или еще что-то. В квартиру бы не пустил – заслонил собою проем.

Но Зепп отодвинул Волжанку, а Железнова пихнул в грудь – тот отлетел.

– А ты кого ждал? Дружков из Охранки?

Вошли в тесный коридорчик, дверь за собою закрыли.

– Ты с глузду съехал, Кожухов?! Кто ты вообще такой? Это с тобой разбираться надо, что ты за...

Но Волжанка молча показала листок, и Железнов осекся. Попятился в комнату.

Зепп – за ним, плотно. Заодно определил конфигурацию квартиры. Прямо – жилое помещение, справа маленькая кухонька с газовой плитой, слева кладовка и ватерклозет.

– Товарищи, я объясню... – лепетал белый человек, отступая в комнату. – Это не то, что вы вообразили... Какая Охранка? Нет ведь больше никакой Охранки. Я задание товарища Грача выполняю. Конспиративное. Не верите? Я вам сейчас докажу. У меня инструкция есть. Сейчас...

Въ бой рѣшовой мы вступили съ врагами.
Бьемъ ихъ руками, бьемъ ихъ ногами.
Душимъ ихъ, давимъ, рвемъ ихъ зубами.
Красное знамя вьется надъ нами!

Обернулся, зашарил по книжной полке, снял том «Капитала». Зепп уже знал, что последует дальше. Копеечные хитрости горе-шпионов. И когда Железнов выхватил из тайника «браунинг», майор был наготове. Перехватил руку, вывернул кисть. Оружие упало на пол. Но Железнов так легко не дался. Двинул локтем в бок – точнехонько по раненому месту. Вряд ли осознанно, слишком уж был перепуган. Просто повезло.

У Теофельса почернело в глазах, он едва не потерял сознание. Вот было бы глупо! Однако усилием воли склеил расползающуюся явь, не позволил ей рассыпаться. И пыром ткнул сопящего противника в кадык. Тот, хватая ртом воздух, согнулся.

– Вот, держите!

Волжанка подобрала «браунинг». Голос у нее дрожал, рука тоже, а все-таки не растерялась.

– Кому писал? – спросил Зепп.

Не получив ответа, ударил пальцем под ложечку.

Железнов всхлипнул, рухнул на колени.

– Кому писал? – спокойно повторил майор. – Люпусу? Говори, все равно заставлю.

– Ему...

Волжанка спросила:

– Кто это Люпус?

– Резидент русской сети. Мне товарищи на него ориентировку дали.

– Кому помогаете, дураки? – хрипел Железнов, подняв мокрое от слез лицо. – Немцам? Ведь вы русские! И Люпус русский!

– На свете есть только две нации: пролетарии и кровососы, – объяснил ему Зепп основы классовой философии. – Ты, выходит, за кровососов. Ну и получай, что заслужил.

«Браунинг» он сунул в карман, а Железнова взял за горло, немного подержал и отпустил. Тело повалилось ничком.

– Вы его задушили? – боязливо спросила Волжанка. – Разве не нужно было допросить?

– Он и так уже всё сказал. Душить – дело долгое. Я просто сжал сонную артерию. Пусть поспит.

Это он растолковал, уже начав приводить комнату в порядок. Поставил опрокинутый стул, «Капитал» – на место, скомканный половик расправил. Потом взял со стола карандаш, чистый листок, положил для образца почерка смятую бумажку с донесением.

«Прощайте, товарищи. Устал». Вроде похоже. Да и не станет полиция усердствовать из-за какого-то подозрительного иностранца, которому жить надоело.

Пистолет зажал вялой рукой бесчувственного Железнова. Прижал дуло к виску поплотнее. Волжанка было отвернулась – и устыдилась слабости, заставила себя смотреть.

Хорошая штука карманный «браунинг». Для боя, конечно, дрянь, а вот для инсценировки самоубийства в жилом доме – то, что надо. Звук получился не громче, чем при открытии бутылки шипучего секта.

– Нервный срыв эмигранта-революционера, – сказал Зепп, поднимаясь. – Обычное дело.

Волжанка молчала, не в силах пошевелиться. Смотрела на обожженную выстрелом кожу и на маленькую дырку, над которой выдулся багровый пузырь, пролился струйкой на половик.

ПОЛОВОЙ ИНСТИНКТ

Слабая, жалкая, истеричная дура.

В кафе зашли, потому что на улице ей стало дурно. Чтоб не выдать себя, предложила:

– Посидим? Нужно всё обсудить.

К вечеру тучи раздвинулись, пригрело солнце, и сидеть на улице было совсем не холодно, поэтому дрожащие руки Антонина спрятала под столик. Когда принесли кофе, сказала:

– Пускай остынет. Не люблю горячий.

На самом деле любила обжигающий, но боялась расплескать.

И все-таки опозорилась. Взяла у Кожухова папиросу, а прикурила с трудом – никак не могла попасть трясущимся кончиком в огонек спички.

Ну и он, конечно, заметил.

– Да, противно. Но революция – это война, а на войне надо убивать.

– Я знаю, знаю. Раньше у меня нервы были крепче. Разнюнилась в Швейцарии...

Она посмотрела на него виновато. Встретилась глазами – и вдруг отпустило. Кожухов глядел так спокойно, понимающе. Можно было не притворяться сильной, ничего не изображать.

– Покурить вам нужно. Успокаивает. – Он слегка, по-товарищески, похлопал ее по руке. – А обсуждать тут нечего. Одним сорняком меньше стало. В России нам много сорняков выполоть придется.

– Я привыкну. Научусь быть настоящим бойцом. Таким, как вы.

Даже странно, что дрожь прошла, будто и не было. И чувствовала себя сейчас Антонина хорошо, легко. Это свое состояние она знала. Накатывало оно нечасто и всегда неожиданно.

– Вы мне нравитесь, Кожухов. Говорите мало, а дела не боитесь. У вас есть женщина? – Нет, не так, не ее это дело. Антонина поправилась. – Я хотела спросить, у вас давно последний раз было? С женщиной?

Кожухов закашлялся дымом.

Оказывается, и такого невозмутимого, хладнокровного можно смутить.

Она загасила папиросу.

– Пойдемте. Я живу неподалеку.

– Зачем?

Он всё еще не понял! Смешной. И трогательный. Солдат революции, не избалованный женской любовью.

Любить его, конечно, она не полюбит. Разучилась. Но людям, которые завтра, может быть, погибнут, тоже нужно немного тепла и обычной человеческой радости.

– Я хочу вас.

Кожухов отвел глаза, она – нет. Сейчас она была сильнее. Как это все-таки интересно – то, что происходит между женщиной и муж-

чиной. Ах, если б жизнь сложилась иначе, если б жить в другие, мирные времена... Чушь! Времена лучше, чем нынешнее, никогда еще не бывало.

– Что глаза опускаете? – Антонина улыбнулась. – Женщина обязана кокетничать, изображать неприступность? Я не такая. Или вы вообще не видите во мне женщину? Напрасно, я живой человек. Любить вас я не люблю. Я любила только одного мужчину, и это до конца моих дней. Но половой инстинкт естественен. Как голод или жажда. Вот я смотрю на вас и чувствую: хочется пить.

Он тоже улыбнулся, настороженность из взгляда исчезла.

– Что ж. Пить так пить. Заплатите за кофе, коли вы такая эмансипированная. У меня в кармане вошь на аркане.

«Эмансипированная». А давеча Кожухов сказал «романтически». Это слова не из лексикона простого рабочего. Он много читает, занимается самообразованием. Такие люди, выбившиеся из низов самородки, всегда вызывали у Антонины огромное уважение. Хотелось, чтобы и он ее уважал. Ведь даже мужчины-коммунисты, когда речь заходит о семье

или интимных отношениях, часто оказываются консервативней заскорузлого Тит Титыча.

Поэтому, ведя Кожухова домой, на Унтере-Цене, она постаралась разъяснить свою принципиальную позицию по половому вопросу.

Сказала, что среди профессиональных революционерок считается хорошим тоном изображать монахинь от марксизма, однако она не желает давить в себе здоровое физиологическое начало. Она – полноценная и полнокровная женщина, но не лживое паразитическое существо, в которое превращает девочек буржуазное общество, а свободный человек, без ханжества и кокетства. Привлекать мужчин с помощью пошлых ухищрений вроде пудры с помадой или облегающей одежды она считает унизительным для женского достоинства. Однако она еще молода, организм периодически испытывает потребность в разрядке, и тут нет ничего позорного, это естественно и нормально. Разумеется, опускаться до половой распущенности нельзя, это так же вредно и стыдно, как предаваться любым другим излишествам. Но вокруг много привлекательных мужчин – умных, сильных, одухотворен-

ных, живущих теми же интересами. И если, как шутит Старик, между большевиком и большевичкой проскочила искра, а из нее возгорелось пламя, то пусть полыхает. Согреет обоих – и погаснет. С ней подобное случается нечасто, не каждый месяц. Но уж если возникло притяжение, противиться ему не нужно.

Вдруг Антонина остановилась.

– А вас ко мне тянет? Я ведь даже не спросила... – с тревогой сказала она.

Кожухов засмеялся.

– Зачем, по-вашему, я в сквере велел меня обнять? Я же видел, что никто за нами не следит. У меня на слежку нюх.

Ужасно мило он это сказал. Пошлое, сюсюкающее слово – «мило». Только мысленно его и можно произнести. Антонина тысячу лет не смеялась, но тут сдержаться не смогла.

Взяла его за руку (под руку ходят только манерные фифы), повела дальше. Оставалось не больше ста шагов, только за угол Шпигельгассе повернуть.

Еще одно следовало объяснить, чтоб потом не возникло обиды.

– В длительные отношения я никогда не вступаю. Это для дела вредно, когда двое, знаете, вроде как свою ячейку создали. Если большая любовь – тогда конечно. Но, я вам говорила, на это я не способна. Сына своего люблю, мне хватает. Честно сказать, я даже не представляю, как бы я жила, если б муж остался жив. Любовь ведь поровну не разделишь. Кого-то одного я ведь любила бы больше? Значит, второго бы поневоле предавала. Ненавижу предательство!

Она вспомнила, как у Железнова из пробитого виска стекала кровь – и сейчас не испытала ничего, кроме омерзения.

А Кожухов с любопытством спросил:

– Про мужчину понятно. Но если у вас когда-нибудь появится второй ребенок? Все равно ведь одного будете любить больше, чем другого?

– Второй? Никогда. Я за этим слежу. А прошляплю – вытравлю.

Он кивнул, сжал ей кисть, и Антонина умолкла. Слова словами и принципы принципами, но сейчас, через десять или пятнадцать минут...

Сделалось так жарко, что пришлось расстегнуть пальто. Выглядело это ненарочито – они как

раз остановились перед решетчатой дверью подъезда.

Дом был хороший, буржуазный. Квартира хоть и на пятом этаже, в мансарде, но удобная и, что важно, с телефоном, а из окон открывался вид на зеленый скверик – для тесно застроенного Старого Города редкость. Это Старик распорядился, чтобы партийцев, у кого дети, расселяли как можно лучше. Сам он жил очень скромно. Грач, когда подбирал ему жилье, руководствовался не комфортом (знал, что Старику на это плевать), а соображениями безопасности. Посторонние проникнуть в подъезд не могли, по соседству жили свои и бдительно охраняли вождя, особенно в последнее время, когда начались приготовления к отъезду.

Наверх Антонина обычно поднималась в два приема, после третьего этажа делала передышку. Если была с Карлом, он терпеливо ждал, пока мать отдышится. Но сегодня и не заметила, как оказалась наверху. Загляделась на широкую спину Кожухова, который поднимался первым, легко и быстро шагая по ступенькам.

Очень удивился, когда она позвонила.

– Там кто-то есть?

– Сын. Ему еще нет девяти, но он у меня очень умный и взрослый. Мой маленький товарищ. Вы не беспокойтесь, он всё поймет.

Всё-таки революционерки – какой-то отдельный подвид женской особи. Если футурологи пишут правду, что женщины грядущих столетий будут похожи на нынешних социалисток и суфражисток, мужчин остается только пожалеть. Подумать только – девятилетний сын у нее товарищ, который «всё поймет», когда мамаша привела в дом случайного любовника!

Скоро бабы добьются избирательного права, потом, пожалуй, равенства в карьере – и, конечно, при своей аккуратности, трезвости, прилежании в два счета заткнут мужчин за пояс. Избавятся от домаш-

них хлопот, детей отдадут в ясли, для родов приспособят какие-нибудь инкубаторы, а затем и мужчины окажутся не нужны. Запасут в рефрижераторах семени на тысячу лет вперед.

Вот чего опасаться надо, а не Карла Маркса.

– Кто это? – спросил из-за двери звонкий голосок.

Волжанка шепотом объяснила:

– Он чужому не откроет. А от своих пароль требует. – И громко. – Карл, это я!

– Пароль! – потребовал голосок.

– Винтовка.

– Штык. Открываю.

На Зеппа внимательно смотрел аккуратно причесанный неулыбчивый мальчик, одетый по-взрослому: длинные брюки, толстовка.

– Карл, – сказал он и протянул руку.

– Кожухов.

Рука была хоть и маленькая, но твердая.

– Тебя в честь Маркса назвали? – спросил Зепп, улыбаясь.

Черт знает, почему считается, что с детьми нужно разговаривать шутливо-снисходительным тоном.

Здравствуй, племя младое!
Близко время золотое!
Будетъ пламя мировое
Въ честь твою разожжено,
Вотъ ужъ вспыхнуло оно!

– Вам это кажется смешным, товарищ Кожухов? – спросил малец, и улыбку пришлось убрать.

Ну и семейка. Мамаша – мужик в юбке и дитятя – пожилой карлик.

– Нам с товарищем Кожуховым нужно побыть вдвоем, – сказала Волжанка.

Теофельс ждал, что она как-нибудь это объяснит: секретный разговор, срочное дело или еще что-то. Но Волжанка больше ничего не прибавила.

Мальчик оглядел мужчину еще внимательней, вздохнул.

– Хорошо. Я пойду погуляю.

По-солдатски, не тратя лишних движений, переобулся, взял курточку и шапку.

– До свидания, товарищ Кожухов. Нина, я вернусь через два часа – мне нужно приготовить уроки.

И вышел.

– «Нина»? – озадаченно переспросил Зепп.

– Карл знает, что так меня зовут только близкие друзья. И тоже стал. – Она засмеялась тихим, счастливым смехом. – Говорит, что «мама» – это для малышни... У нас целых два часа.

Положила руки Зеппу на плечи, ярко блéстящие глаза глядели сверху вниз.

Придется нелегко, подумал Теофельс, но солдат перед трудностями не пасует.

Эх. За родину, за кайзера вперед!

Он свирепо притянул женщину к себе.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

О странностях любви

На непривычную для себя тему, о странностях любви, размышлял Йозеф фон Теофельс, лежа на жесткой аскетической кровати и затягиваясь дешевым табаком. Товарищ Волжанка лежала рядом, тесно прижавшись, нежно водила пальцем по рубцу от пули и думала о чем-то своем. Обычно после постельных удовольствий на женщин нападает болтливость, им хочется говорить и слушать ласковые слова, но эта не приставала, молчала.

Загадочная штука – соитие (мысленно Зепп употребил другое слово, привычное и грубое). Никогда, даже при изрядном опыте, не угадаешь, какой окажется в этом деле баба. Роковая фам-фаталь может разочаровать, а скромница, серая мыш-

ка, проявит недюжинный талант. Вот ведь был уверен, что неуклюжая, мужеподобная большевичка будет не чувственней дубового комода. Чтоб войти в форму, активизировал обычный прием возбуждения – представил, что обнимает не малопривлекательную женщину, а сияющую Богиню Победы, на алтарь которой возлагает священную жертву. В трудных случаях вроде нынешнего действовало безотказно.

Но скинув свои безобразные одежды, товарищ Волжанка будто сбросила лягушачью кожу и обернулась – ну, принцессой не принцессой, однако весьма соблазнительной, смелой и одаренной партнершей. В какой-то момент даже пришлось себя осадить, напомнить, что это работа, а не удовольствие.

Может быть, и не стоит так уж опасаться грядущей победы феминизма?

Он искоса посмотрел на женщину, которая еще недавно казалась ему насквозь понятной – и удивила. Значит, не тоскливая марксистская начетчица? Не фанатичка?

Почувствовав его взгляд, Волжанка подняла голову. Ее зрачки были расширены, губы влажны. Ка-

жется, без бабьего сюсю все-таки не обойдется. Ну-ка, что это будет? «Мне так хорошо». Или: «Тебе хорошо со мной?» Или: «Ты такой милый». Еще вариант: «У тебя стучит сердце». Ассортимент фраз заранее известен.

– Когда Старик попадет в Россию, всё встанет на свои места, – убежденно и страстно сказала Волжанка. – Бессмысленное брожение прекратится. Он направит энергию масс в правильное русло. Старик – это мощный ум и стальная воля. Он сразу видит, в чем слабость врага, и наносит концентрированный удар именно в эту точку. Любая болтовня, мелкая вражда самолюбий прекращается, когда он возглавляет организацию. Это настоящий природный вождь. Вы увидите, Россия станет социалистической уже в нынешнем году. Мы заключим мир с Германией, даже капитулируем – это еще лучше. Тогда немецкие солдаты окажутся среди нас, не опасаясь выстрелов. Они такие же рабочие и крестьяне. Они увидят, где правда! Германия и Австрия сбросят своих монархов, а потом пожар революции перекинется на остальную Европу! Старику тесно в России. Ему ну-

Онъ свѣточъ Мира и Свободы,
Покровъ Надежды и Добра,
Изъ тошнотворнаго вчера
Онъ въ Завтра поводитъ народы!

жен весь мир. И ради этой великой цели, ради обновления человечества можно пойти на любые жертвы!

Должно быть, он не вполне совладал с лицом – Волжанка запнулась и сдвинула брови.

– Вы напряжены. Что-то не так? А, я знаю, что вас беспокоит. Вы боитесь, не помешает ли работе то, что между нами произошло? Не помешает. Видите, я даже не перешла на «ты».

Она отодвинулась, нахмурилась еще больше.

– Или дело в другом? Вам... не понравилось? Скажите прямо, я за честность в отношениях. Это тоже не помешает работе. Если я вам неприятна, то, что случилось, больше не повторится.

Все-таки без «Тебе хорошо со мной?» не обошлось. Но это черт с ним. Встревожило иное: второй раз за день прозвучало зловещее предсказание о том, что большевистская революция перекинется из России в Германию. Они все в этом абсолютно уверены! Возможно ли, что дисциплинированная, лучшая в мире армия нарушит присягу и под воздействием иностранной пропаганды обратит штыки против своих командиров?

Чушь. Как и бредни о социалистическом рае.

Почему ж тогда на душе кошки скребут?

– Вы мне очень приятны, – сказал он. – Так приятны, что я хотел бы продемонстрировать вам это еще раз, прямо сейчас...

Товарищ Волжанка издала несолидный звук – хихикнула. В это самое мгновение дверь спальни с грохотом распахнулась.

Зепп оттолкнул женщину, перекатился по кровати, упал на пол возле стула, на котором лежала одежда, выхватил свой «бульдог» и лишь потом развернулся. Всё это заняло максимум полсекунды, но это было слишком долго.

Тот, кто ворвался в комнату, уже держал Теофельса на мушке.

Въ суровый мигъ, политый кровью,
Когда труба зоветъ на бой,
Пойми, товарищъ дорогой:
Не время говзить намъ любовью.

Товарищ Грач, собственной персоной. Всё в том же бушлате и картузе, но не рассеянно-небрежный, а пышащий гневом.

– Без нервов! – сказал он Зеппу. – Пока спустите предохранитель, я выстрелю... Ну, так-то лучше.

Это он сказал, когда майор отшвырнул револьвер в сторону. Грач был прав. Не имело смысла попусту нарываться на пулю.

Морща нос, большевик оглядел голого Зеппа и Волжанку, не торопившуюся прикрыться.

– Я гляжу, у вас праздник весны и любви, – зло произнес он. – Ну встречайте: грачи прилетели.

– Что ты делаешь?! – крикнула Волжанка. – Зачем ты угрожаешь оружием?

Не сводя глаз с Зеппа, Грач приказал:

– Нина, забери свое тряпье и выйди. Оденешься за дверью. Нам с ним надо поговорить. По важному и секретному делу.

Оружие, однако, убрал. Игрушка у товарища большевика была серьезная, «четырнадцатый» маузер.

Волжанка встала с кровати, совершенно не стесняясь наготы.

– Мы собирались тебя искать. Ты не представляешь, что произошло...

– Я вижу, как вы собирались, – перебил он. – Всё, Нина. За дверь!

Она вспыхнула, но больше не сказала ни слова. Вышла, прихватив юбку с блузкой.

Зепп, не теряя времени, одевался. Не из застенчивости. В кармане брюк у него имелась полезная вещица: портсигар с двумя стволами 30-го калибра. Мог пригодиться.

– Баба есть баба, даже если стриженая и с папиросой, – сказал Грач, когда за хозяйкой с грохотом захлопнулась дверь. – Все они передним местом думают... – Он недобро смотрел на Зеппа. – Ну, и на кой бес вы это сделали?

– Не ваше дело!

Майор как бы расправлял смявшийся карман, а на самом деле нащупывал спусковую кнопку на портсигаре. Сразу стало спокойнее.

– Да я не про это! – Грач мотнул головой на мятую постель. – Зачем вы, сарделька немецкая, Железнова шлепнули?

Руку из кармана Теофельс вынул, потер ею подбородок.

– Вопрос первый: откуда узнали про Железнова? Вопрос второй: вам сообщили про меня из Берлина?

Грач передразнил:

– Ответ первый. Приставил к вам человечка, а как же.

– Почему? – спросил Зепп, мысленно чертыхнувшись. Совсем он тут, в Цюрихе, развинтился. Слежка-то, выходит, была двойная: Волжанка и еще какой-то «человечек».

– ...Ответ второй, – не дал себя сбить Грач. – Из Берлина про вас никто не сообщал. Да мне и незачем. Связался с екатеринбургским Советом по телеграфу. Был, говорят, у нас Кожухов, боевой товарищ. В феврале, когда жандармское управление штурмовали, погиб смертью храбрых. Я сначала решил: еще одного подослали. Господин Люпус активничает. Но когда вы Железнова профессионально убрали, понял: фальшивый Кожухов пожаловал из Берлина. Так чем вам, герой-любовник, наш Железнов помешал?

Проклятые халтурщики из оперативного отдела! Сляпали дырявую «легенду»! Конечно, из-за революции обычные каналы информации начали давать сбои, но для сверхважного стратегического задания можно ведь было обойтись без такого грубого ляпа!

– Железнов оказался платным агентом Люпуса, – буркнул раздосадованный майор.

Добро б еще асы контрразведки выявили, а то какой-то революционный клоун с птичьей кличкой. Стыд и срам!

– Знаю. Давно знаю. – Грач присовокупил матерное слово. – Сегодня нарочно при Железнове про отъезд рассказал. Всё правда – и про вокзал, и про послезавтра. Только не в полночь мы отбываем, а в восемь ноль ноль. Потому всем и приказано в кафе к семи собраться. Люпус с его люпусятами разработали бы операцию, рассчитывая на двенадцать ночи. И поцеловали бы наш поезд в задницу. А теперь из-за вас весь план насмарку. Переполошатся, что агент разоблачен. Забегают. Им Старика из Швейцарии выпускать никак нельзя.

Зепп слушал нотацию, как жалкий двоечник. Нечего было даже сказать в оправдание.

А Грач еще и подбавил:

– Идиоты проклятые! Почему было со мной не связаться? Зачем эта дурацкая игра в прятки? Или вы не знаете, что у семи нянек дитя без глазу? Я жизнью Старика рисковать не дам. Отменю к черту весь ваш транзит, будете знать. Вам же первому начальство башку оторвет. И правильно сделает!

ПАТРИОТЫ

Техническая новинка, затемненные окна, – вещь отличная, но когда сидишь в кабине и ведешь наблюдение в бинокль, хорошего фокуса добиться трудно, изображение в окуляре расплывается.

Из подъезда номера 19, где квартировала Антонина Краевская («Волжанка», а по-агентурному «Вобла»), вышли двое. Один известен. То есть имя настоящее не установлено, но фигура знакомая: «Джинн», он же «Грач», начальник охраны «Лысого». Второй (рост выше среднего, телосложение худощавое, небольшие усы, одет бедно) по сводкам, кажется, не проходил – новенький. Лицо как следует не разглядишь – воротник поднят, да и мутновато.

Молодой голос сказал:

Судьба глядитъ неутолимо.
Съ тебя не сводитъ цѣпкихъ глазъ.
Кто знаетъ: это смертный часъ
Или стрѣла просвищетъ мимо?

– Иван Варламович, не прижимайтесь вы. У вас щека плохо выбрита, царапается.

– Извиняюсь, Николай Константинович, – ответил второй голос, сипловатый, низкий. – У вас, между прочим, воротничок крахмальный углом мне в шею, но я же терплю, кошки-матрешки... О чем это они толкуют? Послушать бы. Встали. Вроде прощаются?

– Повернись, голуба, дай тебя рассмотреть, – жалобно попросил первый незнакомца, с которым беседовал Джинн. – Вот та-ак, умничка.

И вдруг присвистнул.

Второй удивился:

– Чего это вы?

– Дайте, Иван Варламович!

Молодой отпихнул пожилого, с которым до этой секунды они смотрели в соседствующие окуляры большого артиллерийского бинокля. Взял «цейс» обеими руками, покрутил колесико.

– Он! Точно!

– Да кто?

– Фон Теофельс! По портрету узнал! В конце прошлого года проходил по всем ориентировкам! Это немец, который пытался убить государя!

Ивана Варламовича чем-либо удивить было трудно. Он лишь вздохнул и по привычке к педантизму поправил:

– Не государя, кошки-матрешки, а гражданина Николая Романова. По нынешним рэволюцьонным временам немцу впору медаль давать.

Оба сидели на заднем сиденье «паккарда», поставленного так ловко, что из-за угла высовывался лишь край кузова. Прохожие шли себе мимо, через хитрые американские стекла парочку с биноклем им было не видно.

– Пойду-ка я прогуляюсь, – молвил Иван Варламович. – Может, услышу что полезное.

Из автомобиля он вылез с другой стороны, чтоб из переулка не увидели. Прогулочной походочкой, этаким ленивым бюргером, двинулся по

переулку, мимо беседующих мужчин. Только те уже прощались.

Джинн, не подав Теофельсу руки и даже не кивнув, зашагал в сторону дальнего перекрестка. Немец же скрылся в подъезде.

Вернувшись к автомобилю, Иван Варламович доложил:

– Услышать ничего не услышал, зато кое-что увидел. Немец-то, похоже, у Воблы в любовниках. Одевался наскоро, из штиблет голые щиколотки торчат. А еще я, Николай Константинович, пока гулял, пришел к рассуждению, что это Теофельс ваш беднягу Пискуна кокнул. Больше некому. Джинн у нас на поводке был, а других ловкачей, кто так красиво самоубийство изобразит, у товарищей большевиков нету.

– Очень возможно.

Николай Константинович Леонтович – совсем молодой брюнет с острым, несколько лисьим лицом и очень быстрыми движениями – сосредоточенно что-то строчил в блокнотике. У него имелась привычка: мелкие детали записывать по горячим следам. Так его научили на курсах, где он постигал премудрости разведочного дела.

Иван Варламович Шишко, сотрудник швейцарской резидентуры еще со времен предпоследнего царствования, вначале относился к методам молокососа-начальника иронически, однако впоследствии отношение переменил. Мальчишка-прапорщик, присланный в январе из Петрограда, был молодчага и орел, невзирая на зеленый возраст и смешной чин. Иван Варламович при нем, можно сказать, переживал вторую молодость.

Когда-то он тоже слыл птицей клювастой и когтистой, выслеживал боевиков, рисковал жизнью. Но лет десять тому беготня эта кончилась, опасные террористы в Швейцарии повывелись. После начала войны стало поживей и работы прибавилось, но все равно: нейтральная страна, нарушать местные законы ни-ни, даже оружие при себе носить инструкция запрещала. Только вести наблюдение за кем прикажут, передавать эстафеты. Кругом война, конец света, а в Цюрихе тишь, благодать. Отъел Иван Варламович брюшко, начал готовиться к недальней пенсии. Кровь у него в жилах текла азартная, филерская, но разогнать ее особенно

было негде. От скуки, нервы пощекотать, пристрастился он к глупой забаве – лазить по ледникам с альпенштоком.

Но пару месяцев назад прежнего начальника, статского советника Кукушкина, отозвали в Россию. Прислали выскочку военного времени, вчерашнего студента с дурацкой кличкой «Люпус» (у господина Кукушкина никакого агентурного прозвания не было, и донесения он подписывал инициалами). Появилась перед самой революцией такая мода: назначать людей на видные должности не по выслуге, а по заслуге. Эх, кабы раньше так было! Люпус, даром что сопляк, успел и пороху понюхать, и в тысяче переделок побывать, а главное – не было в нем страха ни перед врагом, ни перед начальством.

Пошла у Шишко совсем другая жизнь. Вспомнил конь боевой: не для пашни, а для скачки на свет он рожден.

Перво-наперво прапорщик Леонтович велел наплевать на дипломатические инструкции. На войне без оружия только полковые попы ходят. Во-вторых, решил проблему Воячека, помощника австрийского резидента. В мирные времена, бывало, пивко

вместе пили, а теперь не стало от шустрого австрияка никакой жизни. Совсем обнаглел, зная, что опасаться ему нечего. Пожаловался на него Иван Варламович новому начальнику, а тот говорит: «В чем загвоздка? Дайте мне на него ориентировку: адрес, явки, привычки. Я этот гнилой зуб в два счета выдерну». И стало Ивану Варламовичу стыдно, что он так обабился. От помощи отказался, обошелся своими средствами.

Лег герр Воячек в сырую землю, с двумя пулями в груди, а у самого Ивана Варламовича на память осталась отметина повыше коленки, от касательного ранения. Успел старый знакомец в него разок-другой пальнуть, да промазал. А могло и наоборот выйти, очень запросто. С этого момента встряхнулся Шишко, взбодрился, помолодел лет на пятнадцать. При Люпусе скучать и сидеть без работы не приходилось. Альпеншток с шипастыми бутсами валялись в кладовке – азарту теперь хватало и без них.

Насчет Леонтовича было еще вот что интересно. Раньше в агентуру шли дворняжки беспородные, у кого ни гроша за душой. Шишко и сам был из

таких. Копил швейцарскую копеечку, экономил на суточных-разъездных. Статский советник Кукушкин тоже себя не обижал: напишет в отчете, что заплатил за информацию тысячу франков, а сам даст пятьсот, остальные – в карман. Если б Кукушкин в Цюрихе оставался, когда грянула революция и финансирование закончилось, тут бы и конец всей резидентуре. Не стал бы его высокородие всухую работать.

Люпус – другого поля ягода. Не ради жалованья и наградных в разведку пошел. Родитель у него солидный человек, заводчик, денег для сына не жалеет. Когда в марте месяце Петроград замолчал, а господин военный агент из Берна сообщил, что служба закончена, платы больше не будет, Люпус велел на это наплевать. «Не военному агенту служим и не Петрограду, – сказал. – Пока война не закончена, будем воевать. Монархия у нас или республика, все равно. Россия есть Россия, никуда не денется. А насчет жалованья, Иван Варламович, не переживайте. Буду пока из своего кармана давать. А через месяц-другой у них там дурная кровь от мозгов отхлынет, поймут, что и республике без загранрези

дентуры обойтись невозможно». И платил, как положено: в прежнем размере, в срок. А хоть бы и не платил. Шишко своего молодого начальника к тому времени так крепко зауважал, что исполнял бы должное и за спасибо.

Главную цель деятельности Люпус определил сам, по своему разумению. А разумение у мальчика было получше, чем у прежних начальников.

Люпус сказал: «Главная опасность для России – что революционная бацилла дальнейшее воспаление произведет. Самый смертоносный микроб у нас в Цюрихе пребывает. Господин Картавый, которого большевики зовут «Стариком», а немцы «Лысым». Счастье, что он застрял в швейцарском карантине. Мы при этом карантине вроде санитарного кордона. Если дадим Лысому проползти в Петроград – убить нас мало. Ну и болваны же руководили вашей Охранкой, Иван Варламович! Гонялись за эсэрами и анархистами, большевики у них, видите ли, считались безобидными говорунами. А их отстреливать надо было, как бешеных собак. И, клянусь, мы это сделаем, как только Лысый всерьез засобирается домой».

Вот он, сердешный, и засобирался. Да только поди-ка к нему, подступись. Носу со своей квартиры не высовывает. Вокруг дежурят людишки Джинна, берегут своего вождя. А со вчерашнего дня Лысый вообще куда-то пропал. Не иначе перевезли в безопасное место – и не выяснить, куда именно.

Проще всего будет его перед посадкой в поезд достать. Но для этого нужно узнать, откуда и во сколько он отбывает.

– Без Пискуна мы как слепые щенки, – сказал Люпус, когда они перебрались с заднего сиденья на переднее. Завел мотор. Он любил водить машину сам. – Что делать будем, Иван Варламович?

Шишко погладил седоватые усы.

– Поехали ко мне. Чайку попьем. В шахматишки посражаемся. Авось что и придумаем. Опять же Марья Васильевна моя, поди, соскучилась.

Марья Васильевна была кошка почтенного тринадцатилетнего возраста, когда-то вывезенная Иваном Варламовичем из родного города Калуги после очередного отпуска. Попивши теплого молока с хлебными крохами, она дремала на столе под горячим боком самовара. Хозяин Марью Васильевну баловал, разрешал ей любые вольности и часто вел с нею беседы. Другой семьи у Ивана Варламовича не было.

Он допивал уже третий стакан, а Люпус едва пригубил первый, и к медовым пряникам, которые Шишко покупал в еврейской лавке, не притронулся. У прапорщика шел мыслительный процесс. В такие моменты ни пить, ни есть Николай Константинович не мог.

Партия в шахматы тоже была одно название. Черного короля Люпус назначил Лысым, поставил в

Не наше дѣло — искать отвѣтъ.
Кто тутъ виновный и кто тутъ правый.
Въ борьбѣ суровой, въ борьбѣ кровавой
Ничьей не будетъ. Пощады нѣтъ.

центр пустой доски и обставлял разными фигурами. Одна из них, пешка, лежала сбоку, обозначая убитого Пискуна. Белый ферзь, то есть Теофельс, и черный ферзь, то есть Джинн, вопреки всякой шахматной логике охраняли короля с обеих сторон. Им помогали слоны и кони – большевистские охранники.

Сидели по-русски, на кухне. Квартирка у Ивана Варламовича была уютная, достался ему от бога такой талант – повсюду устраиваться вкусно и обстоятельно. Думать начальнику он не мешал, с аппетитом кушал пряники, макая их в варенье. Уличный пиджак, чтоб не запачкать, сменил на удобную домашнюю кофту.

– Как же до черта этого добраться? – в десятый раз спрашивал Люпус. – Попасть бы только к отправлению поезда. Даже близко подходить необязательно. Я бы его, гадину, и с двадцати шагов положил. Пускай потом хоть на месте убивают, хоть в полицию сдают. С чистой совестью умру или в тюрьму сяду.

– Оно конечно. С чистой совестью, кошки-матрешки, ничего не страшно, – поддакивал Шишко, чтоб морально поддержать юношу.

Сам-то он думал, что, ежели б узнать время отъезда, то совсем необязательно на рожон лезть. Найдутся способы побезопасней. Однако до поры до времени не возражал. Прапорщик был остер умом, что-нибудь да придумает. А уж в проработке деталей можно будет и поучаствовать.

Николай Константинович засопел острым носом. Стал вертеть в руках одну из пешек, внимательно ее разглядывая. И умолк. Это был хороший признак.

Молчание длилось долго, и Шишко пока стал думать о приятном. Как после войны всё устаканится, перемелется, и выйдет он на пенсию, снимет со счета нетронутые инфляцией надежные швейцарские франки и купит в чудесном городе Калуге дом с палисадником. Чтоб нижний этаж был каменный, а верхний бревенчатый. В Швейцарии тоже такие есть, «шале» называются, но только где им до калужских.

– Расскажу я вам одну историю, – сказал Люпус. – Из недавнего прошлого.

И рассказал. Слушать его Шишко любил, потому что истории у Николая Константиновича были всегда интересные и говорил он, будто кино показывал. Так всё прямо и видишь.

Рассказ Люпуса

Вы, Иван Варламович, знаете: перед тем как в загранрезидентуру перейти, я в контрразведке работал. Последнее время в группе поручика Романова. Не слыхали про такого? Услышите еще. Восходящая звезда контршпионажа. Талант. Тоже, как я, из студентов Петербургского университета. У него крест георгиевский. Сами знаете, какая это в нашем ведомстве редкость, а у Романова солдатский и офицерский. Не в крестах, собственно, дело. Романов – человек железный. У него было чему поучиться. Раз, прошлой осенью, преподал он мне урок, на всю жизнь.

Взяли мы поляка одного, из агентуры Пилсудского. Вы тут в Швейцарии с «Польской организацией войсковой» не сталкиваетесь, а в России она нам много крови попортила. Ведь поляков в империи мильо-

ны. Поди знай, кто из них ради независимой Польши на врага шпионит. Понять-то поляков можно, я бы давно их отпустил из державы к чертовой бабушке, коли они с нами жить не желают. Насильно мил не будешь. Но во время войны не до сантиментов.

В общем, следили мы за их сетью, но брать никого не решались. Перышко ухватим, а птица улетит. Романов всё повторял: не торопимся, не торопимся, наверняка нужно – чтоб непременно на «крысу» из штаба выйти.

Дело в том, что из штаба Петроградского округа через польскую агентуру шла утечка секретных сведений. Работал там на них кто-то, а кто – вычислить никак не получалось.

И вот говорит однажды поручик: «Работаем! У Рыжего жена двойню родила. Счастливый папаша нам всё расскажет. Не он, так мамаша – она Стацинскому единомышленница и боевая подруга». Был у поляков в сети ключевой человек один, по фамилии Стацинский, агентурная кличка «Рыжий». Инженер, в конце Литейного жил. Мы давно за ним следили и что жена беременная, знали. Родила она, стало быть – двойню.

Взяли мы супругов Стацинских ночью, прямо в кровати. Они на последнем, четвертом этаже жили, так мы с крыши через окно проникли.

Но хоть сработали аккуратно, а только вижу: дело дрянь. Во-первых, не понравилось мне, что Рыжий, когда револьвер из-под подушки выхватил, его не на нас, а себе в висок направил. Еле Романов успел ему запястье вывернуть. Во-вторых, жена неприятно удивила. Ни писку, ни крику. У нее в люльке два грудных младенца орут, на ночной рубашке пятна от молока расплываются, а Стацинская зубы стиснула и в глазах одна только ненависть. Гордая полячка.

Я шепотом Романову говорю: «Пустое, Алексей Парисович, ничего они нам не скажут».

Он, однако, работает с арестованными по всей науке, психологически давит. Мол, детей придется в Воспитательный дом отдать, грудные там редко выживают, жалко бедняжек и всё такое.

– Жалко, – кивает Рыжий и улыбается. Жена не улыбается, кусает губы, но тоже – стена каменная.

Тогда Романов мягче берет:

– Скажите, кто вам из штаба округа сведения дает, и я распоряжусь оставить детей при матери.

Больше, честное офицерское, ни одного вопроса не задам. Товарищей своих можете не выдавать. Что вам этот «Оракул», продажная тварь? Он ведь не поляк даже.

Ловко подъезжает, думаю. Товарищей Рыжего мы и так почти всех знали, а что «Оракул» – не поляк, это предположение было. Всех офицеров польской крови, кто мог иметь доступ к секретным данным, мы под микроскопом проверили.

Но Рыжий и на это не купился, замолчал вглухую. Еще и глаза прикрыл: не желаю ни разговаривать, ни рож ваших видеть. Зато жена его вдруг улыбаться начала, этак психовато, экзальтированно. Взгляд к потолку обратила и всё крестик золотой на шее теребит.

Полный крах, думаю. Ушла сеть под воду вместе с добычей, одни обрывки у нас в руках останутся.

Романов белый, весь затрясся. На Рыжего перестал обращать внимание, на панночку переключился.

– А-а, – рычит, – это вы, верно, думаете, что детей ваших Бог католический спасет? Не спасет! Если вы сами их не спасете, никто не поможет!

Махнул ребятам, чтоб взяли супругов покрепче. А сам – я глазам не поверил – берет из колыбельки одного малыша. Мальчик. Рыженький, как папаша. Вопит, надрывается, рожица от натуги багровая.

Мать забилась, но ее два бугая здоровых держат. Стацинского – четверо. Тот, правда, не шелохнулся, только глаза широко открыл.

А окно, через которое мы давеча влезли, открытое осталось. Романов перегнулся через подоконник, ребенка наружу высунул. Обернулся.

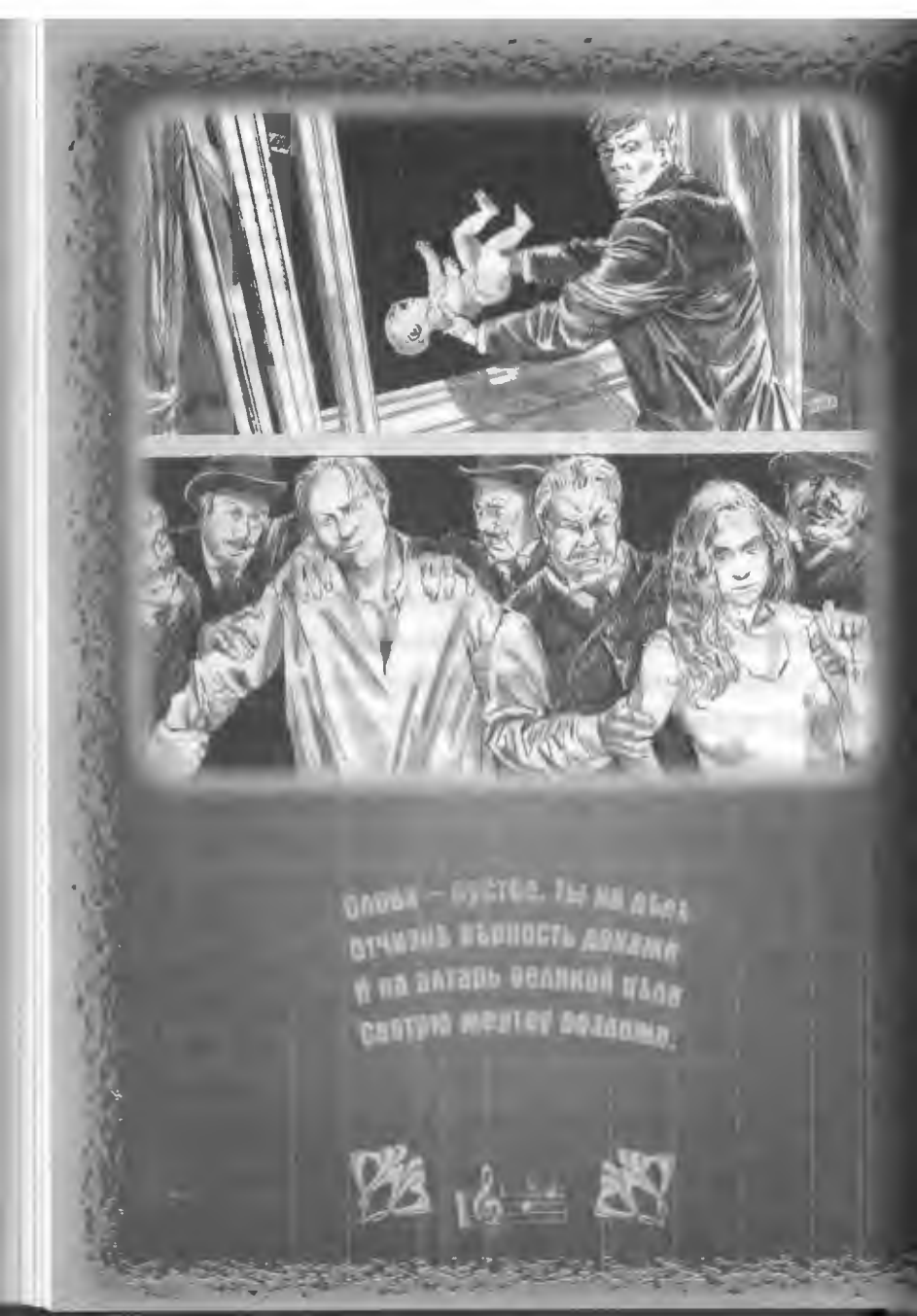
– Считаю до пяти – и выброшу. А потом второго!

И такое лицо бешеное, такой голос, что никаких сомнений. Выбросит!

Он до трех досчитал, потом полячка назвала фамилию. Мы гада этого, штабс-капитана из мобилизационного отдела, чистого русака, даже не подозревали.

Потом, когда арестованных увезли (мамашу вместе с детьми, как обещано), я Романова спрашиваю: «Неужели правда младенцев в окно бы выкинули?»

У него зубы клацают, глаза – черные дырки.


Слова — пустое. Ты на дѣлѣ
отчизнѣ вѣрность докажи
и на алтарь великой цѣли
святую жертву возложи.

И говорит он мне:

– Я, Николай Константинович (он с сотрудниками-офицерами всегда на «вы», не признает фамильярности), я, говорит, думал, что первого выкину, а когда так же возьму второго – она обязательно расколется. Если устоит, второго верну в колыбель. Зачем зря убивать? А потом в любом случае – расколется она или не расколется – застрелюсь. Потому что как на свете жить, если ребенка убил?

Он вообще-то немногословный, Романов, а здесь, от нервов, разговорился:

– Я с Достоевским про слезу ребенка категорически не согласен. Поганое интеллигентское чистоплюйство. Ручек своих белых даже ради спасения отчизны не замараю – вот что эти слова значат. А я замараю. И жизнь положу, и самое душу на кон поставлю. Бог, если Он есть, после решит, есть мне прощение или нету. А долг свой я исполню.

Вот какой урок преподал мне поручик Романов.

Иван Варламович покачал круглой, очень коротко стриженной головой.

– Да-а, кошки-матрешки, серьезный человек...
И поперхнулся, глядя на собеседника. Крякнул.
Ну, племя молодое, незнакомое!

НЕБОНТОННАЯ ИДЕЙКА

– Нина, я погуляю? – спросил он. – Русский я сделал, задачи по арифметике решил. Абрам Львович сказал, что я молодец.

Карл в швейцарскую школу не ходил, потому что там буржуазное образование и хорошему не научат. Русскому, арифметике, истории, географии и природоведению его учил Абрам Львович, немецкому – товарищ Людвиг, французскому – Клементина Сергеевна.

Мать согласилась очень быстро:

– Хорошо, но не уходи, будь в сквере. Я тебя позову. И начнем собирать вещи.

На самом деле гулять не хотелось. Скверик напротив дома Карлу до смерти надоел. Ни поговорить, ни поиграть с кем-нибудь вменяемым. Одни

бонны с колясками, а сейчас, например, вообще ни души, только молодой человек читает книжку. Наверное, студент с медицинского факультета – университетская клиника в пяти минутах.

Но к Нине скоро придет товарищ Кожухов. Им нужно побыть вдвоем. Потому что у них физические отношения.

Мужчины и женщины должны вступать в физические отношения. Это естественно и здоро́во, Нина всё объяснила. Попросила только о подробностях не расспрашивать, потому что Карлу про это знать еще рано. Он и не расспрашивал, просто прочитал статью в энциклопедии. В принципе всё понял. Когда-нибудь, наверное, тоже придется всем этим заниматься, раз положено по природе. Но в статусе ребенка есть свои плюсы. Можно не работать, не ходить на войну, не тратить время на отношения с женским полом.

Хотя на войну Карл бы с удовольствием пошел. Если она, конечно, справедливая – за освобождение пролетариата. Но товарищ Людвиг говорит, что революция только начинается. Сначала она должна окончательно победить в России, и без больших

сражений здесь не обойдется. А потом начнется мировая революция, и по всей планете рабочий класс станет драться с капиталистами. Дело это долгое. Не меньше, чем лет на десять. К тому времени Карлу будет уже девятнадцать. Так что повоевать успеем. Пока же надо учиться.

Вот Отец – он был герой и отдал жизнь за товарищей, но учился недостаточно и потому угодил к социалистам-революционерам. Ужасно обидно! Как можно было в девятьсот седьмом году, через целых четыре года после Второго съезда РСДРП, не понимать: крестьянство не может быть революционным классом, потому что всякий сельскохозяйственный труженик в душе мелкий собственник и индивидуалист.

От мыслей об отцовских заблуждениях Карла отвлекло слабое жужжание, доносившееся сверху.

Он задрал голову, жадно вглядываясь в небо.

Так и есть – аэроплан! «Фарман», четвертый.

Когда наступит коммунизм, все города перестроят. Крыши у домов будут плоские, и на каждой – посадочная площадка для летательных аппаратов. Сел и полетел куда надо. А улицы будут, как газоны, сплошь в траве. По ним можно будет только пешком

гулять или на велосипедах ездить. Ни извозчиков, ни авто. Здорово!

Самолет скрылся за горой Ютлиберг.

Карл медленно пошел через улицу к скверу. У края тротуара лежала жестянка из-под компота. Разбежавшись, мальчик влепил по ней пыром – и она взлетела, а потом загрохотала по брусчатке.

И еще при коммунизме все будут играть в футбол.

Дзынь-дзынь, трата-та, отворяйте ворота! Иван Варламович не только позвонил, но и пылко постучал, как это сделал бы нетерпеливый кобелек.

После этого, как и предполагалось, хозяйка открыла не спрашивая. Вообразила, что это любовник

пришел раньше условленного времени. Нетерпеливой страстию пылая.

Вобла с фон Теофельсом договорились на пять (Люпус, гений техники, подключился к телефонной линии и подслушал), а сейчас было без двадцати.

Удивилась она, конечно, увидев незнакомого человека. А когда незнакомый человек сунул ей под нос пистолет, то и ойкнула.

Начало обнадеживало.

Иван Варламович слегка толкнул большевичку в плоскую грудь, шагнул в прихожую, дверь за собою прикрыл.

– Что вы так напугались, сударыня? Ишь, побелела-то. Это не смерть ваша, товарищ Волжанка. Это всего только испытание.

– Какое испытание? – ошалело пролепетала она.

– Материнского сердца.

Оглядел Иван Васильевич невеликую квартирку, сориентировался. Вобла за эти секунды несколько опомнилась.

– Что вам нужно? Вы из Охранки?

– Прежде, так точно, состоял по линии Охранного отделения. – Он снова подтолкнул ее в направле-

нии спальни. Времени лясы точить не было. – Ныне же гражданин свободной России. И, заметьте, патриот.

Спаленка монашеская. Кроватка железная. На такой не с мил-другом куролесить, а постные сны смотреть. Но окно выходило куда следовало, не ошибся Иван Варламович, когда с улицы смотрел.

Он перешел сразу к делу.

– Один вопросик, мадам. Маленький. Когда отбывает Старик? То есть, мне известно, что завтра. Но откуда именно? И, главное, во сколько?

А она вместо ответа:

– Что вы такое про материнское сердце сказали?

– Про сердце после. Это, может, вовсе и не понадобится. Так я вопросец задал.

Она руки на груди сложила, подбородок вверх.

– Или стреляйте, или убирайтесь. Вон отсюда!

Значит, понадобится. Охо-хо, грехи наши тяжкие...

С гулянием сегодня повезло. Карл думал, опять придется сучком на земле баррикадный бой рисовать, а потом затирать, чтоб герр Ланге, садовник, не ругался. Но студент, что читал книжку, вступил в разговор.

– Ты что это рисуешь?

По-немецки он говорил с акцентом. Оказался поляк, из Кракова. Почти земляк.

Много интересных штук показал. Например, надвинул кепи себе на самые глаза, раскрыл перочинный ножик и вслепую стал кидать в дерево. Что ни бросит – торчком. Здорово!

Карл ему сначала просто ножик подносил, потом попросил научить.

Ян (так студента звали) положил ему руку на плечо, занес ножик и стал показывать правильный замах.

А если сердцемъ могча тѣста,
Къ великой жертвѣ не готовъ,
Не занимай чужаго мѣста,
Уйди, покинь ряды бойцовъ.

Теперь бабенка вскрикнула погромче, чем возле двери.

– Карл!

Иван Варламович ей ладонью рот прикрыл.

– Тссс! Потише, милая. Что орать-то, соседей тревожить? Подумаешь – Карлуша товарища сыскал. Пускай в ножики поиграют. Про Дмитрия-царевича помнишь? Вот и он так же забавлялся.

Любил Иван Варламович в спокойный вечерок из русской истории что-нибудь почитать. Про царевича Дмитрия, отрока невинно убиенного, очень к месту вспомнилось. Культурно. А на «ты» Иван Варламович с Воблой нарочно перешел. Дожимать ее пора было. Без четверти пять уже.

– Не трясись ты, дура. Это мой приятель, очень хороший человек. Не станет он твоего сынулю ре-

зать. У Люпуса (звать его так) руки исключительной силы. Вот так положит на затылочек. – Он взял Воблу пальцами сзади за шею и сжал. – Этак вот повернет, и позвонки – хрясть. Много ли ребенку надо? Шейка-то цыплячья. А резать – нет, резать не станет.

– Мерзавцы! – захрипела она. – Подлецы!

– Э-э нет, товарищ Волжанка. – Иван Варламович посуровел. – Ты нас в подлецы не записывай. Деточек Столыпина, Петра Аркадьича, ваши взорвали – не пожалели?

– Это сделали анархисты!

– Брось. Вы, большевики, пострашней анархистов... – Теперь следовало мягкости подпустить и снова на «вы» перейти. – Так я насчет материнского сердца интересуюсь. Ежели вы несгибаемость проявите и собственное дитя погубите, знаете кто вы после этого? Чудовище и гадина последняя. Ехидна, что собственных детенышей пожирает.

Кто такое «ехидна» и питается ли она своим потомством, Иван Варламович доподлинно не ведал, но его несло вдохновение.

– Мне ведь, кошки-матрешки, довольно платочком махнуть. – Он достал стираный-перестиранный платок. – И отлетит душонка к ангелам. Как решать будем?

– Я не знаю, во сколько прибудет Старик... Честное слово, не знаю!

У Ивана Варламовича прямо от сердца отлегло. Раз голос задрожал и в глазах слезы, всё устроится.

– Конечно, не знаешь. Кто ж тебе, дуре, такой секрет доверит. Конспирация! Но вот любовничек твой у Грача в помощниках. Он непременно знает. Ты к нему подластись по-бабьи, разнежь его, да и выспроси.

– ...Хорошо. Попробую. А после вам скажу. Только отпустите сына!

Засмеялся тут Иван Варламович. Нашла простака!

– Не-е, золотце. Мне уходить уже поздно. Не приведи Господь, столкнусь на лестнице с твоим хахалем. Ну, как он меня соперником сочтет? Боюсь я его, он мужчина строгий. Я вот... – Поглядел туда-сюда. – Я в чуланчик спрячусь, как и положено сопернику. В тесноте да не в обиде. И послушаю. Заодно, уж не стесняйся, буду в щелочку подгляды-

вать. Не из похабного интереса, не подумай. Но ежели примечу, что ты ему какие знаки подаешь, пеняй на себя. Мало того что обоих на месте положу, но и сынишка твой жить не будет. Люпус – мужчина обидчивый. Так что? Десять минут всего остается. Решай.

– Всё сделаю... – Она дрожала. – Как холодно... Форточку закрою.

Это она не из-за форточки к окну подошла – сердце материнское погнало еще раз на сына посмотреть. Пускай.

Николай Константинович рядом с парнишкой на корточках сидел – ножик в землю кидали. Очень кстати. Будто услышал про царевича.

– Это вас не от холода, от нервов колотит. Ничего, всё обойдется. Только уж вы, Антонина Васильевна, дуру не сваляйте. Три жизни в руках держите.

На что уж тесна была кладовка, примыкавшая к спальне, но и тут домовитый Иван Варламович сумел устроиться с комфортом. Снял с верхней полки ватное одеяло, под него пристроил ящик с инструментами – получилось мягчайшее сиденье. Помазал под носом одеколончиком: и ароматно, и не расчихаешься от пыли. Щелку наладил и закрепил, чтоб дверца не скрипнула.

А тут и гость дорогой пожаловал.

Вобла, как велено, открывать в прихожую не пошла, а крикнула прямо из комнаты: «Не заперто!». Удаляться из поля зрения ей было строго-настрого воспрещено. Зачудила бы – Иван Варламович пустил бы в ход пистолет, колебаться б не стал. С Теофельсом шутки плохи. Пальнет через дверцу, и никакого тебе домика в Калуге.

Но баба вела себя смирно. Матери – они такие.

Поздоровкались революционные любовники за руку, будто собирались в переговоры вступать. Вот уроды!

Актерка из Воблы была плохая, но за это человека осуждать нельзя. На вопросы любовника отвечала коротко. Когда он усадил ее на кровать, начал целовать и платье расстегивать, отодвинулась.

Теофельс, конечно, спросил:

– Что с вами? Вы сегодня будто деревянная.

Надо же, на «вы» у них. Жеманно.

Шевелись ты, кукла, не строй из себя снежную бабу! О сынке подумай!

Зашевелилась.

– Да, я сегодня сама не своя... Не обращайте внимания.

Расстегнула пуговицы, сняла платье через голову. Плечи у нее, между прочим, были ничего себе – круглые, белые. Спереди только мелковато, на вкус Ивана Варламовича.

Откинулась на спину. Пришлось кавалеру самому с нее чулки снимать. Он чего-то там гладил, нацеловывал. Не торопился, в общем. Разогреть ее хотел.

За его спиною ничего интересного видно не было, и отвлекся немного Иван Варламович. Полезли в голову мысли посторонние, неуместные.

Стал он думать про женское. Эх, кошки-матрешки, обделила его в этом отношении судьба. Семьи вот нет, да и постельное, что было – чепуха одна, вспомнить нечего. Одни лярвы копеечные.

Повстречать бы хорошую женщину – вдовую, но еще в соку. Чтоб была жизнью кусанная, но не сломанная. В мужчинах разочарованная, однако же не перегоревшая. Тогда и сочетаться можно. Не всё ж с Марьей Васильевной лясы точить, да и помрет она поди скоро, кошачий век короток...

– Нет, что-то не так, – сказал Теофельс распрямляясь. – Ну-ка рассказывайте.

Иван Варламович пустые думы отогнал, напрягся, предохранитель с пистолета снял.

– Страшно... – ответила она и села.

– Что страшно?

– Всё. Жизнь... Люди... Будущее. Что нас ждет на Родине?

Теофельс смотрел на нее, не шевелился.

Коршунъ кружитъ, коршунъ вьётся.
Выбираетъ, не спѣшитъ.
Кто уснётъ, а кто проснётся.
Онъ за насъ съ тобой рѣшитъ.

– Скоро узнаем.

– Нервы не выдерживают! Грач вчера сказал, что уезжаем завтра в полночь. Сегодня говорит: скорее всего завтра, но во сколько, неизвестно. Так уезжаем или нет?

Иван Варламович одобрительно кивнул: так-так.

– Вы извините... – И голос у нее плаксивый, искренний. Умничка. – Извините, что раскисла... Но я с вами не могу твердость изображать... Вы на меня плохо действуете...

Теофельс ей, хмыкнув:

– Это физиология, товарищ Волжанка. В постели твердым может быть только мужчина.

Смешно сказал немчура. Иван Варламович оценил.

Вобле-то сейчас было не до смеху. Она гнула свою линию, сражалась за спасение дитяти.

– ...Начала вещи собирать – всё из рук валится. Скажите, вы ведь знаете, мы точно завтра уезжаем?

– Точно.

– А во сколько?

Этот помолчал немножко. Но как не уважить милую подругу?

– В восемь. Сами понимаете, это строго между нами. Грач, я и теперь вы – больше никто не знает. Не считая Старика, конечно. Его из дома прямо к поезду доставят, минута в минуту.

Перед тем, как в чуланчик спрятаться, Иван Варламович товарищу Вобле еще одно задание дал: вытянуть у хахаля, куда они своего вождя перевезли. Обещал ее за это кое-чем наградить.

Поэтому Вобла от Теофельса не отстала.

– А где Старик? Откуда его привезут?

– Грач переправил его с Шпигельгассе, из старой квартиры, на Кульманштрассе, подальше от людных кварталов.

Номер дома выпытай, золотая-серебряная! Кульманштрассе – она длинная!

Вобла спросила:

– Но там ведь буржуазия живет, сплошь одни особняки.

– Это ближе к центру. А мы сняли квартирку подальше, в четырехэтажном доме, сером таком. На автомобиле до вокзала не больше десяти минут. Вот без десяти Старика и отправят.

От удовольствия Иван Варламович облизнулся.

Теперь он с нею заговорил иначе, по-отечески. Выудив у Теофельса всё, что требовалось, Вобла любовничка быстро спровадила. И слава богу. А то сиди скрючившись, пока они там тешиться будут.

Немец, надо отдать ему должное, повел себя культурно. Другой мужик нипочем бы не отлип, пока свое кобелиное не урвет. А этот не стал особенно липнуть, когда понял, что барышня не в настроении. Может, конечно, не больно-то ему эта рыбина сушеная нравилась, а приклеился он к ней из одного лишь агентурного интереса.

Провожать его Вобла не пошла, этого Иван Варламович ей бы не спустил.

– Извините, товарищ Кожухов. Не сердитесь. Совсем я что-то раскисла. Больше это не повторится, даю слово.

Теофельс ей:

– Ничего, я понимаю. Всякое бывает. Дорогу до двери я и сам найду. Но может быть, с вами просто посидеть? Чаю заварить?

– Нет-нет. Полежу немного и возьму себя в руки.

– Хотите, я скажу Карлу, чтобы домой шел? Я видел, он в сквере. Помахал ему рукой, но он с каким-то молодым человеком в ножички играет. Не проявил ко мне интереса.

Иван Варламович было напрягся, но Вобла его не разочаровала.

– Пусть поиграет. Не хочу, чтобы он видел меня в таком виде.

За эту-то благоразумность Иван Варламович и сказал бабе-дуре утешительное слово, когда немец ушел.

– Умница! Напускное с себя скинула и сразу человеком стала. Женщиной, матерью.

И по плечу ее похлопал.

Она в ответ, с мукой:

– Я предательница. Я застрелюсь!

– Дурь это всё, из головы выкини. – Иван Варламович ее пальцем по лбу постучал, но не сильно, а на

манер родителя. – Революции, прокламации, акции-операции – это для мужчин игрушки. – Подвел в окно, показал, как Люпус с мальчонкой резвятся. – Настоящая жизнь – вон она, в попрыгунчики играет. Ее, дочка, и держись. Прочее – от Сатаны.

А затем и порадовал женщину, потому что уговор дороже денег.

– Поскольку ты мне адрес Старика добыла, получишь обещанную награду. Я свое слово держу. Мы с тобой как договорились? Узнаешь только время отъезда – заберем мальчишку с собой, для гарантии. Чтоб ты наш секретец не выдала. А коли будешь золотце и выцыганишь у милого дружка еще и адрес, то возвернем твоего Карла-Маркса нынче же. Маши ему из окошка, зови. Обними кровиночку.

Вобла к окну так и бросилась. Раму открывала – чуть стекло не разгрохала.

– Карл! Карл! Скорей домой!

Иван Варламович у нее из-за спины начальнику условный сигнал подал: можно.

Парнишка пожал Люпусу руку, важно так – умора, и вприпрыжку побежал через улицу.

– Гляди, как подружились. Любо-дорого, – сказал Иван Варламович. – Только вот что, душа моя. До самого отъезда сидите оба дома, на улицу ни ногой. Телефонный провод я отрежу. И человечка к вам приставлю. Приличный господин, помощник мой. Не обременит, даже поможет вещички собрать. А завтра на вокзал доставит. Прямо к отправлению. С охраной прибудете, прямо как ваш партийный вождь.

Она молча посмотрела, но спорить не стала. В глазах тоска, ужас, ненависть – всё сразу.

Оно конечно, нелегко вот так в один час всю свою жизнь переломить. Но рано или поздно всякому человеку приходится задать себе вопрос: что главней всего? И сделать выбор.

ЛЕСТНИЦА

– Славный кварталец. Не тесно, воздух свежий. Сразу видно, что у большевиков завелись деньжата, – сказал Иван Варламович. – И понятно, откуда.

Время было уже вечернее, на улице стемнело, из дома номер 28 «паккард», спрятанный в густой тени двора напротив, заметить никак не могли.

Кульманштрассе, широкая улица, плавно поднимающаяся от Старого Города вверх, была застроена виллами и приличными доходными домами недавней конструкции.

– Авто у них, кошки-матрешки, новехонькое, не то что наш драндулет. Не скупятся фрицы на Лысого. – Иван Варламович вздохнул, разглядывая 80-сильную

«испано-сюизу», ждавшую у подъезда. – Как рванет с места. Не отстать бы.

– Ничего, всё рассчитано. Перед поворотом они притормозят.

Люпус передернулся – будто электрическим током его хватануло.

– Волнуетесь, Николай Константинович?

– Из-за Лысого? Да нет, я всё вчерашний день вспоминаю. – Люпус опять поежился. – Верите, Иван Варламович, ночью не спал. Честно вам признаюсь: если б вы из окна платком махнули, я бы не сумел. Ну, мальчишку-то... Ужас, что́ я пережил. Нет, я не поручик Романов. Не хватило бы у меня пороху.

Иван Варламович удивился:

– Я и не стал бы махать. Что толку? Если баба такая нелюдь, что родное дитя не пожалела бы, зачем зря ребенка губить? Другое дело, что я бы ей в этом случае башку проломил безо всякого сожаления – это да.

От этих слов Люпус воспрял духом.

– Я знал, что она сломается, я всё правильно рассчитал. Из досье было ясно, что Краевская все-таки женщина, а не кусок гранита. Риск, конечно, был, но вполне разумный.

Иван Варламович мысленно усмехнулся. Молодой, честолюбивый. Хочет главную заслугу себе взять. Пускай, сочтемся славой. Тем более что ни славы, ни награды за это дельце не дождешься. Наоборот, придется перед Петроградом изображать, что знать ничего не знали, ведать не ведали. За убийство эмигрантского вождя новая власть по головке не погладит.

Плевать, лишь бы всё прошло гладко.

– Без девяти минут, – нервно сказал Люпус. – Ну, если она, стерва, нас провела... Живой ей не быть.

И положил руку на ракетницу. Синюшников сейчас следит за небом. Увидит над холмом зеленую ракету, и в тот же миг гадине конец. Только Иван Варламович был уверен: не словчила мамаша. Не стала бы она сыночком рисковать. Почем ей знать, что Синюшникову велено пацаненка не трогать?

– Выходят! – шепнул прапорщик.

Из подъезда вышел человек в кепке, огляделся, сел за руль «испано-сюизы». За ним еще один, долговязый. Тоже поозирался, распахнул пассажирскую дверь. Правую руку держал в кармане.

– А вот и Лысый... – Николай Константинович довольно чувствительно ударил помощника по руке. – Приготовьтесь!

– Давно готов... – Иван Варламович перекрестился. – Ну, помогай Господь.

Невысокий, коренастый мужчина в котелке быстро сел в машину. Охранник захлопнул дверцу, обежал автомобиль и, уже на ходу, впрыгнул справа.

«Испано-сюиза» быстро разогналась, катясь вниз к перекрестку, но перед поворотом налево, на Зонненштрассе, сбросила скорость. Тут-то «паккард» ее и нагнал.

Место было выбрано с толком. Влево и вправо – открытое пространство, не спрячешься. Впереди – крутой склон с длинной лестницей. Побежать по ней, конечно, можно, но пуля летает быстрее.

Это если не удастся Лысого прямо в кабине положить.

Завизжали тормоза. Люпус и Шишко почти одновременно, с двух сторон, выскочили из машины и открыли огонь: прапорщик по-научному, с локтевого упора; Иван Варламович по старинке, навскид.

В «испано-сюизе» зазвенели пробитые стекла. Бить сначала следовало в охранников – они с оружием, могут подстрелить. Пассажира можно будет прикончить после. Поэтому прапорщик целил в шофера, Шишко – в долговязого.

Прапорщик, поднаторевший в военных передрягах, стрелял лучше. Водитель только обернуться успел – и повис на руле. А вот Иван Варламович смазал. Длинный охранник распахнул дверцу, скрючился за ней и что-то закричал.

Высунул руку с револьвером, начал отстреливаться.

Секунды две всего понадобилось, чтобы дверцу из двух стволов издырявить. Упал охранник, только ногами длиннющими дрыгнул. А мертвый шофер по рулю тушей сполз, и от этого «испано-сюизу» поперек улицы развернуло. Стало видно, что нет никого на заднем сиденье.

– Бежит, бежит! – крикнул Николай Константинович.

Иван Варламович сам уже видел, что Лысый успел из машины выскочить и со всех ног улепетывает к лестнице. Юркий, чертяка. Когда только успел?

Котелок с бегущего свалился, в свете уличного фонаря блеснула плешивая макушка, окруженная венчиком волос.

Из окон ближайшего дома кто-то высунулся, но черт с ними, свидетелями.

– За ним, ради бога! – закричал Люпус, дергая затвор. – Зараза, переклинило!

Иван Варламович, топая по булыжнику, кинулся догонять.

Сколько патронов-то в магазине осталось?

Три?

Нет, два только.

Ох, беда.

Неужто уйдет?

У бегущего человека выталкивали друг друга, рвались куцые мысли.

Грач говорил, напасть не посмеют. Он ошибся!

Неужели убьют?

Нет, мне всегда везло.

Не стреляют!

Убежал?

Обернуться?

Нет, сзади топот!

Скорей, скорей!

Но я не умру! Я не могу умереть! Я нужен революции!

Съ тобой, товарищъ, мы умремъ
Не дома и не на постели.
Сверкнетъ зарница, грянетъ громъ...
Мы сами этого хотѣли.

Сзади оглушительно грохотнуло. Бегущему обожгло ухо.

Зигзагом! Нужно зигзагом!

Он несся вниз через две ступеньки, стараясь прыгать то левее, то правее.

Человек давно перестал верить в бога и ненавидел всё, связанное с религией, но сейчас, как в раннем детстве, молился:

Боже, спаси! Спаси!

Следующего выстрела он не услышал. Просто толкнуло в спину, и показалось, будто взлетаешь над лестницей, над склоном, над рекой Леман, над городскими огнями.

Бог – он за правду. Поотстав от шустрого вождя, вхолостую потратив предпоследний патрон, уже ни на что почти не надеясь, Иван

Варламович остановился, прижался боком к перилам, взялся, как это делал Люпус – левой рукой за локоть правой, пробормотал «Выручай, Господи».

И выручил.

Беглец, обогнавший Ивана Варламовича на целых три пролета, растопырил руки, будто хотел нырнуть или взлететь, упал брюхом, заскользил вниз по ступенькам.

Мимо, чуть не сбив с ног, пронесся Николай Константинович. Справился, наконец, с заклинившим затвором. Обидно было юноше, что не он врага отечества свалил. Но Люпус свое местечко в истории все-таки застолбил: с разбегу, беспромашно, всадил в лежащего еще несколько пуль, а приблизившись для верности впечатал еще одну, прямо в затылок.

Обернулся, торжествующе крикнул:

– Всё! Лысому капут!

Пыхтя и утирая пот, Иван Варламович подошел.

– А проверить не мешает. Гады – они живучие.

Взял тяжелое тело за плечи, перевернул на спину.

Было темно, до ближайшего фонаря шагов тридцать, а всё ж свету хватило, чтоб опознать покойника.

Лысый-то он был лысый, да не тот.

– Это же Людвиг Зонн, – пробормотал Люпус. – Ничего не понимаю... Откуда? Почему?

– Чего тут понимать? Обдурил нас немец. Переиграл.

Наверху, где остались автомобили, залился свисток – полиция. Надо было уносить ноги.

ПЕРЕИГРАЛ

– ...Пойду-ка я прогуляюсь, – молвил Иван Варламович. – Может, услышу что полезное.

Из автомобиля он вылез с другой стороны, чтоб из переулка не увидели. Прогулочной походочкой этаким ленивым бюргером, двинулся по переулку, мимо беседующих мужчин. Только те уже прощались.

Джинн, не подав Теофельсу руки и даже не кивнув, зашагал в сторону дальнего перекрестка. Немец же скрылся в подъезде.

Пожилой горожанин еще немножко прошелся переулком. Потом, видно что-то вспомнив, повернул обратно. За углом его, оказывается, ждал автомобиль.

Когда-нибудь глазами уже нездешними
оглянемся назадъ, на дымъ и снѣгъ.
И скажемъ: «Да, мы были грѣшными,
мы были то святыми, то [illegible],
но ни о чемъ не сожалѣемъ, нѣтъ».

Дверь подъезда, до сего момента чуть приотворенная, тихонько закрылась.

– За нами следят, – сказал Зепп, пройдя в спальню. – Где мои носки? Ноги замерзли.

Волжанка подошла к окну, выглянула.

– Вы уверены? Никого нет.

– Мне второй раз встретился один и тот же субъект. Вчера кормил голубей. Сегодня терся рядом. Его ждала машина.

Он говорил отрывисто, потому что размышлял.

– Вы сможете жить с постоянно открытой форточкой?

– Могу, а что? – удивилась она.

– Вот и живите. Закроете только в одном случае, если вас возьмут в обработку. Я увижу и пойму.

Сивоусый барбос продолжал запугивать Антонину:

– ... Мало того что обоих на месте положу, но и сынишка твой жить не будет. Люпус – мужчина обидчивый. Так что? Десять минут всего остается. Решай.

Она вся дрожала – и нисколько не прикидывалась.

– Всё сделаю... Как холодно... Форточку закрою.

А вдруг скажет: нельзя?

Не скажет. Очень уж обрадовался, что она согласна.

Кроме того, Кожухов на этот случай велел при рукопожатии царапнуть ногтем его ладонь.

Всё предусмотрел.

9 апреля. Утро

– Товарищ Людвиг, вы только надвиньте шляпу пониже на глаза, поднимите воротник и садитесь в машину как можно быстрей, – инструктировал Грач. – Пусть агенты Охранки едут за вами в полной уверенности, что следят за Стариком. Покрутите их по городу с полчаса, чтобы поезд благополучно уехал. А потом выезжайте на шоссе и гоните до границы. Мотор у вас мощный – они на «паккарде» отстанут, да и поезд вы без труда догоните.

Зонн был горд ответственным заданием, только немного беспокоился из-за русской неорганизованности.

– Я доверяю вам мой пагаш, товарищ Крач. Пошалуйста, не теряйте его. Там литература и теплые вещи для русского климата. И еще я хочу спросить

Вдруг с авто что-то случилось, и я не успел на граница?

– Дождемся. Старик это твердо сказал, – пообещал Грач и подмигнул. – Без своего любимого котелка он не уедет. У Старика только два головных убора: котелок и кепка. Не в старой же кепке он явится народу? Это было бы несолидно.

– Я буду беречь шляпу, как корону, – засмеялся Зонн, довольный, что понял шутку.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

За сутки Антонина возненавидела этого молчаливого типа. Он не отходил от нее ни на шаг. Ночь просидел в кресле около кровати, не спал. Она тоже не смогла уснуть, чувствуя его взгляд.

Глаза свинцовые, страшные. Откуда их только в Охранке таких брали? Даже в уборную ни разу не отлучился. И ел только один раз. Ночью, она слышала, пошуршал свертком, пожевал что-то принесенное с собой.

Карл сначала пробовал с ним разговаривать, он ведь мальчик общительный. Но гадкий шпик только прижал палец к губам.

– Дядя глухонемой, – сказала Антонина. – Оставь его. Он будет с нами до завтра, проводит нас на поезд.

У нее не было возможности остаться с сыном наедине, хоть как-то всё это объяснить. Но Карл, кажется, понял. Слово «дядя» было не из маминого лексикона.

– Чего мы ждем? – спросила она. – Уже без четверти восемь. Вокзал близко, но ведь у нас чемодан!

Шпик стоял у окна, смотрел в сторону холма, на вершине которого находилась Кульманштрассе.

Вдруг, впервые за сутки, разверз уста:

– Поезд в восемь не уедет. А если уедет, значит, вы нас обманули...

Карл вытаращил глаза на него, потом на мать. Не глухонемой?!

Сзади скрипнула половица.

На перроне

Поезд, стоявший на самом дальнем пути, близ пакгаузов, был странный: паровоз и один-единственный спальный вагон.

Пассажиры уже погрузились и разместились по купе. Курящие вышли на перрон. Все были немного на взводе: до сих пор не было Старика.

– Без двух минут, – сказал Малышев. – Где же он?

Рубанов выплюнул табачную крошку.

– Подождут. Не переживай, Малыш. Без Старика не уедем.

Около паровоза стояли двое немцев с военной выправкой, но в цивильных пальто и шляпах. Сопровождающие. Один щелкнул крышкой часов, что-то недовольно сказал. Вероятно, обругал русскую необязательность.

Малышев поднес ладонь к глазам.

– Кто-то идет! Старик с охраной?

Нет, шли трое: мужчина, женщина, ребенок.

– Нина! – крикнул Малышев. – Ты что так задержалась?

– Это я виноват. – За Волжанку ответил Грач. В руке он нес чемодан. – Обещал за ними заехать, да немножко припозднился.

– Разве не вы должны были доставить Старика? – спросил Рубанов.

– Нет. За него отвечает товарищ из Выборга.

Часы на церкви Святого Петра затренькали, готовясь отбить восемь ударов.

В эту самую секунду между пакгаузов показались две быстро идущие фигуры.

– Вот они, – спокойно констатировал Грач. – Товарищ Кожухов пунктуален, как германец. Садимся, садимся.

Малышев слегка щелкнул Карла по лбу, они были друзья. Но мальчик выглядел каким-то не таким. Не отрываясь смотрел на Грача – со страхом.

– Малышев, вы видели, как убивают? – спросил он шепотом.

И вновь приближается бой,
Хоть сердце тревожно въ груди.
Не будешь ты спорить съ судьбой.
Веди же насъ, вождь, за собой,
На подвигъ, на смерть, на разбой —
Хоть къ чорту, но только веди!

Мать дернула его за руку:

– Марш в вагон, живо!

Старик кивнул товарищам. Он со своими никогда не здоровался, не любил пустого сотрясания воздуха. И рук не жал.

Легко взбежал по ступенькам.

Обернулся к сопровождающему.

– Вы больше не нужны. Отпгавляйтесь к вашим.

Тон был повелительный, не допускающий возражений. А по дороге на вокзал беспрекословно выполнял все инструкции, ни в чем не перечил.

Пораженный внезапной переменой, Теофельс смотрел на азиатское лицо Лысого. Узкие глаза насмешливо блеснули, под рыжеватым усом дернулся край рта.

– Пгощайте, майог фон Теофельс. Вас ведь Йозефом зовут? Йозеф – это Зепп, пгавильно? Что ж. Зепп сделал свое дело, Зепп может уходить.

ХРОНИКА

ХРОНИКА

В германском военном госпитале

Сестры милосердия провожают выздоровевших солдат кайзера на фронт

Панорама Цюриха начала XX века

Набережная Лиммата в Цюрихе

Типичное цюрихское здание 1910-х годов

Цюрих 1910-х годов. Прогуливаются, спешат по делу...

Главный вокзал в Цюрихе. начало XX века

Традиционная цюрихская пивная

1 - квартира Старика на Шпигельгассе 2 - квартира Старика на Кульменнштрассе 3 - квартира Волжанки на Унтере-Цене 4 - квартира Железнова возле Нидердорфштрассе

План центральной части Цюриха 1910-х годов

В.И. Ульянов (Ленин) в Цюрихе. 1916 г.

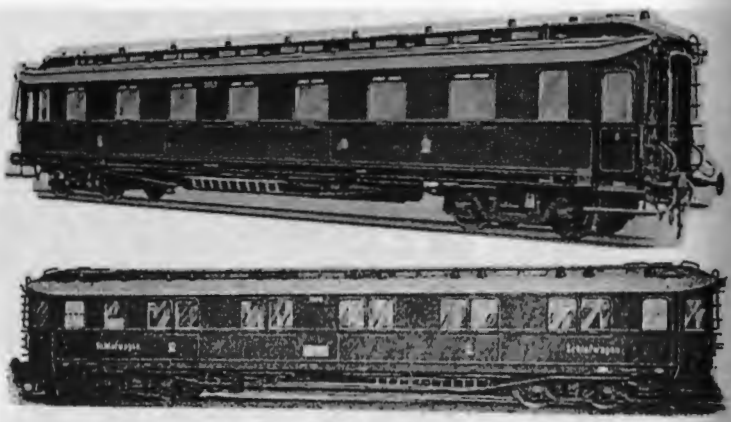
Квартира четы Ульяновых на Шпигельгассе, 14 в Цюрихе

Швейцарские социал-демократы в любимой пивной

"Вечно эти русские революционеры бранятся между собой..." Мартов, Аксельрод и Мартынов в Цюрихе

Мемориальная доска на доме по Шпигельгассе, 14

Ленин с попутчиками в Стокгольме по дороге из Цюриха в Россию



Schlafwagen der preußischen Staatsbahn.

В одном из таких спальных вагонов отправлялся Старика с компанией

В Стокгольме со шведскими товарищами

"Паккард" и "Испано-Сюиза"

"Маузер" (модель 1914), карманный "браунинг" и "бульдог"

Скромные наряды 1916–1917 г.г.

Фильма десятая

БАТАЛІОНЪ

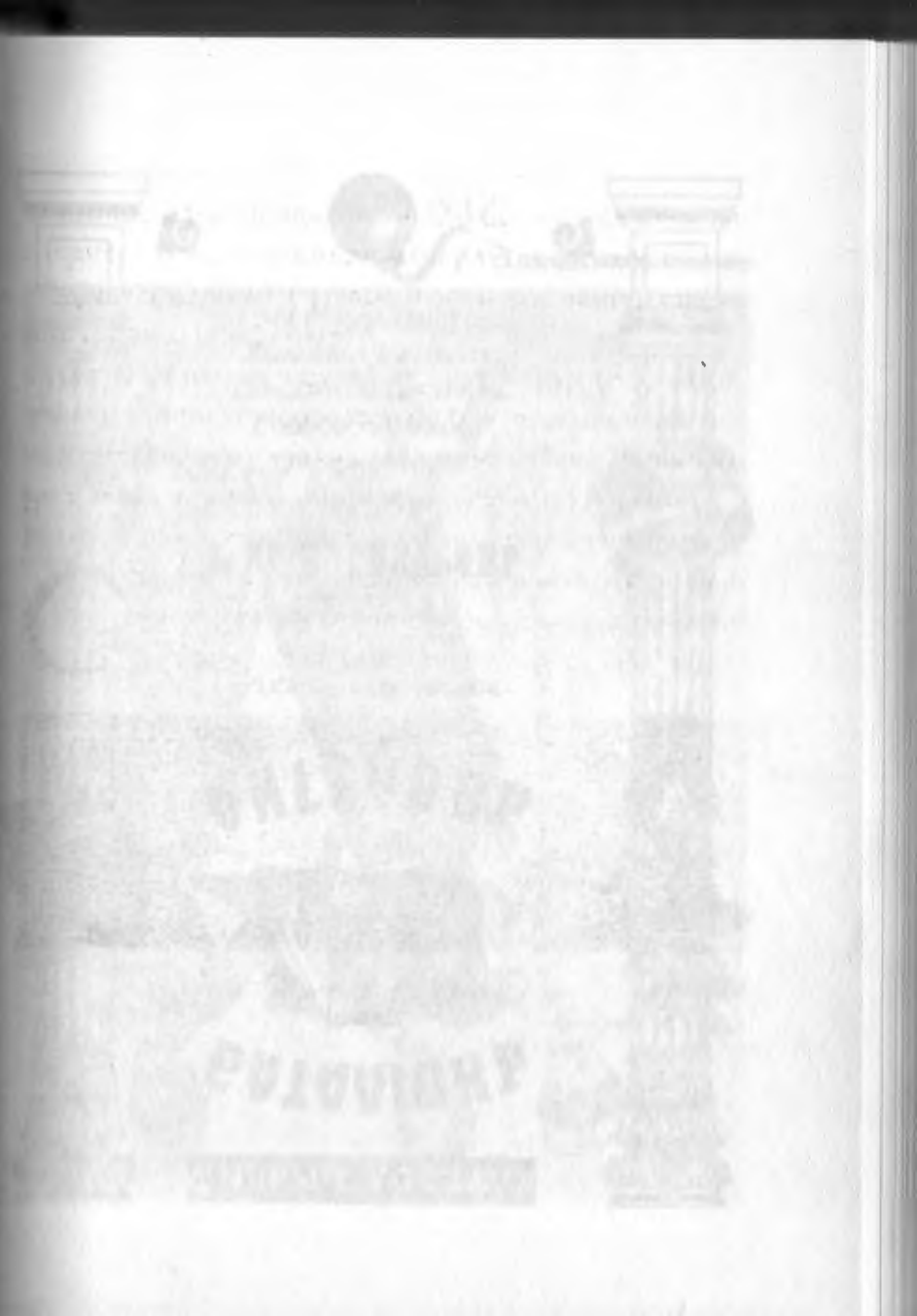
АНГЕЛОВЪ

Апокалиптическое

ОПЕРАТОРЪ

Г-НЪ И. САКУРОВЪ

Демонстрація
сопровождается
грустными пѣснями
сочиненія тапёра
г-на Б. АКУНИНА



«ЛАВОЧКА ЗАКРЫТА»

Сума они что ли посходили. За поездку, которая в марте стоила самое большое полтора рубля, привокзальные извозчики требовали пять – и то «со скидкой для георгиевского кавалера». Якобы новая такса установлена Союзом работников извоза. Вместо прежней нагрудной бляхи у каждого ваньки теперь красовалась на рукаве кумачовая повязка, и на ней не номер, а буквы «СРИ» (обозначение гордого профсоюза).

Алексей плюнул. Платить бешеные деньги шайке стакнувшихся вымогателей глупо, торговаться – недостойно офицерского звания, а после трех месяцев

фронтового сидения и двух суток в поезде, подолгу стоявшем чуть не на каждом полустанке, пешая прогулка по родному городу будет наслаждением.

Вероятней всего в эти сорок минут и уложится весь тыловой отпуск. Подполковник Козловский не станет зря вызывать срочной телеграммой с фронта. Явишься в управление – тут же запряжет и галопом пустит.

Вообще-то это Алексей первым послал князю депешу с отчаянной просьбой о помощи и ждал от начальства совсем другого ответа.

В хмельные мартовские дни, когда Россия, будто новорожденный птенец, пробивший скорлупу, разевала мокрый клюв и тянулась к весеннему солнцу, когда люди сделались выше ростом, шире в плечах и каждый почувствовал себя участником истории, штабс-капитан Романов, не долечившись после ранения, уехал в действующую армию. Говорили же ораторы на митингах, что сознательный гражданин обязан свято исполнять свой долг, и тогда революционная Россия расправит орлиные крыла, поразит мир своим полетом.

С долгом Алексею было всё ясно. Ходить на демонстрации и слушать зажигательные речи ему нра-

вилось, но демонстрантов в столице хватало без него, а вот хороших специалистов по контршпионажу было мало, особенно на фронте.

Пользуясь связями в руководстве Управления, Романов добыл себе назначение на самый трудный участок – в штаб 12-й армии, расквартированный в Риге. Участок считался тяжелым, потому что балтийский город был густо населен немцами, многие из которых с нетерпением ждали победы германского оружия, а некоторые не ограничивались пассивным ожиданием. Очистка рижского района от шпионов напоминала попытки вычерпать ситом воду: вместо одной выявленной группы немедленно возникали новые. Ситуацию осложняла близость фронта, а еще в большей степени – дырявость передовой линии. Вместо того чтоб сидеть в окопах, солдаты митинговали, дисциплина разболталась, и агенты с той стороны проникали в наш тыл безо всякого труда.

С каждым днем работать становилось труднее. Птенец революции разевал клюв всё шире и пищал всё громче, хлопал крылышками, однако взлетать не спешил. У Романова возникло нехорошее подозре-

ние: что если из скорлупы вылупился не орел, а цыпленок? Покукарекает-покукарекает, да и угодит к немцам в суп?

На Северном фронте, где нес службу штабс-капитан, именно к тому дело и шло. По агентурным донесениям было ясно, что командующий германской 8-й армией генерал Оскар фон Гутьер, тактик сильный и осторожный, начал готовить операцию по охвату Риги. И надо же было случиться, чтобы как раз в этот момент контрразведочный отдел лишился всего личного состава! Остался один начальник.

Неделю назад Романов приступил к финальной стадии большой игры, которая должна была триумфально окончиться задержанием на лесном хуторе сверхопасной диверсионной группы. Для успеха требовалась поддержка пехотного батальона и пластунской сотни: батальон обеспечил бы внешнее оцепление, а казаки вместе с контрразведчиками должны были взять базу штурмом.

Когда счет времени пошел на часы, оказалось, что подмоги не будет. Стрелки на собрании решили в болото не лезть, обмундирование зазря не портить, а пластуны отказались штурмовать без прикрытия.

Не отменять же было с таким трудом разработанную операцию? Алексей вызвал по телефону из Риги весь состав отдела, вплоть до дешифровщиков и радистов. По сути дела, совершил должностное преступление. Однако выпускать немцев с хутора было никак невозможно: разбившись на группы, диверсанты парализовали бы всю систему тыловых коммуникаций – и тогда фон Гутьер раскроил бы русский фронт одним ударом.

Хутор-то штабс-капитан захватил, но во время штурма и последующей погони потерял всех своих людей. Последнего из уцелевших врагов, командира диверсионного отряда, он восемь часов преследовал в одиночку, несколько раз теряя и вновь находя след. Вся эта история отлично читалась бы в приключенческом романе или смотрелась бы на киноэкране, но в реальности стала одним из самых пакостных испытаний за всю военную жизнь Алексея Романова, а жизнь эта была отнюдь не клумба с настурциями. Утопая в гнилой жиже, облепленный жадным раннеиюньским комарьем, исцарапанный сучьями, он чувствовал себя болотным гадом, гоняющимся за юркой водяной крысой. Без болотного

гада, кстати, тоже не обошлось. Оступившись на кочке, Алексей ухватился рукой за пень, а пень оказался живой, развернулся черной лентой, да и цапнул острыми клыками пониже запястья. Если б это была налитая весенним ядом гадюка, тут бы и погоне конец, но оказался уж. Все равно было противно и очень больно.

На одном упрямстве и остервенении добыл Романов главного диверсанта. От усталости и злобы даже живьем брать не стал, хоть и следовало.

В общем, спасибо за такую победу. Немецкое наступление удалось отсрочить, но падение Риги все равно было вопросом времени. Разработает фон Гутьер новую схему, и никто ему теперь не помешает, потому что контрразведки 12-й армии более не существует.

Послал Романов (тому три дня) депешу дорогому другу и любимому начальнику: выручайте, пропадаю, срочно пришлите людей. От Козловского пришел ответ: «Сам пропадаю, Лешенька. Ты не представляешь, какая тут Гоморра. Шпионов больше, чем на фронте, и не скрываются почти. Срочно приезжай!».

Честно говоря, в столицу Алексей отправился с облегчением. Не было больше сил наблюдать, как разваливается на куски не один век строившаяся армейская машина. До чистого источника революции отсюда было далеко, из мутной окопной грязи на поверхность выныривали не «сознательные граждане», а крикуны и мелкие честолюбцы, которым лишь бы подальше от передовой. Ах, как хотелось вернуться в алознаменный, звенящий восторгом Питер, зарядиться его энтузиазмом, романтическим порывом, надеждой!

Штабс-капитан даже на хапуг-извозчиков не очень разозлился – что ж, в этом приниженном, вороватом сословии зашевелились цеховая солидарность и чувство собственного достоинства, пускай в уродливом виде. Эволюция не умеет прыгать через ступеньки, не всё сразу.

Алексей пошел по Загородному проспекту в сторону Владимирского. Идти с чемоданчиком было не очень удобно – он был маленький и нетяжелый, но приходилось тою же рукой придерживать шашку, чтобы правая оставалась свободной для козыряния.

Козырять, впрочем, Романову не пришлось. Солдат на пути попадалось сколько угодно – и группами,

и парами, и поодиночке. Но никто из них не подумал салютовать офицеру. Это было еще не самое удивительное. Конечно, нижние чины здорово разболтались и в действующей армии, однако же в Риге штабс-капитану не доводилось видеть солдат, которые шли бы вразвалочку, с папироской в зубах и сплевывали на тротуар; солдат с винтовкой, повешенной прикладом кверху; наконец, солдат явно нетрезвых, распевающих посреди улицы похабные частушки.

С каждым шагом Романов все больше хмурился. Он не узнавал родного города.

Как и в марте, на всех домах висели красные флаги, но за три месяца они запылились, поблекли, стали похожи на тряпки. И весь Петроград тоже словно запаршивел, оброс грязью. Такое ощущение, что после таяния снега дворники не мыли тротуаров, не чистили мостовой.

Вот чего не хватало в городе! Шуршания метел, которыми в былые времена дворники размахивали перед каждой подворотней. Куда они все подевались, бородачи в белых фартуках?

И ни одного полицейского на перекрестках. Городовые со своими «селедками» на боку исчезли еще

в марте, очень уж их все не любили. Однако неужели с тех пор столица не обзавелась какой-нибудь революционной милицией? Разве может двухмиллионный город обходиться без уличных блюстителей закона?

Кажется, Алексей здорово ошибался, когда думал, будто священный огонь революции по-прежнему озаряет свой исток. Порядка в Петрограде еще меньше, чем в Риге, где близость фронта и военный режим обеспечивают хоть какую-то дисциплину.

Пешеходная экскурсия по революционному городу завершилась на Фурштатской, где по соседству со штабом упраздненного ныне Жандармского корпуса находилась военная контрразведка – единственный орган, защищавший демократическую республику от вражеского шпионажа.

При виде знакомого рустованного фасада Романов ускорил шаг. Любоваться Петроградом ему расхотелось. Побыстрей бы включиться в знакомую работу, забыться делом.

Господи! Что это?

Наверху, на втором этаже, с треском распахнулось окно. Кто-то кинул вниз кипу канцелярских папок, не озаботившись посмотреть, есть ли внизу прохожие. Одна шлепнулась на асфальт прямо перед носом у Алексея, тесемки лопнули, во все стороны разлетелись машинописные листы. В глаза оторопевшему офицеру бросился штамп «совершенно секретно». Романов присел на корточки.

Агентурное донесение на какого-то ораниенбаумского жителя, подозреваемого в пособничестве врагу. Свежее, всего месячной давности!

Из окна летели новые папки.

Ничего не понимая, Романов задрал голову. Только теперь он заметил, что у входа нет часового.

Что здесь происходит?!

Он вбежал в дверь Управления. На проходной, в окошке дежурного, никого. Лестница вся завалена бумагами. С этажей доносится грохот, шум голосов.

Контрразведка переехала? Почему Козловский не предупредил? И, главное, почему не взяли с собой документы секретного делопроизводства?

Или это налет каких-то вконец обнаглевших анархистов? Газеты пишут, что в российской глубинке под воздействием анархистской агитации крестьяне жгут усадьбы и громят волостные канцелярии. Но то в глубинке, а тут Петроград!

Чемоданчик Алексей поставил к перилам, на всякий случай расстегнул кобуру, стал быстро подниматься.

На площадке между этажами стояли и курили трое солдат с повязками на рукавах. Вид у них был безмятежный, словно ничего особенного не происходило.

– Что тут такое? – крикнул Романов. – Кто старший?!

Солдаты разом обернулись.

Голос после ранения в шею у штабс-капитана был устрашающий. Врачи обещали, что со време-

нем связки восстановятся и хрипота пройдет. О сцене, конечно, думать нечего, но какая к черту опера, какие романсы под фортепьяно после всего, что пережито за три военных года?

Один из курильщиков, с ефрейторскими лычками, окрика не испугался.

– А ты что за хрен?

Смерил офицера презрительным взглядом, плюнул на пол. Двое остальных тоже заухмылялись.

Ситуация была знакомая. В последние три месяца Романов оказывался в ней не раз и отлично знал, как себя нужно вести.

Революционная армия подорвала прежнюю систему подчинения, основанную на чинопочитании. Но не нужно думать, что наступило безначалие. Просто восстановились первобытные законы организации мужского общества: вожаки теперь определялись не по звездочкам на погонах, а по личным качествам. Мало кто из офицеров выдержал это испытание. Одни не сумели перестроиться, другие оказались слабы характером. А Романов сориентировался быстро. Принцип силы, так принцип силы.

На фронте он поступал так: выбирал главного заводилу (всегда найдется смутьян, который баламутит солдатскую массу) и хорошенько беседовал с глазу на глаз. Только следов на роже не оставлял. Между прочим, никто ни разу в солдатский комитет не пожаловался, хотя офицерское рукоприкладство по революционным временам считалось страшным преступлением. Человек примитивного устройства к силе уважителен и без споров признает за нею право на верховенство.

В штабе армии Романов был одним из немногих начальников, с которым все нижние чины держались так же, как до переворота: и честь отдавали, и по стойке «смирно» тянулись. Даже выдвигали в комитет, но Алексей из-за множества служебных дел взял самоотвод.

Пускать в ход кулаки, собственно, приходилось редко. Хватало одного взгляда и бешеной гримасы, которая перекашивала лицо штабс-капитана в минуту гнева. За годы войны ярости в душе накопилось много – иногда казалось, что весь из нее одной и состоишь. При малейшей провокации лютая злоба вскипала в секунду. Романов ощущал себя раска-

Упала шапка Мономаха,
И цѣлый свѣтъ сошёлъ съ ума.
Что впереди: сума, тюрьма,
Изгнанье, каторга — аль плаха?

ленным самоваром, который пышет паром и плюется обжигающими брызгами.

– Что-о-о? – удавленно засипел штабс-капитан.

Голубые глаза стали белыми и намертво впились в физиономию хама. Пальцы откинули клапан кобуры.

Все трое красноповязочных моментально вспомнили, как устав предписывает вести себя со старшим по званию. Винтовки – к ноге, грудь вперед, подбородок вверх. Ефрейтор стоял бледный. Сглотнул слюну.

– Виноват, господин штабс-капитан. Тёмно. Не разглядел.

На лестнице, положим, было светло, но придираться Алексей не стал.

– Что тут творится? Вы кто такие?

– Мобильный отряд особого назначения, господин штабс-капитан! Прибыли согласно приказу занять помещение!

Мобильный? Романов вспомнил, что вдоль улицы стояло несколько грузовиков и легковых автомобилей – он не придал этому значения.

– Какого такого особого назначения?

– Состоим в распоряжении господина комиссара! Тут теперь ихний штаб будет, а мы при нем!

Пытаться что-то выяснить у перепуганного ефрейтора было пустой тратой времени.

– А комиссар где?

– Так что наверху, в кабинете! Колидором и направо.

В кабинете Козловского, сообразил Алексей.

Кивнув солдатам, поднялся выше. По крайней мере, выяснилось, с кем тут разговаривать.

За спиной послышалось:

– Еще один шумный. Щас его гавкать-то отучат...

В коридоре бродили какие-то люди – и солдаты, и штатские, – сваливали кучами папки и бумаги, собирали мусор в рогожные мешки. Через распахнутые двери было видно, как из некоторых комнат документы вышвыривают прямо в окно – должно быть, лень возиться.

Чувствуя, как дергается щека, штабс-капитан убыстрил шаг. Он знал, какой ценой оплачена вся эта писанина: не деньгами – жизнями.

В кабинете начальника двери тоже были нараспашку. Расхристанный матрос волок прочь холст в массивной золотой раме: с него щурился лобастый сановник в лентах и орденах. Подполковник Козловский свято чтил память Петра Аркадьевича Столыпина и держал его портрет у себя над столом, хотя в нынешние революционные времена убиенного премьера называли не иначе как «реакционером» и «вешателем».

Пользуясь тем, что матрос не закрыл за собой дверь, Романов вошел без стука.

Из кабинета всё уже вычистили. Шкафы стояли пустые; оперативные схемы и фотографии разрабатываемых «объектов» со стен исчезли – осталась лишь карта фронтов. Перед нею-то и стоял невысокий, плотненький господин в хорошем френче без погон и чудесных желтых крагах, задумчиво подперев щеку.

– Что тут творится? – повторил Романов вопрос, который уже задавал солдатам.

Незнакомец проворно обернулся. Оказалось, что он не подпирает щеку, а осторожно ощупывает све-

жий синяк, расползающийся по скуле. И смотрел человек не на карту боевых действий, а в маленькое зеркало, перед которым Козловский обыкновенно подкручивал свои длинные усы.

Кроме синяка удивительно было еще и то, что на френче у побитого господина недостает трех верхних пуговиц.

Увидев офицера, человек приосанился.

– Вы, должно быть, в Управление контрразведки штабс-капитан? Это учреждение ликвидировано, помещение передано нашему ведомству. Я товарищ председателя комиссии по административной реформе Рунге, комиссар Временного правительства. А вы, позвольте узнать...

– Это у вас называется «ликвидацией»? – Романов старался сдерживаться. – Выбрасывать из окон секретную документацию? Где подполковник Козловский?

Полное лицо комиссара Рунге зарумянилось, глаза сверкнули.

– Вы, собственно, кто такой?

– Штабс-капитан Романов. Вызван телеграммой с Северного фронта. Где подполковник Козловский, я спрашиваю!

Нескрываемая враждебность вопроса-требования заставила комиссара отступить назад. Судя по испуганно-любезной улыбке он собирался сменить тон и пуститься в какие-то объяснения, но тут за спиной у Алексея раздались шаги. Повернувшись, он увидел, что в приемной собрались люди. Впереди – давешний ефрейтор. Винтовку он держал наперевес.

При виде подмоги комиссар сразу перестал улыбаться.

– Козловский арестован, – сухо отрезал он.

– За что?!

– Оскорбление действием полномочного представителя власти. – Господин ткнул пальцем в кровоподтек, скривился от боли, рассердился. – Ваша реакционная лавочка закрыта! Новая Россия не нуждается в секретных службах и шпионских играх! Мы живем в эпоху открытости и революционного порыва, в эру свободного волеизъявления масс. Управление, которым руководил Козловский, закрыто, ибо оно вопреки строжайшему запрету вмешивалось в политическую жизнь республики! Вместо того чтоб обезвреживать германских шпи-

онов, здесь шпионили за вождями революционных партий!

– Значит, для этого были основания. Я хорошо знаю князя. Он никогда не интересовался политикой.

– Время князей закончилось! – Рунге повысил голос – в прихожей одобрительно загудели. – Сказано вам: лавочка закрыта. Зря прокатились с фронта, штабс-капитан. Отправляйтесь обратно.

Алексей сдвинул брови.

– Если Управление контрразведки ликвидировано, мне на прежнем месте службы делать нечего. Прошу назначения в боевую часть.

Господин комиссар поглядел на него с усмешкой.

– Похвально, очень похвально. Это я вам с удовольствием устрою. Знаете что, голубчик? Вы прямо сейчас отправляйтесь в военное министерство, к комиссару Нововведенскому. Я ему протелефонирую, предупрежу, чтобы подыскал для вас самое что ни на есть превосходное назначение. И быстро, без волокиты.

Напоследок Рунге улыбнулся штабс-капитану уже безо всякой фальши, а с искренним удовольствием.

Еще один комиссар

Комиссар Нововведенский принял Романова сразу же. Не обманул побитый Рунге – предупредил своего знакомого.

Немного странно было, что адъютант, доложивший о штабс-капитане, не удосужился выйти – остался в кабинете. Кроме того, в креслах сидели еще два господина полувоенного вида, обернувшиеся на Алексея с хитроватым видом и тоже не выказавшие желания удалиться.

Романову это было все равно. Никаких тайных разговоров он вести не собирался.

Нововведенский сидел под большим фотографическим портретом Александра Керенского и, видимо, очень старался быть похожим на своего министра: волосы тоже стриг ежиком, значительно хмурил брови. Но глаза посверкивали

озорно – видимо, комиссар был человеком веселым.

С первой же фразы он взял ернический тон, от которого у штабс-капитана заходили желваки.

– Знаю, что вы изъявили готовность кинуться в самое пекло. И давно пора. Не всё ж по штабам сидеть, – сказал Нововведенский, наскоро проглядев послужной список.

– Господин комиссар, – прохрипел Романов. – У меня, как вы можете заметить, два «георгия»: солдатский и офицерский!

– Знаем-знаем. В контрразведках-охранках ордена щедро давали. – Глядя в залившееся гневным багрянцем лицо офицера, комиссар широко улыбнулся. – Да вы не волнуйтесь. Я уже приготовил для вас отличное назначение. Возможно, оно вас испугает. Уже несколько человек отказались.

За спиной у Романова послышалось прысканье. Обернулся – это давился смехом адъютант. Двое остальных зрителей сидели с каменными лицами, но в глазах у обоих поигрывали искорки.

– Поеду на любой фронт. Согласен на любую строевую должность. Имею боевой опыт. Осень

четырнадцатого ранен в атаке. В пятнадцатом году вывел из окружения под Бобруйском батальон.

– Батальон – это замечательно, – покивал комиссар. – И готовность послужить отечеству – тоже чудесно. Значит, не откажетесь от назначения, которое напугало предшествующих героев?

– Не откажусь, – твердо сказал Алексей.

Должно быть, эти господа действительно полагают, что служба в контрразведке – нечто сугубо кабинетное. Ни на одном фронте не сыщется участка, который испугает человека, прошедшего через кемерские болота.

– Слово офицера? – с серьезным видом спросил Нововведенский. – Ну что ж, коли так... У меня тут заявка на помощника командира некоего грозного формирования... Строго говоря, старшего инструктора по строевой и боевой части...

Адъютант издал нечто вроде стона. Один из полувоенных поспешно закрыл лицо платком и высморкался.

– Господа, вы мешаете, – укорил их комиссар. – Хм. Да. Так вот, по приказу главнокомандующего, ввиду предстоящего наступления, созда-

Тужится бѣсъ, гогочетъ,
Предать насъ сраму хочетъ.

ется ударный бабальон... Пардон, оговорился: батальон...

Оглушительный хохот в три глотки не дал ему договорить. Алексей с изумлением посмотрел на весельчаков. Но и хозяин кабинета уже не мог держать лицо – весь трясся от смеха.

– «Ударный Батальон Смерти» – вот как это называется.

Штабс-капитан пожал плечами. Какое трескучее наименование. Штурмовая часть? Интересно. Но почему эти кретины регочут?

– Позвольте вопрос. Я не понял, зачем в батальоне инструктор?

– Сами увидите. – Нововведенский поставил подпись. – Никаких вопросов. Дали слово – держите. Вот, здесь обозначено, куда вам надлежит явиться. Печать поставите в канцелярии.

Никаких вопросов так никаких вопросов. Романов развернулся, небрежно козырнул и вышел.

Вслед ему несся истерический гогот.

РУССКАЯ ЖАННА Д'АРК

Явиться следовало в Коломну, в здание женского института, где располагался штаб части с мелодраматическим названием. Будучи коренным петербуржцем, Алексей хорошо знал это место. Массивный учебный корпус идеально подходил для казармы, там можно было бы расквартировать не батальон, а целый полк. Высокая ограда отлично замыкала территорию, а обширный луг мог быть использован для обучения и строевой подготовки.

Именно ею, судя по гулким, далеко разносившимся командам, там в настоящий момент и занимались.

– Рррравняйсь! Прррравое плечо вперрёооод! На фланге ширрре шааар! – орал луженый голос.

Тревожное чувство, не оставлявшее Алексея после странной сцены в министерстве, немного отступило. Штабс-капитан подозревал, что противный комиссар Нововведенский откомандировал его в какую-то особенно разложившуюся часть, возможно даже со смутьянским душком и особой ненавистью к офицерству (подобных островков анархии в армии, увы, становилось всё больше). Это объяснило бы злорадный смех штабных. Однако опасения не оправдались. Батальон, в котором на четвертом месяце революции проводятся строевые учения, мог считаться образцово-показательным. В большинстве частей по решению солдатских комитетов фрунт и маршировка были давно отменены как ненужное издевательство над нижними чинами.

Вдоль решетки плотно стояли зеваки. Должно быть, горожане успели отвыкнуть от вида строевых занятий. Непонятен был только смех, раскаты которого возникали то в одной, то в другой части толпы. Чего тут гоготать? Или это род коллективного помешательства, которым заразился весь Питер? В военном министерстве хохочут, веселятся на улице. Не город – балаган.

На воротах висел большой плакат с какой-то надписью витиеватыми славянскими буквами, но прочесть ее штабс-капитан не успел. Поверх голов впередистоящих он посмотрел на плац и захлопал глазами. Взвод отрабатывал простой строевой маневр – поворот развернутой шеренгой, но была в этой картине некая странность, в которой Алексей не сразу разобрался.

Дело было не в исключительной неслаженности шеренги, которая изгибалась и ломалась, причем в центре солдаты сбивались с ноги, а крайние нелепо семенили, чтобы не отстать – ничего удивительного, если это новобранцы.

Что-то не так было с самими солдатами: низкорослыми, коротконогими и почему-то, как на подбор, широкими в бедрах.

Господи, да это женщины!

Романов затряс головой, ничего не понимая. Ошеломленно взглянул на плакат. Прочел: «ЗАПИСЬ В ЖЕНСКІЙ УДАРНЫЙ БАТАЛІОНЪ СМЕРТИ».

– Что это?! – пробормотал штабс-капитан, беспомощно озираясь.

Ближайший сосед, по виду приказчик из средней руки магазина, со смехом объяснил:

– Бабье уму-разуму учат. Всех бы их, Евиных дочек, этак вот погонять. – И, глядя на ошеломленную физиономию офицера, тоже удивился. – Вы что, сударь, газет не читаете?

– Я только с фронта...

Его обступили со всех сторон, обрадовавшись благодарному слушателю. Заговорили наперебой.

Одни просто балагурили:

– Ну как же! Новое секретное оружие, ха-ха-ха! Женский стрелковый батальон. То-то немец напугается!

– Воинственные амазонки! Девы смерти!

Кто-то пытался объяснить приезжему человеку:

– Женщина – георгиевский кавалер, некто Бочарова, предложила военному министру создать воинскую часть из доброволок. Желающих очень много...

Однако шутников было больше.

– Я бы и сам записался! В баню сходить. Потри, браток, спинку!

– Га-га-га!

Господин в пенсне тонким голосом воскликнул:

– Стыдитесь! Плакать надо, а не смеяться! Довоевалась Россия! Только у женщин совесть и осталась! Не слушайте их, господин офицер. Когда прапорщик Бочарова призвала сестер к оружию, ей рукоплескала вся Россия!

Теперь Романов вспомнил, что некоторое время назад в газетах писали о какой-то женщине, произведенной за храбрость в офицерское звание. Тогда он решил, что это очередное революционное нововведение, демонстрирующее миру, какие мы стали передовые – и только. Но воинская часть из одних женщин

С поля донесся жалобный, пронзительный звук. Это низкорослая пышногрудая барышня в гимнастерке и сползающей на лицо фуражке пыталась выдуть из горна какой-то сигнал.

– Зов чарующей Сирены, господа! Я изнемогаю! – крикнул остроумец, давеча пошутивший про амазонок.

– Утица закрякала, – подхватил остряк попроще. – Кря-кря! Щас яйцо снесет!

Все вокруг засмеялись, а печальный господин в пенсне процитировал из Иоаннова «Откровени

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...».

Немедленно назад, в министерство, сказал себе Романов. Сказать этому клоуну: я не классная дама, дайте мне другое назначение. Однако ведь слово офицера...

Новый взрыв хохота – это одна из добровольцок упала, поскользнувшись на траве.

– Гли, гли, умора!

– Домой ступай, дура! К папе с мамой!

Парень, что крякал уткой, теперь засвистел в два пальца – прямо в ухо. Романов в холодной ярости двинул свистуна локтем под ребра. Растолкал передних и, мрачнее тучи, пошел к воротам, за которыми, боязливо отставив от себя винтовку с примкнутым штыком, стояла тетка в новехонькой, с еще несмявшимися складками форме.

На плацу

– Эй, унтер-офицер! – издали хрипло заорал Романов. – Отставить занятия! Ко мне!

Неряшливый вислопузый дядька (еще и с цигаркой во рту, это на учении-то!) обернулся на незнакомого штабс-капитана.

– Девоньки-теточки, постоять-оправиться!

Вразвалочку подошел, но все же откозырял. Его водевильное воинство немедленно разбилось на несколько кучек. Кто-то стал с любопытством разглядывать Алексея, другие о чем-то затараторили.

– Начальник плац-команды Сидорук, – доложил унтер, немного подумал и принял довольно неубедительную стойку «смирно». Почувствовал по взгляду офицера, что так будет лучше.

– Где командир батальона? – рявкнул Алексей.

– Бочка-то? В штабе. – Начальник строевой команды кивнул на институтский корпус.

– Какая еще «бочка»?

– Все ее так зовут, господин штабс-капитан. Потому фамилия у ей Бочарова.

– *У ей?* Батальоном командует ...женщина?!

Невероятно! Со слов чувствительного господина в пенсне Алексей решил, что прапорщик Бочарова состоит при батальоне чем-то вроде комиссара или «святой девы-вдохновительницы» – как Жанна Д'Арк при капитане Дюнуа.

– Так точно. Она боевая. Две ранении, полный георгиевский бант. – Сидорук понизил голос, перешел на доверительный тон. – Да всё одно – баба есть баба. А вы к нам что ли назначены? Ох, набедуетесь.

Алексей помолчал, переваривая информацию. Ну и скотина же комиссар Нововведенский! Деваться однако некуда.

– Во-первых, застегнуть ворот, – проскрипел Романов. – Во-вторых, сапоги чтоб сверкали. Вы – строевик, должны подавать пример, а похожи на обозного. В-третьих: командира батальона «Бочкой» и тем более «бабой» не называть. Ясно?

В женском институте

Стиснув зубы шел Алексей по длинному и широкому коридору, где еще недавно парами разгуливали институтки в белых фартуках. Сейчас вдоль стены выстроилась очередь женщины и девушки, по преимуществу совсем молодые, по-разному одетые, с саквояжами, чемоданчиками и просто узелками. Те, что стояли ближе к лестнице, выглядели оживленными и шумно разговаривали, но по мере приближения к рекреационному залу болтовня звучала тише, а лица делались напряженнее.

В просторном прямоугольном помещении была устроена парикмахерская. Щелкали ножницы, трещали машинки, состригали под ноль и пышные куафюры, и девичьи косы, и модные прически «а-ля гарсон». Весь пол вокруг шести стульев был будто по-

крыт жухлой травой светлого, темного, рыжего оттенка. Шесть парикмахеров исполняли свою работу с одинаково траурными физиономиями. Мальчик-подмастерье ползал на корточках, отбирая самые пышные и длинные волосы – пригодятся на парики и шиньоны.

Романов замер от такого зрелища и не скоро тронулся с места. Много всякого повидал он на войне, бывал и под артобстрелом, и в атаке, и в окружении, но никогда еще не попадал в атмосферу столь всеохватного ужаса. Ужас застыл на лицах женщин, чья очередь стричься еще не подошла; ужасом были перекошены лица страдалиц, сидевших на стульях. Вот одна зарыдала в голос, схватившись за наполовину обритую голову. Плач был немедленно подхвачен еще двумя, уже остриженными – они обнялись, жалостно стукнувшись голыми лбами.

– Ой, мамочки, нет! Не буду! – взвизгнула девица, которую усаживали на стул, оттолкнула парикмахера, побежала назад, стуча каблучками – и заволновался коридор, заохал, закудахтал.

Но к освободившемуся месту подошла тоненькая барышня с чудесными светло-русыми волосами,

Засвищутъ изъ трубы кресты,
Полетитъ голова въ кусты,
И не мало бритой головъ
Покатиться по сырой травѣ.

взбитыми волной, с огромными глазами врубелевской царевны, с решительно поджатыми белыми губами.

– Стригите!

До того она была хороша, что парикмахер, уже завернув девушку простыней, всё медлил.

– Эх, рука не поднимается. Может, передумаете, мадемуазель? Я по-отечески. Куда вам на фронт? Вон ручки-то у вас. Только веером махать.

Но барышня сквозь зубы повторила:

– Стригите.

И упали на плечи прекрасные локоны, а затем машинка простригла по затылку дорожку, и в полминуты царевна-лебедь превратилась в гадкого утенка: маленькая голая головка на тонкой шее, а на макушке бледно-лиловое родимое пятно, прежде невидимое. И так стало Алексею противно от зрелища изуродованной, зря погубленной красоты, что он прошептал: «Черт знает что!» – и пошел прочь с проклятого места.

Где именно находится штаб батальона в этом содоме понять было трудно. Романов сначала поднялся на этаж, потом на два спустился. Можно было бы спросить у бродивших по корпусу добровольок, но

Алексею не хотелось вступать ни в какие разговоры с этими горе-амазонками. Как к ним, собственно, обращаться? «Эй, солдат»? «Сударыня»?

Наконец набрел на дверь с табличкой «Директриса». Должно быть, здесь. Во всяком случае, перед входом торчал часовой (то есть, тьфу, *часовая*) со штыком на ремне.

– Господин офицер, сюда нельзя.

– Мне всюду можно, – огрызнулся Романов. – Я назначен старшим инструктором.

Коротко постучал, распахнул дверь. Увидел вереницу совершенно голых женщин, выстроившихся в очередь к столу, за которым сидели люди в белых халатах. Оглушенный визгом, захлопнул створку.

– Что тут такое? – зло спросил он у часовой, хотя и так было ясно: медосмотр.

– Медицинский осмотр. Потом – стричься. Потом – в баню. Потом – получать обмундирование. Такой порядок.

– А где командир батальона?

– Вон она, – показала куда-то в сторону солдатка (нет, «солдатка» – это жена солдата). – Интервью дает.

В дальнем конце коридора, у окна, виднелись три силуэта, высвеченные солнцем: длинный мужской, еще один мужской, но скрюченный над фотокамерой, и приземистый, бочкообразный, в галифе и фуражке.

– Ин-тер-вью, ..., – пробормотал Алексей, присовокупив нехорошее слово.

Ну понятно. Перед прессой красуемся.

– Что, господин офицер? – удивилась солдат (нет, так тоже не скажешь). – Извините, я не расслышала.

– Как вас называют? Не «солдат», не «солдатка». Вы сами как себя называете?

– Мы «ударницы». Ведь мы – Ударный батальон Смерти.

– Спасибо, что не «смертницы»...

Фотограф полыхнул магнием, поймав хороший ракурс: толстуха в офицерском френче картинно оперлась кулаком о монументальное бедро, а щекастую физиономию с носом-кнопкой гордо задрала кверху.

Хоть на груди (большущей, непонятно как втиснувшейся в военную форму) сверкали начищенные кресты и медали, баба-прапорщик произвела на Алексея неприятное, даже отталкивающее впечатление. Вся она была каким-то издевательством, глумлением и над боевыми наградами, и над честью мундира. Лицо плоское, грубое, глаза с поросячьими ресницами, голос прокуренный – и видно за двадцать шагов, что вся исполнена сознанием своего величия. Что там она отвечала журналисту, важно кивая головой, Романов не слышал. Он остановился на

изрядном расстоянии, дожидаясь, пока Бочарова закончит пыжиться перед прессой.

Уже придумалось, как выпутаться из этого скверного анекдота. Нужно с ходу нагрубить, повести себя вызывающе. Надутая индюшка нипочем такого не стерпит, выгонит непочтительного помощника в шею. Тогда можно с чистой совестью, не нарушив слова, идти за новым назначением.

– Госпожа Бочарова, наши читатели интересуются, почему вашей части дано такое поэтическое название: «Батальон смерти»? – спросил корреспондент.

Тут Алексей сделал несколько шагов вперед. Любопытно было послушать, что она ответит.

Вблизи стало ясно, что Бочарова не важничает и не позирует, а просто переминается с ноги на ногу от нетерпения и явно хочет побыстрей отделаться от интервьюера.

Хмурясь, она коротко ответила:

– Потому что мы все умрем.

Сказано было без пафоса, скорее с досадой, словно женщине скучно объяснять очевидные вещи. Романов сощурился, решив приглядеться к этой диковинной тетке получше.

Въ прощальный часъ, въ послѣдній часъ
Прошу васъ объ одномъ:
Не поминайте лихомъ насъ,
Мы скоро всѣ умремъ.

– Но на войну идут, чтоб победить, а не чтоб умирать, – возразил репортер.

– Это мужчины. А женщина, коли уж взяла ружье, значит, совсем край. Вот полягут мои девочки, мужики на это поглядят. Может, стыд их возьмет. И бросят дурака валять, возьмутся воевать всерьез. Тогда немец сам мира запросит, война и кончится... Всё, времени больше нет. Дел много.

Маленькие глазки были устремлены на Алексея.

– Вы ко мне?

С грубостью Романов решил пока повременить. Слова Бочаровой его поразили.

– Штабс-капитан Романов, назначен старшим инструктором.

Командир батальона пожала ему руку. Лапища у нее была большая и сильная, неженская. Предписание Бочарова читала медленно, шевелила губами, как обычно делают не шибко грамотные люди.

– Нужен портрет, для первой полосы, – попросил фотограф.

Бочка (прозвище очень к ней шло) расправила складки френча, выпятила грудь, грозно сдвинула

белесые бровки, но снимок был испорчен. Из-за угла донесся топот, крики, и командирша повернула голову.

– Госпожа начальница!

К ней с плачем кинулась девушка в гимнастерке, но без фуражки. Луч солнца сверкнул на бритом черепе. Следом высыпала целая гурьба таких же тонкоголосых солдат. Заговорили разом.

– Я больше не буду! – рыдала непокрытая. – Честное слово! Миленькая, родненькая! Вот на крест побожусь! – Вытянула крестик. – Уши-то вон они! Сами поглядите!

Завертела головой, демонстрируя маленькие, аккуратные ушки.

Остальные кричали:

– Она сережки в уборную выбросила! Честное слово! Соня больше не будет! Не выгоняйте ее, пожалуйста!

Бочка топнула ногой:

– Я сказала – всё. Домой ступай!

Рыдающая упала на колени, воздела руки:

– Ну заради Бога! Простите, госпожа начальница!

– Форму сдай и чтоб ноги твоей здесь не было.

– Госпожа начальница, ну куда она пойдет? Волосы обрила, сережки золотые выкинула! Мы все за нее просим!

Лицо командирши побагровело. Она взялась обеими руками за ремень, будто хотела выпрыгнуть из своих необъятных галифе, и гаркнула голосом, от которого задребезжало стекло:

– Молча-ать! Смиррно! – Все ударницы кроме той, что стояла на коленях, испуганно вытянулись. – Крррругом! Шагом марш!

Толкаясь локтями, испуганные женщины карикатурным строевым шагом удалились, осталась лишь безнадежно всхлипывающая изгнанница.

– Могу я узнать, в чем провинилась эта девушка? – спросил корреспондент.

– Сережки навесила.

С улыбкой покосившись на Алексея, журналист заметил:

– Это преступление небольшое.

– В уставе нигде не прописано, чтоб солдат серьги носил.

Репортеру было жалко бедняжку.

– Но в уставе нет ничего и про женщин-солдат. Простите ее, право, для первого раза. Вы же видите, как она раскаивается.

Девушка с надеждой протянула к командирше сложенные руки:

– Никогда в жизни больше сережки не надену! Чем хотите поклянусь!

Бочка тяжело вздохнула. Сначала ответила журналисту:

– Поймите вы. Раз сережки нацепляет, значит про жизнь думает. А нам надо к смерти готовиться.

Девушке же сказала тихо, но твердо:

– Уходи, Семочкина. Живи. А волосы новые вырастут... Пойдем, капитан, потолкуем.

Взяв Алексея под локоть, повела его прочь.

Пока шли до штаба, расположившегося в бывшем танцклассе, начальница батальона наскоро рассказала, как обстоят дела.

Добровольцев уже набралось больше, чем достаточно, а все идут и идут. Призыв защитить отечество нашел отклик у многих женщин. С обмундированием

ем, оружием и довольствием тоже всё хорошо – верховный главнокомандующий приказал снабжать батальон вне категорий. Делу придается большое значение. Не военное, конечно: понятно, что ни батальон, ни полк, ни даже дивизия женщин положение на фронте не изменят. Но движение может вызвать новый взрыв патриотизма, укрепить боевой дух уставшего от войны народа.

Романов слушал очень внимательно. Затея уже не казалась ему ни водевильной, ни абсурдной.

– ...Две тыщи записались, – говорила Бочарова. – А скольких медицинская комиссия отсеяла – не счесть. Я докторов попросила построже. Чтоб ко всему придирались. Старше тридцати пяти лет не принимаем. Которые с детьми – тоже. А всё одно много. Конечно, большинство через неделю сбегут, не выдержат. Иных я сама выгоню, как эту, с сережками. Человек триста оставлю, больше не нужно. Но уж жемчужину к жемчужине. Чтоб ни одна не дрогнула, не опозорила.

– Интеллигентных, кажется, много, – сказал Алексей, приглядываясь к лицам ударниц, что попадались им по дороге и старательно салютовали офицерам. – Не привыкли они к лишениям. Трудно им будет.

– Да, образованных большинство. Они душою выше, потому что вдали от грязи росли. Но есть и работницы, кухарки, горничные. Я вот сама – мужичка бывшая. Вся женская Россия собралась... Мне хорошие инструктора позарез нужны. Я же неученая, звездочку на погон получила за кресты и ранения, а пуще того – для революционного примера. Одно название что офицер. Очень я на вас, господин штабс-капитан, надеюсь. Но только... – Она остановилась и снизу вверх, исподлобья, глянула на Романова. – Два вопроса у меня к вам сначала будет.

– Спрашивайте.

– Первый вопрос такой. Сможете вы на женщин только как на солдат смотреть? Если нет – лучше сразу уходите.

Отличный был момент, чтобы избавиться от позорного назначения. Но упустил Алексей свой счастливый шанс. Ответил:

– Смогу.

И подумал про себя: какие ж это женщины – лысые уродки в мешковатых гимнастерках и ботинках с обмотками? Прямо скажем, не искушение святого Антония.

– Слово?

– Слово. Скажите, а зачем их машинкой наголо бреют?

– Чтоб вшей не разводить.

Алексей пожал плечами:

– Даже мужчин сейчас под ноль не корнают. Можно было б стричь коротко. Ведь у вас там на парикмахерском пункте ужас что такое. Вой, как на похоронах.

– Это и есть похороны. Монашек раньше, я читала, тоже волос лишали. Потому что они из мира уходили. Мы тоже уйдем. Голову теряешь – что ж по волосам нюниться?

Она всё еще смотрела на него испытующе.

– Теперь второй вопрос. Командир батальона – я. За совет хороший в ноги поклонюсь, но если что приказала – выполнять без споров и обид. Хоть я женщина полуграмотная и только прапорщик, а вы штабс-капитан и по лицу видать, что в университетах обучались.

– Неужели еще видно? – удивился Алексей. – Я уж и забыл... А насчет субординации не извольте беспокоиться. Должность выше чина. И ваш пол меня, по-

жалуй, тоже не смущает. Жанна д'Арк была неграмотная крестьянка, но ей беспрекословно повиновались первые рыцари французского королевства.

Они уже подошли к двери, на которой белел листок с красивой надписью «ШТАБЪ БАТАЛІОНА», но тут Бочка остановилась, поглядела вокруг и понизила голос.

– Заладили все: «Жанна, Жанна». А я ее на картинке видала. На меня нисколько не похожа. Она красивая была, тоненькая, как гимназистка. А я вон – бабища каменная.

Она похлопала себя по здоровенным бедрам.

– Жанна д'Арк была точь-в-точь такая, как вы, – уверил ее Романов. – Можете не сомневаться. Если б была тоненькая, не смогла бы носить железных лат и меча бы не подняла.

Тут оказалось, что Бочка умеет улыбаться – обрадовалась, что похожа на французскую Деву. Широкое лицо засияло, словно выглянувшее из-за туч солнце, сделалось по-детски простодушным, и Романов подумал, что эта женщина, вначале показавшаяся ему сорокалетней, совсем еще молода. Возможно даже, его ровесница.

Въ годину Господняго гнѣва
Отъ бѣдъ ожидаемъ избавленья!
Даруй, Орлеанская Дѣва,
Отечеству миръ и спасенье!

Когда-то в этой зале с зеркальными стенами и ослепительно лакированным полом юные барышни учились бальным танцам, которые так необходимы девице, вступающей в жизнь. Сейчас поверх зеркал были налеплены плакаты с цитатами из воинских уставов, паркетный пол покрылся пятнами от сапожной ваксы, а рояль превратился в стеллаж, заставленный ящиками с облегченными гранатами Лемона – так называемыми «лимонками».

Батальонная канцелярия расположилась на нескольких партах: пишущая машинка, переносной сейф, кипы бумаг. В углу – складная койка, над которой торчала деревянная вешалка для верхнего платья. Там висели шашка, кобура, бинокль, а венчала эту конструкцию фуражка с кокардой в виде черепа и костей.

– Хотела всем такую заказать, да не успевают, – сказала Бочарова. – Только погоны сделали особенные и нарукавный шеврон. Времени мало. Через две недели, много через три, нам нужно быть на фронте. Не в кокарде дело! Меня боеготовность тревожит. Вот скажите мне, можно за такой срок их хоть как-то к фронту приготовить?

Они стояли у окна, наблюдая, как на плацу всё тот же унтер-офицер обучает взвод штыковому бою. Три девицы старательно, но неловко тыкали винтовками в соломенные чучела. Инструктор что-то им объяснял, качая головой.

– Слезы, а не ученье. – Командирша вздохнула. – Покурим?

От протянутого портсигара отказалась, сказала, что привыкла к солдатским, и скрутила себе цигарку из махорки.

– Что молчите, штабс-капитан? Вас ко мне помощником прислали, так помогайте! Не говорите только, что за две недели толпу баб и девок ничему научить нельзя. Это я без вас много от кого слыхала.

– Две недели? – Алексей выпустил струйку дыма. – М-да. Любой нормальный строевик за такое

дело не взялся бы. Но я служил в контрразведке. Мне к невозможным задачам не привыкать. Стало быть, так... К штыковой атаке готовить личный состав не будем. Пустая потеря времени. Лучше освоим окапывание и огневую подготовку. Для меткой стрельбы физическая сила не нужна, довольно аккуратности, а у женщин с аккуратностью всё в...

– Нельзя нам без штыковой! – перебила его Бочарова. – Моим девочкам не в окопах сидеть. Не для того мы на фронт едем. Иначе все скажут: чем они мужиков лучше? Нам атака нужна. Чтоб наше «ура» на всю Россию грохотнуло.

Романов ткнул недокуренной папиросой в жестянку, которая здесь заменяла пепельницу.

– Какая к лешему атака? С ума вы что ли сошли? Вы знаете, что такое штыковая атака? Я один раз видел. На всю жизнь запомню.

Он сказал это зло, с ожесточением, а начальница ответила спокойно:

– Я два раза в атаке была. После первой здесь дыра. – Показала на правый бок. – После второй – вот здесь. – Ткнула пальцем в левое плечо. – Ночью, бы

вает, от крика просыпаюсь. Но без атаки нам никак. Думайте, старший инструктор.

Алексей побарабанил пальцами по стеклу, понаблюдал, как унтер втолковывает что-то обступившим его добровольцам.

– Тогда учить будем иначе. Протелефонируйте в штаб округа, чтоб сегодня же прислали шестнадцать опытных унтеров из Преображенского, Измайловского и Семеновского полков. Второе: трехлинейки не годятся – слишком длинные и тяжелые. Третье: понадобятся заграждения из колючей проволоки. Четвертое...

Он сбился, поймав на себе странный взгляд командирши.

– Вы что? Я слишком быстро говорю?

Бочка сказала:

– Повезло мне с тобой, штабс-капитан. Вижу.

НЕЖНОЕ СОЗДАНИЕ

Помощник командира батальона Романов совершил обычный обход классных комнат, где в послеобеденное время шли теоретические занятия четных взводов, и отправился на плац – там нечетные взводы отрабатывали полевые упражнения.

Алексей, вздыхая, понаблюдал, как ползают по-пластунски. Плохо ползали, и ничего с этим поделать было нельзя.

Все же штабс-капитан крикнул:

– Говоров!

Рысцой подбежал унтер-преображенец.

– Я!

– Торчат! – Романов ткнул пальцем в демаскирующие выпуклости.

Но Говоров был философ.

– Кумплекция у них такая, господин старший инструктор. Проще говоря, кинституция.

– Про конституцию пускай на митинге говорят. А зады чтоб не торчали, ясно?

Взвод 2-3 (то есть второй роты третий) работал по проволоке. С этим-то обстояло неплохо. Ножницы лихо щелкали, колючка лопалась, ударницы довольно повизгивали.

Стреляли тоже недурно – хоть пачками, хоть одиночными. По рекомендации помощника Бочка выписала для батальона легкие японские карабины «арисака», отдача которых менее чувствительна для слабых плеч.

На площадке рукопашного боя, где мучился взвод 2-1, штабс-капитан застрял надолго. Двухметровый семеновец Симоненко, прирожденный педагог, очень старался, но проку от его науки выходило мало.

– Он у тебя винтовку выбил, а ты шажочек вот так назад и ногой его, в это самое место. – Симоненко показал полненькой ударнице, куда надо бить противника. – Силы тут большой не надо, главно дело попади.

Толстушка неуверенно махнула ногой – будто попробовала станцевать канкан.

– Впечатывай, впечатывай!

Еще один замах – и маленькая ступня едва коснулась унтерской мотни.

Терпеливый учитель велел:

– Ты не ласкай, ты бей.

В строю раздалось хихиканье.

– Встань на место, горе луковое. Давай лучше ты, Голицына. Покажь им, ты у меня толковая.

Вперед вышла стройная барышня (из тех самых Голицыных). Симоненко схватил за дуло ее карабин, вырвал. Голицына отпрыгнула и с отчаянным визгом ударила его сапогом в пах. Звук получился солидный, с чугунным перегудом.

– Молодец! – похвалил инструктор. – Все запомнили, как это делается? А ну давай, слева по одной!

Снова взвизг, удар, чугунный звон. Романов с интересом наблюдал за невозмутимым лицом педагога. Тот, оглянувшись на офицера, шепотом пояснил:

– Я туда совок для угля пристроил.

– Продолжайте, – кивнул Романов.

Что за постыдная картина!
Лишился мужества мужчина.
Достоинство не смогъ онъ уберечь
И дѣвѣ уступилъ свой мечъ.

Направился к ограде, у которой взвод 1-1 потрошил соломенные чучела в немецких касках. Японский карабин был хорош, но его кинжалообразный штык, страшный с виду, в женских руках проявил себя плохо – требовал изрядной силы и точности удара.

Со штыковым учением дела обстояли хуже всего. Сердце разрывалось смотреть, как вчерашние курсистки, прачки, секретарши атакуют упругое чучело, а оно едва качается. Если ударницы не могут справиться даже с соломенным врагом, что же будет при встрече с настоящим?

На новой службе сердце у штабс-капитана разрывалось, сжималось или просто ныло очень часто. Можно сказать, беспрерывно. Чтоб скрывать чувства, Алексей разработал стратегию поведения: зыркал на всех волком, зверообразно рыкал, свирепо хмурил брови, а еще обзавелся стеком, которым все время зловеще постукивал по голенищу. Начальник он сказал (вне строя они перешли на «ты»):

– Давай как на хорошем корабле, где капитана любят, а старшего офицера ненавидят. Я браню и наказываю, ты кого можно от моего зверства защищаешь. Я им – злой отчим, ты – родная мать, договорились?

Инструктор штыкового боя, бедняга, за эти дни иссох лицом и почернел. При виде начальника попытался поддать в голос бодрости, но не очень-то получилось.

– Показываю еще раз. – Чётко, как на картинке, изобразил идеальный удар. – Делай раз, делай два, делай три. И вы-ыдерни. Раз, два, три – и вы-ыдерни. Тут главней всего штыком в ребрах не застрять. Что солдат без штыка? Мокрица. Над ремнем его коли, над пряжкой, в брюхо. Раз, два, три – и вы-ыдернула. Давай, Тюлькина, коли.

Должно быть, унтер-офицер, желая не ударить лицом в грязь перед начальством, вызвал лучшую свою ученицу. Но долговязая Тюлькина его подвела: ударила неплохо, а выдернуть не смогла, широкий штык застрял в соломе.

Романов сердито крякнул, чтоб протолкнуть ком в горле, отвернулся.

Это еще что такое?!

У ограды, спиной к плацу стояла ударница, держалась за железные прутья. С той стороны, тоже прижавшись к забору, плакала дама в черном платье. Протянула руку, сняла с девушки фуражку, погладила по бритой голове. Поодаль сверкал ла-

ком длинный автомобиль с раскрытой дверцой, у которой застыл шофер в ливрее с золотыми позументами.

– Голышев! – грозно позвал штабс-капитан. – Что тут у вас за театр?

Унтер обернулся, вздохнул.

– Стараются девоньки, господин старший инструктор. Только штык – он силу любит.

– Я не про штык, я про это. – Алексей кивнул в сторону ограды. – Ваша? Почему не в строю?

– Родительница к Шацкой приехала. Как можно отказать? Адмиральша!

– Хоть королева английская! Солдат есть солдат, а занятие есть занятие. Чтоб больше такое не повторялось.

– Виноват, господин старший инструктор.

Романов уже двигался к забору, неслышно ступая по траве и сжимая за спиной стек. С Бочаровой они условились: в батальоне все солдаты равны, никому никаких привилегий. Любое проявление социального неравенства выжигать каленым железом.

Ни стоявшая спиной адмиральская дочка, ни ее плачущая родительница приближающегося офицера не видели.

– Сашенька, ведь ты у меня одна осталась. Мишенька погиб, Коленька погиб, – всхлипывала траурная дама. – Что же ты со мной делаешь? Ладно бы еще сестрой милосердия... Если б был жив папа...

– Он бы мною гордился, – ответила барышня и сделала шаг назад – не хотела, чтоб мать ее гладила.

Сквозь коротенькую щетину на макушке просвечивало большое бледно-лиловое пятно. Где-то Алексей его уже видел.

– Шацкая! – рявкнул он.

Девушка испуганно обернулась. Глаза в пол-лица блестели от слез, но брови были сердито сдвинуты.

Романов вспомнил: царевна под машинкой парикмахера. Только уже не врубелевская, а царевна-лягушка.

Доброволка надела фуражку, смахнула слезы, оправила гимнастерку.

– Так точно, господин штабс-капитан!

– По маме соскучились? – язвительно осведомился Алексей. – Домой отправить? Доло́жите командиру батальона, что я представил вас к отчислению. В штаб, шагом марш!

– Благослови вас Бог, молодой человек! – крикнула с той стороны дама. – Прогоните ее, прогоните!

Шацкая покачнулась.

– Я только на минуту, мне разрешили!

– Каждая минута учения на вес золота. Если вы этого не понимаете, нежное создание, то скатертью дорога.

– Я не нежное создание, я солдат первого взвода первой роты! – Девушка обожгла его взглядом, полным ненависти. – Если бы к мужчине-солдату пришла мать, его тоже отпустили бы. Вы не смеете меня прогонять! Иначе я напишу в газету, что вы нарочно спасаете от фронта аристократок, а на смерть гоните одних простолюдинок! Вчера отчислили графиню Браницкую и дочь бывшего министра юстиции! Позавчера – Лизу Белосельскую-Белозерскую! Мы напишем коллективное письмо, так и знайте!

Нежное создание оказалось с характером. Угроза была нешуточной. В самом деле, Бочарова ежедневно отправляла домой немало барышень-дворянок – считала, что они не вынесут окопной жизни. Надо будет ей сказать, чтоб соблюдала социальные пропорции, не то в самом деле может выйти общественный скандал...

– Молчать! – прикрикнул на строптивицу штабс-капитан. – Вас отчасти извиняет лишь то, что вы отпроси-

лись у командира. Но за препирательство – наряд на кухню, картошку чистить. А сейчас – марш в строй!

– Слушаюсь!

Черная дама залилась рыданиями, девушка побежала к взводу, Романов двинулся следом. Пожалуй, одного наряда за столь дерзкий шантаж будет маловато.

– Шацкая, покажите удар! – приказал он, приблизившись к чучелам.

Удар у царевны-лягушки, разумеется, был ни к черту. Она своими ручонками и карабин-то еле удерживала.

– За плохую подготовку – час под ружье.

Наказания подобного рода после революции в армии были отменены, но Бочка у себя в батальоне новшеств не признавала. При малейшей провинности она ставила доброволок на полчаса или на час держать винтовку на весу – это укрепляло дисциплину, а заодно и руки.

Шацкая закусила губу, сузила свои глазищи – не лягушачьи, а скорее стрекозьи.

– Есть под ружье, господин штабс-капитан!

– И глядите у меня. Я вас взял на заметку.

МАНИФЕСТАЦИЯ

Ударный батальон, все четыре роты, был выстроен на плацу в каре. Знамя с мертвой головой колыхалось на ленивом балтийском ветру, словно полог катафалка. Командирша, туго затянутая ремнями, медленно шла вдоль строя, переводя бешено сощуренные глазки с лица на лицо. Романов почтительно отставал на два шага – еще и для того, чтоб не торчать каланчой над низкорослой Бочкой.

Кое-чему за две недели личный состав всё же научился. Равнение держали прилично, карабинами почти не гуляли, начальницу старательно «ели глазами», хоть у некоторых иногда и мелькал озорной огонек или начинал дергаться рот. Ведь молодые все, смешливые, а Бочка, когда напускала на себя важ-

ность, выглядела довольно комично. Да и речи про дисциплину всем успели надоесть.

– У нас свой порядок! – зычно выкрикивала командирша. – Мы тут революцию не делаем, мы Родину спасаем! Никаких комитетов, никаких митингов у нас не будет! Митинги армию развалили! Про амуры забудьте, из головы выкиньте! Больше половины выгнала и еще столько же взашей попру! Это пока присяги не дали. А после присяги, на фронте, за любые шуры-муры буду вот этой вот рукой! – Она взмахнула нешуточным кулаком. – Вы все должны быть, как ангелы.

И оглянулась на Алексея. Репетировала перед помощником свою речь, да забыла слово.

– Бесплотны, – тихо подсказал он.

– Вы все должны быть бесплотны, как ангелы. Потому что мы ангелы и есть. Бесплотные и бесполые! Прилетели с небес Россию спасти. И улетим туда ж, на небо, как ангелы. Батальон ангелов-спасителей – вот мы кто!

Про «батальон ангелов» в заготовленной речи не было – это Бочка на ходу придумала. С ней такое случалось, если увлечется. Правда, не всегда получалось так красиво.

Съ неба на землю звезда покатится,
Всё позабыть, никого не простить.
Ангелъ печальный тогда засмеётся,
Ангелъ весёлый тогда загрустит.

И вспомнился Алексею чувствительный господин, тоже поминавший ангелов в самый первый день, когда батальонный трубач Молошникова пыталась освоить сигнал «тревога».

«Они ангелы, а я кто? – подумалось штабс-капитану. – Архангел что ли?»

Никак не годился он в архангелы. Отвлекшись Романов пропустил момент, когда речь начальницы повернула из возвышенного русла во всегдашнее.

– ...А кто будет на мужчин хоть одним глазом косить – смотрите у меня! – Бочарова сняла фуражку, вытерла рукавом вспотевшую от напряжения голову. – Вольно! Вопросы есть?

Разбитная деваха из второй роты (Колыванова белошвейка) крикнула:

– Госпожа начальница, а ежели у меня глаз косой?

По рядам прокатился смешок.

– Зажмуришь! – ответила Бочка. – Но на мужиков пялиться не моги!

Адвокатская дочка Шлехтер, еще одна заправская шутница, только иного сорта, звонко спросила:

– Даже если большая дистанция, все равно нельзя?

Командиршу смутить было трудно. Она покачалась на каблуках и выдала:

– Ты свою дистанцию до победы ниточкой зашей!

Шеренги закачались. Пронзительный хохот взметнулся над плацем. Громко гоготали бравые унтера, заливались ударницы поразбитнее, интеллигентные улыбались, эпатированно покривила губы дисциплинированная, сухая Голицына.

Взгляд Алексея упал на Шацкую – после той конфронтации он действительно взял смутьяншу на заметку, однако поводов придраться адмиральская дочка ни разу не дала.

Большеглазая барышня стояла во второй шеренге, опустив ресницы и порозовев. Даже уши у нее стали красными.

И стало вдруг Романову среди всеобщего веселья невыразимо грустно. Он поднял взор со смеющихся женских лиц на черное знамя – нашитый на полотнище череп пялился на штабс-капитана пустыми глазницами.

Бочка подняла руку, смех утих.

– Кончено с вопросами. Батальо-он, смирно! – Шеренги выровнялись. – У господина военного мини-

стра к нам большая просьба. Нынче на Марсовом поле манифестация в защиту отечества. Известно, что германские наймиты-большевики попробуют ее сорвать! Приведут с окраин горлопанов, станут требовать мира любой ценой! Революционное правительство России просит нас, женщин-патриотов, о помощи! Покажем Петрограду, что такое любовь к Родине! Пойдут первые взводы от каждой роты. Строем, при оружии! Остальным взводам продолжать обычные занятия!

Под лихую песню «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать» – высокую, чтоб не слишком дико звучали тонкие женские голоса – сводный отряд из четырех взводов шел маршем по Английской набережной. Впереди командирша и ее помощник, потом чеканная Голицына с развернут

тым знаменем, за нею две ассистентки, четыре бравых унтер-офицера и потом уже стройная колонна. Солнце прыгало огоньками по лезвиям уставленных в небо самурайских штыков.

Первые взводы Бочка взяла неслучайно – в них подбирали ударниц, которые лучше показали себя в учении.

Романов поминутно оглядывался. В прежние времена этакое равнение, вероятно, считалось бы паршивым, но по нынешним революционным временам, когда обычные солдаты разучились попросту ходить в ногу, строй Ударного батальона смотрелся образцово. Среди зевак, глазевших на диво-дивное чудочудное – военных баб, рёгота и свиста почти не слышалось, преобладали возгласы поощрительные, даже восторженные. Кто-то, впрочем, и вытирал слезы, но таких было немного.

Бочарова ни разу не обернулась – желала продемонстрировать, что полностью уверена в своем войске. Но Алексей знал, что начальница ужасно волнуется.

Не исключались провокации и даже столкновения. От большевиков не приходилось ожидать джентльменского отношения к женщинам. Их газе-

тенки и листовки писали про ударниц чудовищные гадости, печатали похабные карикатуры. Можно было не сомневаться, что пораженцы накинутся на доброволок с грязной бранью, а может быть, и с кулаками. Бочка очень боялась, что «девочки» не выдержат натиска и разбегутся. Случись такое – и женскому ударническому движению конец, оно станет всероссийским посмешищем. Поэтому место на Марсовом поле сводному отряду было отведено защищенное: с одной стороны юнкера, с другой – герои-инвалиды.

Только туда еще нужно было добраться, а с Васильевского острова по Благовещенскому мосту валил плотный поток – понизу темный, поверху кумачовый. На флагах серпы и молоты, на транспарантах надписи: «Долой империалистическую войну!», «Хватит проливать братскую кровь!», «Смерть мировой буржуазии!».

– Беда! – краем рта сказала Бочка. – Не поспели! Пропустить их, что ли? Скомандовать «Стой»?

Авангард большевистской колонны миновал мост и замедлил ход – там тоже заколебались, не пропустить ли вперед небольшую, но организован

ную и вооруженную воинскую часть. Путь к месту манифестации отсюда был один, вдоль Невы.

Песня про соколов-орлов ослабела и стихла. Рабочие, нестройно горланившие про проклятьем заклейменного, тоже умолкли.

– Солдаты! С винтовками! – загалдели на мосту. – Нет, юнкера!

Кто-то там начальственно крикнул:

– Спокойно, товарищи! Без паники! Манифестация для всех! Ничего они нам не сделают!

Солнце светило в глаза большевистскому скопищу. Но вот кто-то глазастый заорал:

– Ребя! Это не юнкера! Бабское войско Сашки Керенского!

– Точно! – подхватил кто-то. – Вона у командира сиськи торчат!

И грянул хохот, покатился от головы серо-бурого удава вдоль длинного, вытянувшегося по мосту туловища. Толстенная змеища задергалась, закорчилась, поперла вперед, заслоняя путь.

– Нельзя останавливаться, – сказал начальнице Романов. – Нужно ускоренным мимо, пока они всю набережную не запрудили.

Он обернулся, кивком подозвал унтеров, и все четверо встали рядом, плечо к плечу, готовые, если понадобится, защитить командиршу.

А из толпы противников войны вперед выскочили несколько самых бойких и быстро пошли навстречу батальону.

– Сто-ой! Раз-два! – трубным голосом скомандовала Бочарова.

Совет помощника запоздал: даже ускоренным шагом мимо моста было уже не пройти, и с каждой секундой на набережной все шире разливалась свистящая, орущая, улюлюкающая орда.

Усатый в кепке, шагавший впереди всех, перекрывая шум, крикнул:

– Эй, подстилки буржуйские, брысь отсюда!

Его обогнал весельчак в малиновой косоворотке. Он махал согнутыми в локтях руками, изображая петушиные крылья, притоптывал.

– Ку-ка-ре-ку! Ух, курочки, потопчу!

Бочарова первый раз обернулась. Увидела стоящих вплотную мужчин.

– Уйдите назад!

– Ни за что на свете, – отрезал Романов.

– Кто обещал подчиняться?! – сверкнула глазами начальница. – Это приказ!

Алексей не тронулся с места. Унтера тоже.

Тогда Бочка перешла с командного тона на просящий:

– Мы сами должны. Сами! Без мужчин. Неужто вы не понимаете?

Шепотом выругавшись, штабс-капитан махнул гвардейцам:

– За мной! Шагом марш...

И все пятеро побрели в хвост колонны.

– Офицерье драпает! – орали сзади. – Навали, ребята!

Бочарова осталась впереди одна. Встала, широко расставив ноги, уперлась руками в бока.

– Граждане свободной России! – завопила она тем же голосом, каким на плацу обращалась к батальону. – Родина воюет, истекает кровью! А вы втыкаете ей нож в спину!

Парень в косоворотке, приплясывая и кривляясь, перебил ее:

– Щас я *тебе* воткну!

И сделал похабный жест, который вызвал восторг у валивших следом.

Но вышел из орущей толпы неприметный человек в пиджаке и галстуке, властно махнул рукой, и толпа замедлила ход, остановилась. Оказывается, у буйной орды имелся вожак, и она отлично его слушалась.

Теперь рабочих с ударницами разделяло не больше двадцати шагов.

– Граждане женщины! – пронзительным, привычным к митингованию дискантом воззвал предводитель. – Я обращаюсь к вам от имени Совета рабочих и солдатских депутатов! Болтуны и истерички заморочили вам голову! Зачем вы надели военную форму? Зачем взялись за винтовки? Мало в России безутешных матерей? Будет, повоевали за царя Николашку да Керенского Сашку! Не давайте себя дурачить! Вставайте под красный флаг! Пойдем вместе с нами! Штыки в землю! Мир народам!

– Это большевик! Не слушайте его! – крикнула Бочка. – Они за германские деньги стараются!

К ней, поперек батьки, сунулся малиновый озорник. Видать, не по нраву ему были трезвые речи большевистского агитатора.

Петушькомъ пылкимъ обуянъ,
изъ нѣжныя пиръ кичливый явь
до тьмы ополчился,
да вспять обоооротился...

– Добром не пойдете, силой поволокем! – Он схватил Бочарову за портупею. – Сымай амуницию, толстуха!

Коротко размахнувшись, командирша двинула его кулаком в скулу – вроде и несильно, но парень отлетел, упал и чуть не перекувырнулся.

В толпе зашумели:

– Ого! Здоровенная, зараза!

– ...Ах ты драться, сука!

– Бей их, товарищи!

Полетели камни. Подобрать их на Английской набережной было негде – значит, демонстранты запаслись заранее.

Бочарова начала расстегивать кобуру, но булыжник угодил ей в лоб, сбил фуражку. Командирша покачнулась.

– Батальон, винтовки к бою! – страшным, хриплым голосом приказал Романов, помня, что вперед ему соваться нельзя. – В атаку! Вперед! Ура!

Махнул унтерам, они взялись за руки и вытянулись в цепочку, готовясь остановить и повернуть малодушных.

– Урррааа! – не закричал – запищал строй.

Рассыпался, но двинулся не назад – вперед.

Демонстранты такого быстрого и дружного натиска никак не ждали. От наставленных штыков те, кто был уже на набережной, бросились врассыпную. Стоявшие на мосту попятились, там образовалась давка. Теперь колонна напоминала удава с размозженной головой: длинное тело бессмысленно дергалось и корчилось, с двух сторон стиснутое перилами.

Закачавшись, рухнул транспарант, суливший смерть буржуазии. Агитатор в галстуке как сквозь землю провалился. Все толкались, метались. Кто-то упал и не мог подняться, орал благим матом.

Алексей тоже бежал, зорко поглядывая по сторонам. Едва увернулся от штыка – это Лаевская из второй роты неслась с зажмуренными глазами, не разбирая дороги. Проворная и сильная Асоян, правофланговая третьей, грамотно двинула прикладом по хребту улепетывающему пролетарию. Голицына влезла на тумбу и высоко держала флаг батальона.

А вот худосочную Шацкую пришлось выручать. В ее карабин вцепился обеими руками здоровяк в

солдатской гимнастерке – того гляди отнимет оружие. Романов, не останавливаясь, припечатал детину рукояткой револьвера в висок.

– Спасибо! – пискнула адмиральская дочка.

– Про штык забыли, – укорил ее штабс-капитан.

Взял под локоть сидящую на мостовой Бочарову. Она вытирала с лица кровь.

– Мутит? – спросил Алексей. – Дай перевяжу, у меня бинт в кармане. Обопрись на меня.

Но Бочка оттолкнула его, поднялась.

– Ничего, у меня башка крепкая... – И как заорет: – Коли их девочки, коли! В жопу, в жопу!

Он не дал ей побежать вперед.

– Стой ты! У тебя, может, сотрясение мозга.

Начальница блаженно улыбалась, вид у нее был совершенно счастливый.

– Мозгов у меня нету. Одно упрямство. – Подмигнула помощнику. – Что, капитан, не подвели мои девоньки? Теперь и на фронт можно.

НА ПОДСТУПАХ К ФРОНТУ

– Госпожа начальница, мало нам дождя, еще и гроза будет, – жалобно сказал кто-то вслед командирше и ее помощнику, быстро шагавшим вдоль походной колонны. – Ишь, рокочет.

Вдали, где над хмурым горизонтом набрякли тучи, заполыхали бледные зарницы и перекатился глухой рык – будто откашлялось сонное, брюзгливое чудовище.

Бочарова и Романов переглянулись, поняли друг друга без слов.

– Верст десять, – негромко сказал Алексей. – Даже меньше. Почти пришли.

– Тяжелые, – так же тихо ответила начальница. – Меня раз такой дурой накрыло. Неделю глухая проходила.

Она приподнялась на цыпочках, оглядывая унылые вымокшие шеренги.

– Подтянись! Веселей шагай! Еще полчасика, и на месте! Обсушимся! Эй, Блажевич!

– Я! – откликнулась ударница из первой роты, бывшая консерваторка.

– Запевай!

– Есть запевать, госпожа начальница!

Чистый, сильный голос затянул романс, который в Батальоне Смерти очень любили и обычно исполняли в темпе марша:

На заре ты ее не буди (раз-два),
На заре она сладко так спит (раз-два),
Утро дышит на юной груди (раз-два),
Ярко пышет на ямках ланит...

На второй строчке подхватил весь взвод, на третьей – рота, а затем и все триста пятьдесят ударниц – одна седьмая часть от первоначального состава, но зато самые лучшие, проверенные, допущенные к присяге и переправленные экстренным эшелоном на самое острие грядущего наступления.

Про косы лентой с обеих сторон гудели басом унтера-гвардейцы, командиры взводов; лихо выводили поручики и подпоручики, командовавшие ротами; во всем безупречная Голицына сильным, уверенным сопрано одна вытягивала второй голос; фальшиво и самозабвенно орала командирша. Один лишь старший инструктор шел по обочине молча.

– Господин капитан, а вы что не поете? – весело крикнули ему.

– Не умею.

Небо впереди осветилось вспышкой, но не такой, как прежде. Потом снова и снова. Там, за горизонтом, чудище окончательно проснулось и оглушительно залаяло.

Романов сбился с шага, прислушиваясь. Замолчала и остановилась Бочарова.

Песня начала комкаться.

– Ну и гроза! Никогда такой не видала! – услышал Алексей чей-то напуганный голос. – Я ужас как грома боюсь. Один раз, в детстве...

Последний куплет допевали, кажется, уже только Блажевич и Голицына. Вдвоем у них получалось гораздо красивей, чем с нестройным хором.

«И чем ярче светила луна, и чем громче свистал соловей, все бледней становилась она...».

Тут в поле, не далее чем в двухстах шагах от шоссе, лопнула и вскинулась комьями земля. Воздух сжался и ударил по перепонкам.

Батальон в секунду превратился из маршевой колонны в охваченное паникой стадо.

Второй разрыв лег с другой стороны.

– Ложись! Ложись, мать вашу!

Бочка металась на дороге, кого-то толкала, кого-то била по щекам. Вокруг стоял истошный визг. Алексей молча повторял одно и то же движение: брал ближайшую женщину за плечи, делал подсечку, швырял наземь. Еще, еще, еще.

Но скольких он сможет так уберечь от осколков и летящих камней? Ведь взяли в вилку, сейчас накроют...

Третий фугас угодил почти в самое полотно. Вокруг кричали уже не от страха – от боли.

– Убило! Убило!

– Мама, нога!

Теперь легли все – побросав карабины, закрыв головы руками.

Нет, одна все-таки стояла. Кто?

Судьба не станетъ выбирать, кто правъ, кто виноватъ.
Сверкнетъ зарница, грянетъ громъ, [illegible] на землю градъ.
[illegible]:
Быть [illegible] — жить; быть [illegible] — пасть.
И [illegible] стоитъ со всѣхъ сторонъ.
[illegible] — плачъ и [illegible] — стонъ.

А, Шацкая.

Она вся дрожала, но губы были плотно сжаты, глаза неотрывно смотрели на Алексея.

– Шацкая, почему не легли?

– А вы?

Вот дура упрямая!

– Чем стоять, бегите за санитарами. Живо!

Понеслась, по-девчоночьи неловко отбрасывая ноги.

Но на санитарную команду Романов поставил опытного фельдшера из гвардейских саперов. Тот приказаний дожидаться не стал, от обоза уже бежали с носилками.

– В третьей роте двое раненых, – сказал Алексей. – Быстро уложить и унести подальше. Перевяжете в поле. Ясно?

– Так точно, ясно.

Фельдшер угрюмо поглядел вокруг, сплюнул.

– Это он для острастки шумнул. Всего три снаряда. А если б всерьез? Наша рать до Питера бы удрапала.

– Ничего, привыкнут. Вы свой первый артобстрел помните?

По лужам, разбрызгивая грязь, топала Бочка.

– Поднимайсь! Стройся! Поднимайсь! Стройся! По местам! А вы как думали? Тут вам не бламанже кушать. Это фронт!

Кое-как построились, пошли дальше. Но уже молча, без песни.

– Вроде бы здесь, – показал Романов, сверившись по трехверстке. – Ко львам.

Идеально ровная аллея, обсаженная вековыми липами, вела от шоссе к парковой ограде, ворота которой сторожили два белых каменных льва. Над верхушками деревьев блеснула тусклой позолотой башенка, должно быть, венчавшая крышу помещичьего дома – сам он с дороги был не виден.

Башенка торчала над пробитым снарядами полукруглым куполом и уцелела лишь по прихоти случая. Немцам было отлично известно,

что эта точка используется русскими в качестве пункта по корректировке артиллерийского огня, поэтому за минувшие месяцы (а фронт на этом участке не двигался больше года) по графскому дому было сделано несколько тысяч выстрелов, сброшены сотни авиабомб. От чудесного здания в стиле ампир почти ничего не осталось, однако наверх по-прежнему можно было вскарабкаться по железной лесенке, неуязвимая башенка парила над расстрелянной усадьбой, словно верхушка мачты, высящаяся над израненным, но не сдавшимся кораблем.

На чугунном полу, скрестив ноги по-турецки, сидели двое солдат из артдивизиона. Один жевал колбасу, откусывая прямо от круга, и попивал из фляги «спотыкаловку», мутную брагу кустарного производства. Второй лениво глядел в оптическую трубу, однако не в сторону германских позиций (чего на них пялиться, и так обрыдли), а на недальнее шоссе, по которому двигалась батальонная колонна пехоты.

– Сюды повернули, – сообщил он, немного оживившись. – Может, сменят нас, а, Митяй? Пора бы.

Бредёшь юдолію земною
И невдогадь, и невдомёкъ,
Что неотступно за тобою
Слѣдитъ съ небесъ суровый рокъ.

– Кто тя сменит? – пробурчал Митяй с набитым ртом. – Это ж пехота, а мы антилерия. Разве пехота антилерию сменяет, дура?

– Я чего решил, Митяй. Если до Успенья не сменят, сам уйду. Будя над людями измываться.

– Успенье когда еще будет. По мне – давай хоть нынче деру дадим. Ты чего сопишь-то?

Наблюдатель, повернув фуражку козырьком к затылку, подкрутил фокус.

– Вот это да...

– Чё там, Стёп?

По лицу Степы бродила недоверчивая, отчасти мечтательная улыбка.

– Бабы! Ей-богу – бабы! То-то я гляжу, пехтура шибко бокастая. А это бабы!

– Чего-о? Какие бабы?

Митяй отпихнул товарища, сам приложился к трубе.

А Степа, плюнув на дежурство, уже спускался, оттопырив зад, по скрипучей лесенке.

– Бабский батальон! Комитетчики про их гутарили! Пойти ребятам сказать! Ну, Митьша, покобелимся!

ЖЕРЕБЦЫ И КОБЫЛЫ

На столе, составленном из пустых ящиков, горела керосиновая лампа. Командир батальона, поминутно протирая слипающиеся глаза, пыталась разобраться в карте, которая была вся покрыта красными карандашными обозначениями. Помощник перед уходом всё подробно объяснил: где враг, где тыл, где какие соседи, но читать карту прапорщик Бочарова толком так и не научилась. Зеленые и коричневые квадраты, синие загогулины, черные кружки никак не желали превращаться в местность. Зевнув, женщина решила: на рассвете залезу на крышу господского дома, погляжу вокруг, и разберусь, где тут что.

Главное дело она исполнила, девочек на ночлег устроила. Ударному батальону была выделена часть

территории бывшего конного завода, некогда знаменитого на всю Россию. От графского дворца мало что осталось, но конюшенные корпуса стояли почти нетронутые. В одном из них, самом длинном, выстроенном для маток-кобыл, отлично и даже с комфортом расположился личный состав: девочки шутили, что отдельные стойла похожи на купе первого класса, а сено мягче любых диванов. Романов с усмешкой предложил разместить командный состав, кроме самой Бочаровой сплошь мужской, в небольшом квадратном здании, где прежде содержали племенных жеребцов, но начальница этой игривой идеи не одобрила. Не до шуток. Поэтому «племенник» был отведен под штаб, а мужчин командирша отселила в бывший питомник для жеребят, подальше от «кобыльника». Не из недоверия, а так, на всякий случай. Да и девочкам вдали от мужского пола вольготней.

Покончив с хлопотами по обустройству батальона, Бочарова привела себя в порядок. Помылась – холодной водой, но с песочком, впродирку. Постирала белье и походную форму. Надраила сапоги, разложила на полу запасное обмундирование – это чтоб завтра явиться к генералу в несмятом.

И лишь после, накинув шинель на голое тело, села пялиться в карту и ждать помощника, очень уж долго не возвращавшегося. Ужасно тянуло в сон, однако спать было никак невозможно, и Бочарова всё яростней терла глаза.

Наконец со двора донесся звонкий окрик часового, заржала лошадь Ласточка, по уставу положенная командиру батальона, но отданная в полное распоряжение помощника – ездить верхом начальница не умела.

Стук в дверь.

– Можно?

– Пожди чуток...

Ровно в полминуты, как на побудке, Бочарова оделась в мокрое (завтрашнюю одёжу трогать не стала), притопнула каблуками – готово. Ремни по ночному времени, да при своем человеке, можно было не нацеплять.

– Входи.

Штабс-капитан был по пояс заляпан грязью, но все равно умудрялся выглядеть подтянутым и молодцеватым – Бочарова этой способности своего помощника сильно завидовала.

– Что генерал?

– Удивился, что ты заместителя прислала. Я тебя предупреждал.

Романов ездил докладывать о прибытии отдельного Ударного батальона в штаб дивизии, которой предстояло возглавить наступление.

Никогда еще русская армия не планировала стратегическую операцию таким удивительным образом. Неделю назад, перед отправкой на фронт, Бочарова присутствовала на совещании у военного министра, где составлялась общая диспозиция. Видела, как разводят руками и чуть не плачут опытные, закаленные в сражениях генералы.

Ни о какой координации действий между фронтами, армиями и даже корпусами речь не шла. В условиях «революционной дисциплины» это было бы чистой маниловщиной (что за слово такое, Бочарова не знала, но догадалась: это когда приманят, наобещают, а после не исполнят). Министр предложил руководствоваться «психологической готовностью», то есть предоставить инициативу командирам соединений. Пускай сами решают, готова ли дивизия или бригада к активным боевым действиям. Керенский увлеченно доказывал, что в этой вынужденной, не-

слыханной методике есть свои плюсы. Противник не будет знать, на каком участке русские нанесут следующий удар, и потому не сможет группировать свои силы. В любом случае наступление затевается не с расчетом на военный успех, а в политико-пропагандистских целях. Нужно продемонстрировать союзникам и собственному народу, что мы способны не только обороняться, но и наступать. Потом министр предоставил слово первой женщине-офицеру, и Бочарова говорила, как умела: обещала не подвести, лечь костьми за Родину, а еще попросила, чтоб батальон бросили не против австрияков, где дела не так уж плохи, а против германцев, в самое пекло.

Потому батальон и оказался на выступе Западного фронта, под проклятой Сморгонью, где наши топтались уже очень долго, положили многие тыщи народу и не добились ни единого, даже самого маленького успеха.

– Как бы я к генералу поперлась чумазая, будто чушка? – ответила на укор Бочарова. – Что бы он про женский батальон подумал? Ты вон, хоть и в грязюке, а всё одно – сокол.

– Не подлизывайся, у тебя плохо получается, – буркнул хмурый Романов. – Испугалась, что не поймешь оперативного задания?

Бочарова строгих и серьезных мужчин всегда уважала, легче себя с такими чувствовала.

– Ладно, – сказала она. – Ты шибко-то не гордись. Объясняй, а я послушаю.

За что еще она ценила помощника – умел он просто и ясно растолковывать. Без лишних слов, от которых в башке один туман.

– Если коротко, план у генерала такой. – Оба склонились над картой. – Ключевой участок, куда мы выдвинемся перед атакой, вот здесь. По флангам расположатся самые боеспособные части, которые хоть как-то еще могут воевать. Слева – 16-й сибирский, справа гренадеры. Наша задача – бросок через поле. Это пока всё. Генерал сказал, что подробно объяснит на завтрашнем совещании. И не мне, а командиру батальона.

– М-м-м, – промычала начальница, положила голову на сложенные руки и в ту же секунду засопела.

Алексей тронул ее за плечо.

– Эй, ляг как следует.

Карта, карта полевая,
Речковая, ягодовая,
Бита дама, бить валетъ,
Твое сбоку, вашихъ нѣтъ.

– Мммм, – ответила командирша и задышала еще глубже.

Романов уже знал, что, если она заснула, разбудить ее можно только сигналом «тревога» или звуками выстрелов. Прикинул, хватит ли сил дотащить грузную, плотно сбитую тетку до койки – и не решился. Просто накрыл шинелью. Настоящий солдат в любой позе выспится.

Ночью небо расчистилось, от края до края высыпали звезды, особенно яркие и чистые после затяжного дождя.

Алексей смотрел вверх, чувствуя себя полноправным участником вселенской астрономии, ведь в руке у него тоже алел огонек – маленький, но яркий. Затянувшись папиросой, штабс-капитан с удовольствием вдохнул сырой свежий воздух. Спать не хотелось.

Командир дивизии сказал на прощанье, безнадежно и тускло: «Меня не оставляет мысль, что я соучастник злодейства. По моему приказу несколько сотен женщин пойдут на пулеметы. Как после такого прикажете жить дальше?»

Мне легче, подумал Романов. Я-то дальше, скорее всего, жить не буду. Поэтому сейчас могу спокойно смотреть в звездное небо и наслаждаться покоем.

Через двор, стуча сапогами, кто-то бежал.

– Господин штабс-капитан! Я за госпожой начальницей! У нас там...

Кажется, Никифорова из четвертой роты. Недавно назначена помощником взводного.

Папироса, прочертив огненный пунктир, полетела в лужу.

– Что еще? Командира будить не дам. Она только что уснула.

Задыхаясь, Никифорова показывала в сторону «кобыльника».

– Там... там... – И не могла закончить.

Теперь Романов и сам услышал, как от казармы (до нее было метров триста) доносится невнятный гул.

Длинное приземистое строение было заперто. Толпа попробовала вышибить двери, но они стояли крепко.

Дружить с бабами пришли солдаты из нескольких соседних частей: артиллеристы, стрелки, саперы, спешенные драгуны. Вся эта взбудораженная масса бродила вокруг «кобыльника», пытаясь отыскать хоть какую-то лазейку.

Один ловкий паренек в сдвинутой набекрень фуражке вскарабкался на плечи товарищей и заглядывал внутрь через маленькое бойницеобразное оконце.

– Квохчут, цыпочки! – докладывал он товарищам. – Ух ты, ух ты, сколько их! И фигуристые есть!

Несколько самых напористых и упрямых продолжали колотить в дверь.

– Отворяй! – орал сильно нетрезвый фейерверкер. – Не обижай людей! К им со всей душой, а они... Щас гранатой подорву!

– Девки, чего попрятались? Вылазь, у нас самогонка есть! – кричали другие.

Солдат первого взвода первой роты Шацкая (она была в карауле) стояла по ту сторону двери в одиночестве. Гранаты она очень боялась, но покинуть пост не могла. Дрожала, прижимая к груди карабин.

– Прекратите! – жалобно просила она. – Как вам не совестно! Мы такие же солдаты, как вы!

– Солдатки – сладки! – страстно прогудел кто-то прямо в щель, совсем близко – Шацкая от неожиданности отпрыгнула.

В одной из ячеек сбились в кучку несколько девушек.

– Господи, неужели никто не придет на помощь? – трагически воскликнула гимназическая учительница Лонге. – Где же Бочка? Нас всех здесь изнасилуют и убьют!

Съ перваго, случайнаго взгляда
Полюбила я тебя, солдатъ.
Ничего не говори, не надо.
Пусть глаза съ глазами говорятъ.

Бойкая Салазкина, в мирной жизни посудомойка, сказала:

– Девочки, я наружу выгляну. Помогите-ка.

Поставили одна на одну три скамьи. Салазкину подсадили, она высунула в бойницу круглое личико – и обмерла.

В эту самую секунду с внешней стороны к окошку прижался кто-то черноглазый, пахнущий табаком.

– И-и-и-и! – зашлась визгом Салазкина.

Остальные, крича еще громче, выбежали из стойла, бросив подругу. Хотела та спрыгнуть, да забоялась – высоконько.

Но черноглазый оказался нестрашный.

– Чаво напужалась, глупая? Чё я тя, покусаю? – И улыбнулся сахарными зубами, которые, если и покусают, то, поди, сладко. – Меня Сеней звать.

Салазкина шмыгнула носом, неуверенно улыбнулась.

– Ты знашь чё, – душевно попросил белозубый Сеня, – как наши перебесятся и разойдутся, ты к анбару выходи. По-за яблоневым садом анбар, туда и приходи. Погуляем по-хорошему. Я не то, что другие. Не забижу.

Из бойницы высунулась рука, медленно. Осторожно погладила Салазкину по виску, ласково провела пальцем по бровям.

– Придешь?

Зажмурилась Салазкина, ничего не ответила. Только вздохнула.

Солдатская смекалка помогла ухажерам найти решение трудной задачи. Как обычно бывает, в неорганизованной массе отыскался стихийный вождь. Длиннорукий и кривоногий артиллерист по фамилии Мартынов и по прозвищу Мартыха надумал вышибить дверь тараном. Шестеро товарищей по батарее, в числе которых были оба наблюдателя, принесшие мужчинам радостную весть, приволокли с хозяйственного двора длинное

бревно и под одобрительные крики толпы нанесли первый удар в крепкие створки. Они затрещали, но устояли.

– Дальше отбегай! – скомандовал распорядительный Мартыха. – Не кто как хочет, а в ногу, все разом! Слухай сюда! Раз, два, три – пошел!

С дружным воплем взыскующие любви артиллеристы впечатали таран в дверь, и она прогнулась, треснув сверху донизу.

– На сопле повисла. Засов один держит. – Мартыха махнул рукой. – На позицию! Сейчас слетит!

Его товарищи снова отошли назад, приноровились – и прямо у них за спинами из тьмы ударил выстрел. Бревно покатилось по земле, артиллеристы бросились врассыпную.

Прямо на них, размахивая револьвером, шел высокий, подтянутый офицер. За ним, не отставая ни на шаг, – женщина в военной форме.

– Это что за стадо обезьян? – хрипло крикнул штабс-капитан, яростно озираясь. – Вы солдаты или кто?

Он толкнул в грудь стоявшего на пути Мартыху, подошел к двери.

– Кто в карауле?

– Шацкая, – подсказала сопровождавшая его ударница, испуганно оглядываясь на притихших солдат.

– Шацкая, откройте! Это помощник командира батальона!

Лязгнул засов. Дверь открылась.

Адмиральская дочка, бледная и трясущаяся, полными ужаса глазами смотрела на Алексея. Он заставил себя грозно сдвинуть брови, чтобы не поддаться жалости.

– Почему допустили безобразие?! – гаркнул он. – Устава не знаете?!

Никифорова, не дожидаясь, чем тут всё кончится, прошмыгнула внутрь казармы.

– Всех в ружье, – негромко, чтоб не услышали сзади, сказал ей вслед Романов и опять напустился на часовую: – Давно в наряде не были? Любите картошку чистить и мыть грязные котлы?

Глаза Шацкой наполнились слезами, дрожащие губы прошептали:

– Слава богу, что вы пришли...

Но первая оторопь, вызванная шумным явлением офицера, у толпы уже прошла.

Сзади раздались неторопливые, вразвалку шаги. Романов не обернулся, но внутренне собрался.

– Ишь, кочет, один всех хочет! – сказал прокуренный бас. – А ну, шкура офицерская, кыш с дороги.

На погон штабс-капитану легла тяжелая рука.

По-прежнему не оборачиваясь, Алексей приказал:

– Часовая, вашего начальника оскорбляют. Застрелить мерзавца!

Шацкая сделала два шага назад, вскинула карабин, взвела затвор, даже прицелилась – и правильно прицелилась, мимо головы командира. Но ствол качнулся. Барышня зажмурилась.

– Огонь! – свирепо прорычал Романов.

Худенькая ударница открыла глаза и попятилась.

– Не робей, Митяй! – крикнули из толпы. – Кишка у ей тонка встре́льнуть!

Басистый и сам уже понял, что стрелять в него не будут. Красуясь перед товарищами, он с треском рванул на груди гимнастерку. Воскликнул со слезой:

– Стреляй, сестренка! Митяя пуля австрийская не брала, газ германский не жег. А ты давай, сади прямо в сердце!

– Не могу... – прошептала Шацкая – не горлопану, а Романову.

– Ну тогда я сам.

Стремительно развернувшись, штабс-капитан вмазал оскорбителю сочную плюху. По опыту последних месяцев Алексей хорошо знал: нет лучше способа произвести впечатление на распоясавшуюся толпу, чем эффектная и своевременная демонстрация грубой силы.

Удар был хоть и вслепую, но отменно точный. Митяй рухнул навзничь, без памяти, а штабс-капитан еще и пнул бесчувственного обидчика ногой.

– Я тебе дам «шкура»!

И, не давая солдатне опомниться, дунул в свисток, после чего оглушительно заорал:

– Батальон, в ружье!!!

Судя по стуку и грохоту, доносившемуся из конюшни, Никифорова приказание исполнила и личный состав уже вовсю разбирал оружие из пирамид.

– Граждане солдаты, давайте жить по-доброму, по-соседски. Что нам ссориться?

Романов говорил по-хорошему, даже задушевно. И никто его не перебивал. Солдаты слушали внимательно, не сводя глаз с поднятой руки, которой офицер делал плавные, миротворческие жесты.

– На женщин кидаться – последнее дело. Им и без того в армии тяжко. Ведь они к вам на выручку пришли. Как сестры к братьям.

Давненько не проявлял Романов такого красноречия, сам расчувствовался. Хотел еще сказать про наступление, ударной силой которого станет женский батальон, но тут очухался зашибленный Митяй и испортил торжественность минуты.

Сев, артиллерист размазал по лицу кровавые сопли.

[illegible]
[illegible]
Не ходи ко мнѣ во дворъ,
дорогой сосѣдушка.

– Ответишь, капитан! Ты мне нос поломал! Не старый прижим солдату рыло чистить. Гвоздю на тебя пожалуюсь!

Красивая речь так и осталась незаконченной.

– Всё, ребята, можете идти, – со вздохом сказал Алексей. – И больше на нашу территорию не суйтесь. Часовые будут стрелять без предупреждения. Ну, что стоите? Валите отсюда!

– Руку опускаю, – крикнул он через плечо. – Но это не команда «огонь!». Всем ясно?

– Так точно! – многоголосо и звонко ответили ему.

Солдаты пятились от офицера, из-за спины которого торчал лес карабинных стволов.

Через полминуты перед «кобыльником» было совсем пусто. Только Митяй не успел ретироваться – Романов держал его за шиворот.

– Отбой! Больше ничего не будет! – крикнул штабс-капитан ударницам. – Отправляйтесь спать!

Они, возбужденно переговариваясь, вернулись в казарму. Вряд ли после такой встряски смогут уснуть, но тут уж ничего не поделаешь. Завтра Бочарова все равно обещала батальону дневку – отдохнуть перед наступлением.

Рывком Алексей поставил Митяя на ноги.

– Гвоздь – это кто?

– Узнаешь, кто! Он тя под суд отдаст!

Пришлось еще пару раз съездить хама по морде, чтоб окончательно привести в разум. Только тогда был получен четкий и ясный ответ: Гвоздь, а вернее Гвоздев – председатель дивизионного солдатского комитета. Ага, понятно.

Штабс-капитан увесистым пинком под зад отправил Митяя восвояси, обернулся – и расстроился.

Оказывается, Шацкая никуда не ушла и видела мордобитие. Нехорошо.

– Почему не вернулись на пост? – хмуро спросил Романов. – Не будет никакого взыскания. Это я для них сказал. Идите, Шацкая. Ложитесь отдыхать. Я вместо вас додежурю.

Как девочка будет на часах стоять после того, что пережила? Вон у нее снова губы прыгают и слезы потоком.

– Простите меня, господин старший инструктор, – всхлипнула Шацкая. – Я так перед вами виновата... У-у-у, – вырвался у нее совсем детский, скорбный вой, и адмиральская дочка разревелась не на шутку.

Алексей приблизился, осторожно погладил ее по острому плечу.

– Бросьте. Вы вели себя по-геройски. Все попрятались, вы одна остались на посту.

– Не-е-е... Я перетрусила... Вы приказали стрелять, а я не смогла. Какой из меня солдат...

Он отвел ладонь, которой она закрывала зареванное лицо.

– Я знал, что вы не выстрелите, потому и отдал такой приказ. Если б вы его уложили, солдаты сбегали бы за оружием и перебили б нас всех до последнего человека. Мы с вами отлично разыграли эту репризу. Как Бим и Бом.

Он нарочно пошутил, чтоб она перестала плакать. Кажется, удалось. Шацкая достала платок и яростно высморкалась.

Алексей еще сказал:

– Каждого хама убивать – этак мы без армии останемся. Свой все-таки.

Девушка сверкнула еще влажными, но уже не жалобными глазами:

– Какой он «свой»! Хуже всякого немца! Я хотела его убить, пальнуть прямо в наглую рожу. Хотела, а

не смогла. Не смогла убить живое существо! Как же я в атаку пойду?

Никогда, ни в какие времена не бывало, чтоб такие девушки надевали военную форму и брались за оружие, подумал Романов. Не мужеподобная кавалерист-девица, ищущая приключений, и не бой-баба вроде Бочки или старостихи Василисы Кожиной, а хрупкое создание, которому судьба и природа определили играть на фортепиано да вздыхать над чувствительными стихами.

– Господи, помоги! Дай сил! – Шацкая сдернула фуражку, опустила голову и несколько раз быстро перекрестилась. Ее голос прерывался. – Господи, сотвори чудо! Укрепи мой дух и мою руку!

Над входом в конюшню покачивался на ветру фонарь. Алексей смотрел вниз, на коротко стриженные волосы бывшей красавицы. За три недели они превратились в ежик и родимого пятна стало не видно, но маленькие уши торчали так беззащитно, что защемило сердце.

Какой бой?! Какая атака?!

Прав начальник дивизии! Никакой это не героизм! Со стороны женщин – это сумасшествие, со

стороны начальников – преступление. И он прямой соучастник!

Но разве можно что-то изменить? Скажи сейчас этой девочке: «Беги отсюда!» – ведь не уйдет, ни за что на свете. Зря она молит Бога укрепить ей дух. Дальше укреплять уже некуда. Вот рука – дело иное.

– Крыс любите? – спросил штабс-капитан, покашляв, чтоб прочистить ком в горле.

– Ненавижу. – Шацкая подняла лицо, передернулась. – А что?

– Видели справа от ворот свалку? Утром, когда батальон будет отдыхать и приводить себя в порядок после марша, в девять ноль ноль извольте быть там. Я преподам вам урок.

НА СВАЛКЕ

Утром в идиллически чистом небе сияло яркое солнце, быстро нагревая воздух. День обещался быть жарким.

На помойке, вынесенной в поле, за ограду поместья, над кучами мусора и всякой дряни жужжали мириады мух и каркали жирные, ленивые вороны.

Срезав путь, Романов пролез через дыру в заборе. Часы показывали пять минут десятого. Увидел стройную фигурку, переминавшуюся с ноги на ногу между остовом сгоревшего грузовика и грудой пустых консервных ящиков. На плече у Шацкой висел карабин. Приказом командира ударницам запрещалось выходить за пределы расположения без оружия, а в случае «агрессии со стороны посто-

ронних лиц» предписывалось вести огонь на поражение.

Барышня зажимала нос платочком. Пахло действительно препогано. Однако Алексей собирался увести свою ученицу на еще более зловонный участок свалки.

– Нам вон туда.

Он показал на дальний конец помойки, куда полевые кухни окрестных частей вываливали пищевые отходы.

– Отлично. – Штабс-капитан остановился в двадцати шагах от кучи гниющих картофельных очистков, на которых блаженствовала исполинских размеров крыса. – Вот с этого живого существа мы и начнем. Оружие к бою!

Шацкая довольно ловко вскинула карабин, прицелилась.

– Не нужно фокусировать взгляд на мишени – только на мушке. Кисть тверже. Вот так. – Он стиснул ее тонкие пальчики. – Про отдачу не забываем. Жестче плечо, жестче! Напрягите мышцы.

Мышц там особенных не было, но все же плечико стало более упругим.

– Хорошо! А теперь спуск, плавно.

Грянул выстрел, над помойкой с криком и хлопаньем крыльев взметнулись вороны. Крысу подкинуло в воздух, перевернуло.

– Попала! – взвизгнула Шацкая.

– Конечно, попали. Потому что все правильно сделали. Теперь и по врагу сможете стрелять. Германцы вон там, в пяти верстах.

Он кивнул вдаль, где за полем проходила линия окопов, отсюда невидимая.

– Мы выдвинемся по опушке леса, – показал Алексей, – вот так. Под покровом темноты займем позицию. Перед бруствером будет ничейная земля, а на той стороне – маленькие человечки. Считайте их злобными кусачими крысами и стреляйте без промаха.

– Человек не крыса, – возразила Шацкая.

– Правильно. Он хуже. Крыса, которую вы только что преспокойно убили, ничего плохого вам не сделала. А вчерашний Митяй, дай ему волю, поступил бы с вами скверно. Немцы же и вовсе хотят вас убить. Ну-ка, попробуйте с большей дистанции.

В отличие от ворон, остальные крысы выстрела не испугались. Серые остроносые твари кишели повсюду. Буквально в десяти шагах здоровенная кры-

са шуршала кочаном капусты, но штабс-капитан велел целить по куче свиных костей, до которой было метров пятьдесят.

Хоть руки у Шацкой были слабые, зато глазомер превосходный. Удивила барышня Романова: четырьмя выстрелами, причем почти без интервалов, сняла четырех грызунов.

И пришла в голову Алексею одна чудесная мысль.

Всех женщин спасти он не сможет, но вот эту петербургскую фиалку и, возможно, еще несколько таких же, совершенно бесполезных в штыковой атаке, пожалуй, уберечь удастся.

По недавнему приказу главнокомандующего, в каждой роте полагается создать из лучших стрелков снайперское отделение. Опыт позиционной войны доказал полезность этой меры. Снайперы должны, посменно дежуря, держать под прицелом вражеские окопы, а во время наступления – прикрывать метким огнем атакующую роту, сами оставаясь позади.

Если правильно подать идею, Бочка согласится. Она и сама все время вздыхает, что худосочных девчонок в штыки гнать – только без толку губить. Поэтому отобрать в снайперские команды нужно даже

не самых метких, а самых слабосильных. Все равно обучать по-настоящему времени не будет.

Штабс-капитан уже решил, что для демонстрации именно Шацкую начальнице и предъявит. Мол, в атаке от такой проку ноль, зато полюбуйтесь, как отлично она стреляет.

– Господин старший инструктор, вот если б вы меня еще научили штыком колоть. – Воодушевленная успехами Шацкая смотрела на Романова с благодарностью и восхищением. – А то я хуже всех, стыдно!

– Бросьте про это и думать, – отрезал Романов. – Скажу вам начистоту, без свидетелей. Женщина, любая женщина, в силу своей конституции не может научиться владению штыком. Уж поверьте старому вояке.

Барышня кивнула – поверила. И надо ж случиться, чтоб именно в эту минуту произошло событие, поставившее под сомнение авторитет «старого вояки».

Вдалеке затрещали кусты, захрустели ветки. Из той же дыры в изгороди, откуда четверть часа назад вылез Романов, отчаянно голося выскочила женщина в военных штанах и сапогах, но выше пояса голая. Вслед за ней, тоже вопя, выпрыгнул

А любовь запретная – что тропа дурманная.
Самое завѣтное, сладкое, желанное.
Ангелъ наплакаетъ, завываютъ черти
У границы рая, у порога смерти.

мужчина. Он, наоборот, был в гимнастерке, зато снизу – во всей натуральности. Оба припустили вдоль ограды, стремительно приближаясь к Алексею и Шацкой.

Странное поведение полураздетой пары объяснилось, когда следом сквозь забор проломился преследователь. Верней, преследовательница: наставив штык и оря благим матом, беглецов догоняла начальница батальона. Она быстро перебирала короткими ногами и уж готовилась вонзить клинок в спину мужчине.

– Сенечка-а-а! Бежи-и-и! – заголосила, оглянувшись, женщина.

Солдат сделал огромный прыжок, едва увернувшись от удара, и наподдал с такой прытью, что оставил подругу по несчастью далеко позади.

– Это Салазкина из четвертого! – ахнула Шацкая. – Бочка ее сейчас убьет!

Мужчина сиганул вбок, к ограде, с невероятной ловкостью вскарабкался на нее и, мелькнув белой задницей, исчез в зарослях. Но Бочарова даже не повернула головы в ту сторону – она нацелилась сразить блудодейку.

– Стерва! Шалава! Убью!

Не повезло бедной Салазкиной. Споткнулась на кочке, полетела кубарем. Только вскрикнула:

– Мамочки! Смерть моя пришла!

Багровая от ярости Бочка занесла карабин. Сверкнул хищный японский штык.

Романов бросился к месту грядущего кровопролития, на бегу кинув Шацкой:

– Здесь же в одиннадцать вечера! Будем стрелять на звук!

Оглянувшись, начальница смотрела на невесть откуда взявшегося заместителя. Шацкую не заметила – та благоразумно присела на корточки, спрятавшись за кучей мусора.

– Сука такая! – заорала Бочка. – Я мимо сенника иду, вдруг слышу... Убью на месте, чтоб другим неповадно было!

Салазкина шустро уползала на четвереньках, пока старший инструктор урезонивал взбешенную командиршу.

Рядовой Шацкая наблюдала из своего неромантического укрытия за происходящим и улыбалась. Не насмешливо – мечтательно.

– В одиннадцать... – прошептала она.

ОГОНЬКИ

Дотемна проторчали в штабе дивизии, дожидаясь генерала, срочно вызванного в корпус, но встреча так и не состоялась. В половине десятого протелефонировал адъютант и сообщил, что начальник нынче не вернется – переговоры с представителями солдатских комитетов зашли в тупик, будут продолжены завтра утром в присутствии командующего армией.

Пришлось уезжать несолоно хлебавши.

Бочарова, весь день готовившаяся представляться начальству, была раздосадована. Вернувшись в расположение, устроила выборочную повзводную проверку: в порядке ли оружие, исправно ли ведется дежурство, не стерты ли после марша ноги. Всё было в полном порядке. День отдохнув, батальон

оправился и от тридцативерстного броска, и от артобстрела, и от потрясений минувшей ночи.

Потом вдвоем долго обсуждали график завтрашних ротных занятий. Из-за всего этого Романов попал на свалку с большим опозданием. Он уж думал, что Шацкая его не дождалась – но нет, на том же самом месте, где они утром расстались, чернел маленький силуэт, окруженный призрачным серым сиянием. Ночь сегодня была пасмурная, по временам тьма сгущалась до полной черноты, но иногда облака прорежались, и тогда причудливый рельеф мусорных куч напоминал лунный пейзаж из иллюстраций к роману Жюля Верна.

Смердело меньше, чем на жаре, и мухи не жужжали, но, судя по деловитому шуршанию, крысы бодрствовали – что от них и требовалось.

Алексей вдруг сообразил, что барышне, наверное, жутко стоять тут одной, в окружении ночных шорохов, и ускорил шаг.

– Извините, – сказал он. – Сначала в штабе дивизии задержали, потом начальница не отпускала...

– Офицер перед рядовым не извиняется.

Фигурка не шелохнулась. Голос был странный – не такой, как всегда.

– Обиделись, – вздохнул штабс-капитан.

– Нет, что вы... – Шацкая сделала шаг навстречу. – Я не заметила, как летит время. Стояла, думала.

– О чем?

– О том, как всё это удивительно. Совершенно непохоже на то, как я себе... – Она сбилась. – Ой, куда ж это я карабин пристроила? Ничего не видно...

Луна действительно спряталась за плотную тучу, стало совсем темно.

Присев на корточки Шацкая ощупывала землю. Желая ей помочь, Алексей тоже наклонился – и звонко приложился лоб в лоб.

– Ой! – сказал она.

– Черт! – сказал он.

Шацкая пожаловалась:

– Еще и фуражка свалилась.

– У меня тоже.

Оба рассмеялись. Из-за того что ничего не было видно, Романов вдруг почувствовал себя, будто в мирное время: он не с нижним чином, а просто с барышней, и летняя ночь, и обоим весело. Нет ни военной формы, ни уродливо остриженной головы, голос же у Шацкой обыкновенный, девичий. И легко

представить, что она такая же красивая, какою он увидел ее впервые, в кресле парикмахера.

– У меня ведь фонарик! – спохватился он.

Щелкнул кнопкой. Моментально отыскались и головные уборы, и карабин, аккуратно прислоненный к пустому снарядному ящику. А тут и луна выглянула.

Шацкая провела рукой по засеребрившемуся ежику волос, поспешно надела фуражку.

– Никак не привыкну к этому ужасу. Видели бы меня петроградские знакомые...

– Не так это ужасно. Вы похожи на мальчика.

Луна снова скрылась. Остался только голос, да еще чуть мерцали глаза, смотревшие на Алексея снизу вверх.

– Значит, на роду написано. Папа не хотел девочку, мечтал о третьем сыне. У нас уже несколько поколений подряд три сына и никаких дочерей. Старший идет в морскую службу, средний в кавалерию, младший в пехоту. Так всё в конце концов и вышло. Я угодила в пехоту. И получился из меня мальчик.

– Нет, – быстро сказал Романов то, что невозможно было бы произнести при свете. – Мальчик

из вас не получился. Совсем не получился. Как вас зовут?

– Саша. Видите, даже имя не совсем женское...

У нее сорвался голос, она замолчала. Он тоже молчал. Теперь и вовсе ничего не осталось – только ночь, только учащенное дыхание.

Господи, думал Романов, никогда и нигде такого еще не бывало, ни в каких романах, это просто не с чем сравнить. И не надо сравнивать.

– Сумасшествие закончится, – хрипло сказал он. – Обязательно закончится. И тогда...

– Что «тогда»? Почему вы не договорили? Что «тогда»?

Он не договорил, потому что снова засочился слабый свет, блеснул на дуле карабина, обрисовал верхний полукруг кокарды на ее фуражке.

– Нет, ничего.

Саша продолжила за него:

– Закончится война, у меня отрастут волосы. Пускай не такие, как прежде, а хотя бы до ушей. Сейчас в Париже это модно. Мы с вами встретимся где-нибудь в Петергофе или в Павловске, и...

Свет померк, и теперь не закончила фразы Шацкая.

– Встретимся – и что? – спросил Алексей у темноты.

Темнота прошелестела:

– Ничего...

Они качнулись навстречу в один и тот же миг – и, несмотря на мрак, губы безошибочно встретились с губами.

Один Бог знает, как это вышло. Виновата была тьма, больше никто.

Они быстро, жадно целовались, от нетерпения мешая друг другу. Алексей стиснул девичье плечо, но оно оказалось такое маленькое, что он испуганно ослабил хватку, опустил руку ниже – нащупал на рукаве что-то странное, колючее. Это был череп с костями, шеврон Батальона Смерти.

Романов отшатнулся. Саша хотела поцеловать его еще – ее губы попали в пустоту.

– Что я делаю? – Он пятился. – Я слово давал!

– Невесте? – дрогнул голос Шацкой. – Или у вас жена? Боже, я ведь ничего о вас не знаю!

– Бочке.

Оба прыснули.

– Сейчас как выскочит из темноты – и штыком, – сказала Саша.

Засмеялись. Но не тронулись с места. Тучи ускорили свой бег, тьма будто задышала, чернея и светлея. Девушка, стоявшая всего в трех шагах, то исчезала, то появлялась вновь.

В соседней мусорной куче раздалось злобное пищанье, началась возня – кажется, крысы не поделили добычу.

– Странное место для романтического свидания. Про это я и думала, пока ждала.

Алексей ужасно удивился:

– Вы знали, что получится романтическое свидание?

Она хихикнула.

– Нет. Я, наверное, отправилась среди ночи на помойку по крысам стрелять.

Шаг, второй, третий. Алексей притянул Сашу к себе.

– Последний поцелуй – и всё. До конца войны. Слово офицера.

– Последний... До конца.

Последний-то последний, но где сказано, сколько времени он может продолжаться?

Когда стало совсем невмоготу и пальцы сами собой, не спрашиваясь, начали расстегивать пуговицы на солдатской гимнастерке, Романов опомнился и оборвал поцелуй.

– Всё, всё, всё, а то...

– Да, а то... – Саша хватала ртом воздух. – Если б еще не помойка...

Зачем она это сказала? Вон там, за оградой парк. Трава, кусты, даже сенник есть. Но нет. Дано слово, его нужно держать.

Прошла опасная минута, ее сдуло ночным ветром. Еще луна, разумница, выглянула, помогла.

– Красиво здесь, – сказала Шацкая, оглядываясь – будто хотела получше запомнить это место. – Запах вот только... Зато луна. Ночные огоньки...

Она смотрела Романову через плечо.

– Какие огоньки?

Обернулся.

На краю поля, где чернела опушка леса, дважды коротко вспыхнул, погас и снова зажегся маленький, но яркий огонек.

– Будто загадочный ночной зверь подмигивает желтым глазом, – мечтательно произнесла Саша.

Застынь недвижимо, не дыша.
Смотри: вотъ плавится душа.
Съ водой сливается вода,
Не раздѣлить ихъ никогда.

Романов вскрикнул:

– Какой еще зверь! Тире, точка, точка, тире... Это азбука Морзе! Кто-то подает сигналы в сторону вражеских позиций!

По профессиональной привычке он поднес к глазам часы с фосфоресцирующими стрелками. Ровно полночь.

– Возвращайтесь в казарму!

Сам побежал вперед, на мигающие огоньки.

– Нет! Я с вами!

Шацкая подобрала карабин.

За длинноногим штабс-капитаном девушке было не угнаться, и скоро она отстала, а затем и потеряла его из виду, но все равно упорно бежала по высокой, мокрой от росы траве. Споткнулась и упала, выронила оружие, больно ушибла локоть. Однако не охнула, даже не поморщилась – просто подняла карабин и побежала еще быстрей. Задыхалась, ругала себя за неуклюжесть, за дурость («ночной зверь» – стыдно как!), но не остановилась, пока не оказалась на опушке.

Зрительная память у барышни была отменная, и, хоть огоньки уже погасли, Саша безошибочно достигла того самого места.

Из кустов слышался негромкий шорох.

Шацкая взвела затвор, осторожно двинулась вперед. Ей стало очень страшно – не за себя, а за Алешу (про себя-то она ведь могла его так называть?). Что если...

– Вы? – раздался из темноты озабоченный голос. – Проклятье! Ушел, гад. Опоздал я...

– Вот беда, – ответила она сокрушенно, а сама улыбнулась и перекрестилась. Жив!

По земле ползал луч. Это штабс-капитан, стоя на четвереньках светил фонариком на землю.

– Ну, ясно...

Направил луч на ветки орешника, снова вниз.

– Что ясно?

– Их было двое. Судя по отпечаткам сапог, нижние чины. Курили махорку: один сворачивает «козью ножку», второй закручивает бумагу по-казацки. Сеанс начался ровно в полночь и продолжался примерно минуту... Паршивые дела.

Как он расстроился! Саше тоже захотелось расстроиться, хоть в ее теперешнем состоянии это было трудно.

– Ужасно, что есть такие люди, – сказала она, за-

претив себе улыбаться. – Носят русскую форму, а сами шпионят.

– Хуже другое. Через два дня наступление. И как раз на этом участке. Наши шансы на успех и без шпионов невелики... – Лицо у него от бега было потное. Вытереть бы платком – но нет, Саша не решилась. Алеша был такой сосредоточенный! – Срочно доложить генералу. А субъектов этих надо взять...

– Как же их возьмешь, если они уже ушли? – удивилась Саша.

– Курили, и довольно долго. Значит, сеанс был назначен на определенный час. И место выбрано неслучайно. Здесь лес выдается в поле мыском, эту точку в бинокль видно издалека. Точное время атаки будет определено завтра. Шпионы обязательно попытаются сообщить об этом врагу.

Какой же он умный, думала Саша. И скромный. Сразу всё понял, рассчитал, придумал. Говорит невероятно проницательные вещи, и безо всякой рисовки, будто они сами собою разумеются. Как же мне повезло! Какая я счастливая!

НИЧЕГО ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

В местечке Ломницы

Опытный (а даже и не слишком опытный) врач-психиатр при одном взгляде на безжизненное, будто окостеневшее лицо генерал-лейтенанта Бжозовского определил бы, что этот человек с потухшими глазами находится в состоянии долгой тяжелой депрессии. Ему следовало бы пройти курс нервно-восстановительной терапии, полгодика отдохнуть на минеральных водах и потом еще понаблюдаться у хорошего специалиста. Тогда восстановятся сон и аппетит, пройдут мучительные головные боли, и, может быть, решится главное последствие затянувшегося стресса – рассеется навязчивое суицидальное настроение.

Но в обозримом будущем о лечении и отдыхе не приходилось и мечтать, а идея заглянуть в черную

дырку револьвера и броситься в нее, как в колодец, Иерониму Казимировичу с каждым днем казалась всё более соблазнительной. В прежние времена он был осанист и щеголеват, любил пустить начальству пыль в глаза и слыл отъявленным карьеристом, но в последние месяцы всё, чем жил Бжозовский – служба, армия, красота векового уклада, – прямо на глазах, с тошнотворной быстротой превращалась в труху. Смотреть на это не было сил, стремиться стало не к чему, и если генерал еще держался, то лишь в силу привычки к дисциплине да из чувства долга.

В расположение дивизии, штаб которой находился в местечке Ломницы, Бжозовский возвращался в глубоком унынии – то есть в обычном своем состоянии. После бесконечных, иссушающих мозг препирательств с солдатскими депутатами решение о наступлении все-таки было принято, но для этого понадобилось вмешательство командарма и льстивая телеграмма комитету от Керенского.

Ни наступать, ни вообще воевать при таком положении невозможно – об этом говорили генералы в своем кругу, уже после завершения переговоров. Бе-

седа началась за завтраком и протянулась до полудня. Судя по рассказам соседей, у них дела обстояли еще хуже: надежды на то, что дивизионные и бригадные комитеты выполнят постановление корпусного комитета, никакой. Командующий на прощанье сказал (они были однокашники по Пажескому): «Иероним, на тебя вся моя надежда». А какая к бесу надежда?

Пыльный «бельвиль» начальника дивизии, клаксоня, разогнал с неширокой улицы стаю гусей, попрыгал по булыжной площади, остановился возле длинного, с пузатыми колонами здания – здесь раньше было коммерческое училище.

Морщась от бензиновой вони (у входа тарахтела и чадила курьерская мотоциклетка), генерал поднялся по ступенькам. Черт знает что: приходится краем глаза следить за часовым – отдаст честь или нет. Если соблаговолит – упаси Бог не козырнуть в ответ, напишет жалобу председателю.

Но часовой лишь проводил генерала скучающим взглядом, а Бжозовский сделал вид, что не обратил на солдата внимания.

Внутри штаба было лучше – почти как в нормальные времена. Стучали пишущие машинки, стрекотал

Всѣ генералы попадаютъ въ адъ,
Они въ отвѣтѣ за своихъ солдатъ.
Не попадаютъ въ адъ солдаты,
Они ни въ чемъ не виноваты.

телеграфный аппарат, люди занимались делом. Младшие офицеры четко приветствовали командира, со старшими он здоровался за руку.

Адъютант доложил обстановку на четырнадцать ноль ноль. На передовой всё тихо; в артдивизионе с утра митингуют; пришла шифровка от генерал-квартирмейстера; Константин Иванович (дивизионный врач) спрашивает, довольно ли будет для наступления тысячи двухсот койкомест; с утра приехали из Ударного батальона и ждут – у них что-то важное и срочное.

Бжозовский поморщился: он так и предчувствовал, что с женским воинством будут сплошные проблемы. «Важное и срочное». Обидел их кто-нибудь или снабжением недовольны, или еще какая-то чушь. Придумали там, наверху, красивую пропагандистскую акцию, и в газетах всё будет выглядеть героически, Европа непременно расчувствуется. Но ведь покалечат, поубивают к черту дур несчастных, и после не отмоешься.

Однако Иероним Казимирович велел себе не рассуждать, ибо приказ есть приказ, и его надлежит исполнять, а не подвергать сомнению.

– Сначала сплавлю этих, из Ударного, – сказал он адъютанту. – Потом шифровку, потом соедините с Константином Ивановичем.

В бывшей учительской, ныне приемной, навстречу поднялись две фигуры: высокая, поджарая и низенькая, грушеобразная. Штабс-капитана, как его, ах да, Романов, генерал уже видел – исправный офицер. Круглолицая тетка с погонами прапорщика несомненно была та самая Бочарова. Оба вытянулись, как на параде.

Бжозовский адресовал даме любезную улыбку. Поколебавшись, протянул командирше руку, потом и заместителю.

– Здравствуйте, господа, то есть госпожи... – Немного сбился. – Хм. Офицеры.

Хотел сказать что-нибудь приветливо-светское, но Бочарова (что взять с женщины, да еще мужички?) встряла:

– Господин генерал, у штабс-капитана Романова сообщение чрезвычайной важности.

Ее помощник кратко и ясно изложил суть: в дивизии действует неприятельская агентурная сеть, которая, судя по всему, поддерживает регулярную сигнальную

связь с противником. Существует несомненная опасность, что шпионы известят немцев о месте и часе атаки. Необходимо сохранить эту информацию в полной тайне вплоть до последней минуты. Если наступление произойдет завтра, приказ по частям следует разослать утром – тогда изменники не успеют предупредить врага, ибо сеанс связи у них происходит в ночное время.

Только этого не хватало! Весь расчет точечного удара основывался на факторе внезапности. Если немцы будут начеку, бабье сразу заляжет под шрапнелью и сплошным пулеметным огнем. Может, оно и к лучшему? Жертв меньше.

Неуместную мысль Иероним Казимирович изгнал.

– Не получится утром, – угрюмо сказал он. – План подготовлен, но я обязан согласовать его с комитетом. Без этого солдаты не поддержат атаку вашего батальона. В семнадцать тридцать придет Гвоздев, председатель. Единственное, что возможно сделать: предупредить его насчет шпионов и попросить о сохранении тайны. Гвоздев пользуется большим авторитетом. Если он скажет в комитете, что приказ объявят только завтра, это возмущения не вызовет. Они там все смотрят Гвоздеву в рот.

Романов кашлянул.

– Господин генерал, позвольте спросить, что это за человек.

– Сильный. Умный. С толпой на митинге управляется, как дирижер с оркестром.

– А в смысле партийной принадлежности? Биографии?

Бжозовский раздраженно пожал плечами:

– Понятия не имею! Я, знаете, полицейской деятельностью не увлекаюсь.

По выражению лица штабс-капитана было ясно, что он хочет еще о чем-то спросить. Однако имелись более насущные заботы, чем обсуждать чертова Гвоздева, попортившего Иерониму Казимировичу немало крови.

– Поскольку от батальона зависит успех всего предприятия, я желаю посмотреть на ваших ударниц, – сказал генерал прапорщику – или «прапорщице»? – Командующий предупредил, что завтра приедут корреспонденты, в том числе иностранные. За добровольцами будет наблюдать весь мир. И учтите, госпожа прапор...щик. – Бжозовский грозно выставил вперед седоватую бородку клином. – Если я со-

чту ваше войско непригодным... Вот именно! – Он оживился. – Если батальон покажется мне неготовым к бою, я отменю наступление. Командующий дал мне такое право. Сопровождать меня не нужно. Я хочу посмотреть, как ваши девицы-красавицы покажут себя в отсутствие начальства. Дожидайтесь в штабе.

Три часа Бочарова промаялась, ходя кругами по площади. Успокаивать ее было бесполезно – Алексей и не пытался. Больше всего Бочка ругала себя за то, что не поспела протянуть в батальон телефонную линию из Ломниц. Предупредить «девочек» об инспекции не было никакой возможности.

Сопереживать начальнице штабс-капитан не мог еще и потому, что потратил три часа на сбор сведений о председателе дивизионного солдатского комитета.

Познакомился кое с кем из штабных – не только с офицерами, но и с простыми писарями, вестовыми, самокатчиками. То, что удалось выяснить, не радовало.

Гвоздев (нижние чины любовно называли его «Гвоздь») был из большевиков, а стало быть заведомый противник войны. В последнее время – с началом расследования дела о «запломбированном вагоне» – ленинцы, правда, перестали открыто призывать к миру любой ценой, однако их отношение к «империалистической бойне» хорошо известно. Главный комитетчик, если верить рассказам, долго жил в Швейцарии и вернулся в Россию только после революции. Очень возможно, что в том самом вагоне.

Перед началом совещания Романов был в приемной, рядом с белой от волнения Бочаровой. На площади зафыркал мотор, оба подошли к окну и увидели, как из «бельвиля» вылезает генерал. Лицо у него было не просто мрачное, а прямо-таки черное.

– Беда, – упавшим голосом сказала Бочарова. – Подвели меня девочки...

Но Иероним Казимирович пребывал в черной меланхолии по причине диаметрально противополож-

ной. Батальон Смерти произвел на него сильное впечатление дисциплинированностью, четкостью и организованностью. Генерал-лейтенант уже начал забывать, что такое настоящая воинская часть. Надежда придраться к чему-нибудь и отправить женщин в тыл провалилась. Значит, придется испить трагическую чашу до дна.

– Поздравляю, – сухо сказал он батальонному начальству. – Это солдаты. Будем воевать.

У Бочаровой от облегчения на лбу выступила испарина, зато у штабс-капитана лицо на миг стало таким же мертвым, как у генерала. В глубине души он тоже надеялся на инспекцию.

– Господин генерал, я насчет Гвоздева... – Романов понизил голос. – Нельзя ли все-таки ограничить круг лиц, посвященных в детали? Учитывая особенные обстоятельства...

– Я и так вызвал только начальника штаба и командиров двух соседних полков. По правилам следовало бы пригласить и председателей полковых комитетов, но я ограничился Гвоздевым ... А вот и он. Легок, как черт на помине.

Генерал смотрел в окно.

К штабу быстро катил на велосипеде солдат. То есть, погоны-то были солдатские, но портупея офицерская, китель тоже, а на поясе висел «маузер» в лаковой кобуре – оружие не для нижнего чина. Подъехав к крыльцу, необычный солдат поздоровался за руку с часовыми, один из которых почтительно принял велосипед. О чем-то с ними потолковал, рассмеялся – на загорелом, обросшем короткой бородой лице блеснули превосходные зубы.

Тут как раз прибыли и вызванные к семнадцати тридцати полковники: один верхом, другой в автомобиле.

В главе длинного стола, судя по кафельной поверхности, притащенного сюда из школьной химической лаборатории, восседал Бжозовский; справа от него – начальник штаба и полковые

командиры; слева – Бочарова со своим помощником. Рядовой Гвоздев, в соответствии с чином, скромно пристроился на противоположном от генерала торце, однако почти сразу же обозначился истинный смысл военного совета. Генерал-лейтенант не столько извещал собравшихся о плане операции, сколько излагал аргументы в пользу принятого решения перед председателем солдатского комитета – будто сдавал экзамен и заметно при этом нервничал. Зато Гвоздев, как подобает экзаменатору, был немногословен, требователен и немного насмешлив. Слушая командира дивизии, он время от времени вставлял реплики и скучливо смотрел поверх головы своего визави – туда, где на стене сияла облупившейся позолотой педагогическая надпись: «Науки юношей питаютъ. М.В. Ломоносовъ».

С напускным воодушевлением рассказав об идеальном порядке и высоком патриотическом духе Ударного батальона, генерал обратился непосредственно к прапорщику Бочаровой:

– ...Армии, народу, стране нужна победа. Пускай совсем маленькая, но победа! Поле, по которому вы поведете в атаку ваших героических сестер, это

российские Фермопилы, а вы – наши Триста Спартанцев...

Он прервался, чтобы отхлебнуть остывшего чая. Бочарова, испугавшаяся незнакомого слова «Фермопилы», поспешно сказала:

– Господин генерал, у меня по списочному составу не триста, а триста сорок четыре стрелка плюс двадцать один инструктор. И все на месте.

Полковники, как по команде, поправили усы, чтобы скрыть улыбку. Но Бжозовский с торжественной ноты не сбился.

– На ваших женщин смотрит вся страна, весь мир! Я знаю, в завтрашнем бою они не дрогнут. В конце концов, дела России не так уж плохи. У Франции была лишь одна Жанна Д'Арк, а у нас их целый батальон!

Гвоздев шумно вздохнул.

– Послушайте, генерал, давайте без поэзии. Рассказывайте про наступление.

Фронтовые офицеры к манерам председателя, видимо, давно привыкли и не удивились, но у штабс-капитана и прапорщика недоверчиво вытянулись лица.

Ничуть не оскорбившись, Бжозовский сказал:

– Разработан план, который, надеюсь, будет одобрен комитетом. В конце концов успех будет целиком и полностью зависеть от воли солдат, от их э-э-э революционного порыва.

– Революционный порыв мы еще обсудим, – лениво обронил Гвоздев. – Вы подробности давайте.

– Хорошо. Настоятельная просьба командующего фронтом: не обсуждать деталей в комитетах. И пожалуйста, давайте на сей раз обойдемся без митингов.

– Не выйдет, – отрезал Гвоздев. – Старые времена кончились. Солдат теперь не скотина, которую можно гнать под пули без объяснений. По приказу, который не одобрен коллективом, из окопов никто не вылезет.

Голос командира стал вкрадчивым:

– Конечно-конечно. Но наш план и не предусматривает наступления в приказном порядке. Солдаты сами пойдут в атаку, если будут увлечены героическим порывом наших сестер...

При этих словах штабс-капитан Романов беззвучно, одними губами прошептал ругательство и на секунду закрыл глаза. Генерал сделал вид, что этого не заметил.

– Мы не будем объявлять приказа еще и потому, что наступление должно застать неприятеля врасплох. Если же начнутся обсуждения, митинги, может произойти утечка. Тогда атаки не получится.

– Так в чем план-то? – спросил председатель.

– Извольте. – Бжозовский развернул на столе лист с аккуратной схемой, нарисованной цветными карандашами. – Прошу подойти, господа...

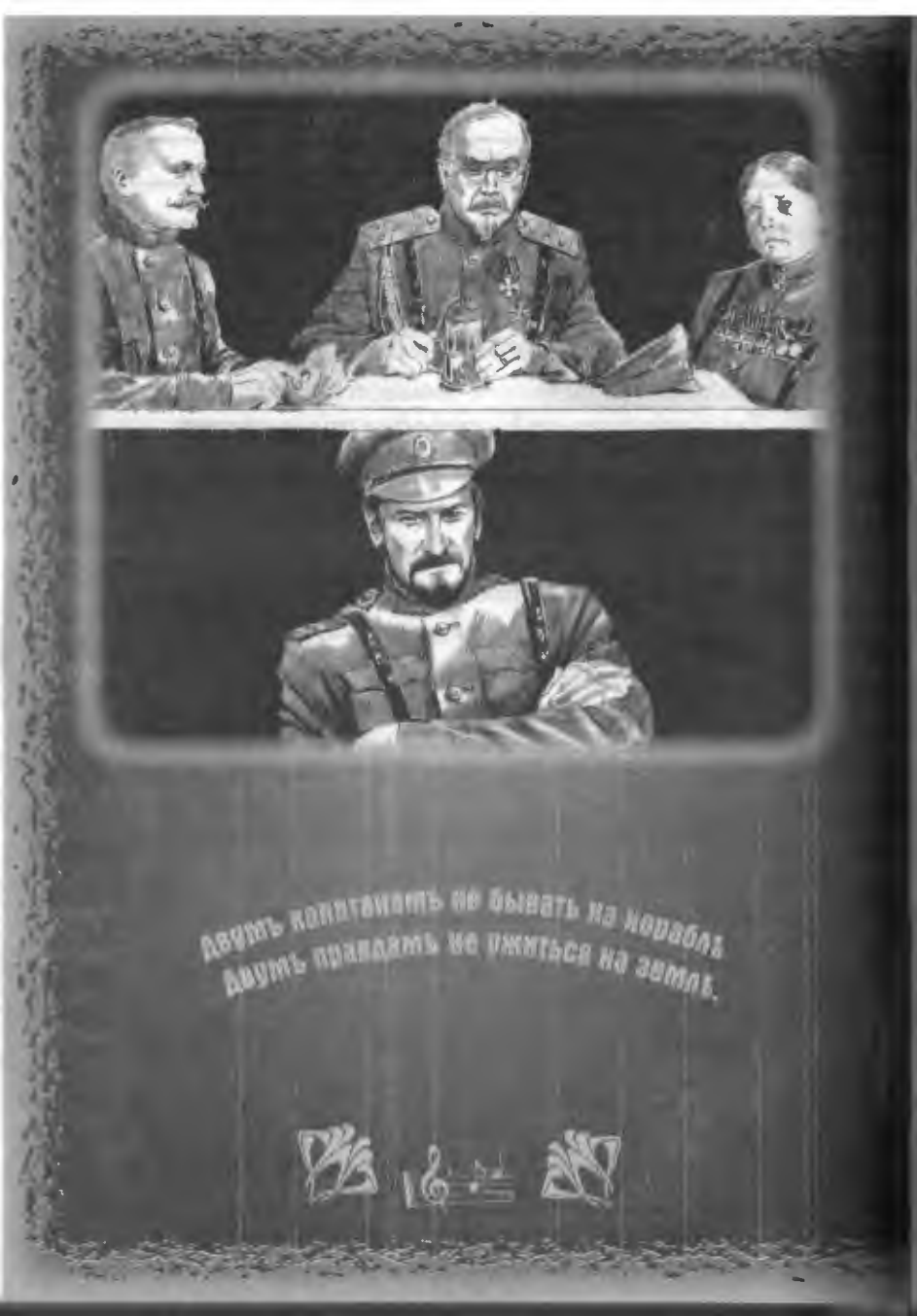
Все встали, обступили командира.

– Квадрат 7-А. Открытое поле. Здесь вражеские позиции слабее всего. Только два пулеметных гнезда, один ряд проволоки. По нашим сведениям, участок обороняют две роты ландсвера, это порядка четырехсот штыков. Понятно?

Он обернулся к Бочаровой. Та насупленно кивнула, а ответил за нее помощник:

– Господин генерал, для успешной атаки обыкновенно требуется по меньшей мере трехкратное численное преимущество!

– Без вас знаю! – Бжозовский с видимым удовольствием обрушил на штабс-капитана накопившееся раздражение. – Вы еще пешком под стол хо-


Двумъ капитанамъ не бывать на кораблѣ
Двумъ правдамъ не ужиться на землѣ.

дили, когда я академию закончил! Вопрос был, понятно ли вам расположение противника!

– Так точно, понятно.

– Подолжаю. На других участках у немцев повсюду тройная «колючка», и блиндажи, и огнеметы, а здесь противник позволил себе некоторую расслабленность, ибо отлично знает, что русские больше не ходят в атаку, особенно через открытое пространство. Моральное состояние нашей армии для врага не секрет.

– Хорошее состояние. Революционное, – с усмешкой вставил Гвоздев. – А вам не нравится?

– Вот именно, революционное, – буркнул командир. – Однако Ударный батальон нереволюционный и атаки через поле не испугается. Так?

– Костьми ляжем, а не подведем! – гаркнула Бочарова.

– Прекрасно. – Генерал уныло смотрел на схему. – Метеосводка обещает назавтра низкую облачность, поэтому рассвет припозднится. Артподготовка начнется в пять ноль ноль слева от квадрата 7-А. Местность там пересеченная: лес, болото. Немцы решат, что мы готовимся атаковать в этом секторе и

перебросят пехоту к точке ожидаемого удара. Полагаю, что из двух рот в траншеях останется лишь одна. Как только наши наблюдатели зафиксируют отток живой силы противника, женский батальон пойдет в атаку. Вот, если коротко, вся тактическая разработка. Вопросы?

Полковники молчали. План был обсужден с ними заранее. Гвоздев внимательно разглядывал карту и тоже пока ничего не говорил. Слово попросил штабс-капитан.

– Господин генерал, я не понимаю замысла. Допустим, батальон под огнем преодолеет поле и ворвется в первую линию окопов. Но что дальше? Поняв, что в соседнем секторе наступления не будет, немцы перебросят пехоту обратно, подтянут из тыла подкрепления. Ослабленный потерями батальон не сможет удержаться.

Страдание отразилось на лице командира дивизии. Нахмурились и полковники, словно осуждая молодого офицера за бестактность.

– Конечно, план нелеп и беспомощен. – Бжозовский развел руками. – Уж мне ли этого не видеть? Весь расчет построен на том, что соседние части

увлеченные героизмом женщин, тоже поднимутся в атаку. Прорыв расширится. Вслед за нами тронутся с места соседние дивизии. В наступление перейдет весь корпус, за ним армия... Имея то, что мы сегодня имеем, ничего лучше придумать нельзя. Что скажете, Бочарова?

Прапорщик отчеканила:

– Хороший план, господин генерал. Если мои девчата полягут, а у мужчин совесть не проснется, значит, совсем пропала Россия. Только проснется у солдат совесть. Я знаю!

Ее уверенность придала генералу бодрости.

– На самом деле вы будете не одни. Перед рассветом я отправлюсь по частям и поговорю с георгиевскими кавалерами. Комитет нам этого запретить не может! – Он метнул грозный взгляд на Гвоздева. – Наверняка найдется немало добровольцев. Вы, Бочарова, только поднимите своих женщин из окопов – чтоб корреспонденты это видели и сфотографировали. А потом за вами ринутся опытные бойцы, они-то и возьмут немцев в штыки. Две-три сотни мы как-нибудь наберем. Вы совершенно правы – не все солдаты совесть потеряли.

Тут выругался Гвоздев – и не беззвучно, как штабс-капитан, а вслух:

– ....! Эх вы, совет нечестивых! Баб под пулеметы гоните, а сами про совесть толкуете.

Бочарова, давно уже глядевшая на председателя зверем, крикнула:

– Никто нас не гонит, мы сами!

– Молчи уж! – Гвоздев обернулся к ней. Глаза со стальным отливом так и сверкали. – Задурила голову своим дурехам! Переубивают их всех, а тебе еще один крестик на бюст прицепят и фото в газете пропечатают.

– Я сама первая на пулеметы пойду! Впереди всех!

– Ну и иди, коли тебе слава дороже жизни. Но других за собой в могилу не тащи! Тоже еще, орлеанская девственница!

Этого Бочарова стерпеть не могла.

– Не твоя забота, девственница я или кто!

Подскочив к председателю, она размахнулась, но большевик легко уклонился от кулака и только осклабился.

– Ого, никак я попал в больную точку.

Разъяренная Бочарова снова хотела на него броситься, но Романов и начальник штаба схватили ее за руки.

– Вы не поняли, прапорщик! Гвоздев не в том смысле!

– Спокойно, – шептал Романов. – Он же нарочно провоцирует!

Не слушая, Бочка визжала:

– Сволочь! Гад! Убью!

– Вот и бабская истерика, – спокойно констатировал председатель.

Тогда генерал треснул кулаком по столу.

– Прапорщик! Прекратить!

Женщина умолкла. Смахнула с глаз злые слезы, развернулась, выбежала.

На несколько секунд в кабинете установилась тишина.

– Она же того. – Гвоздев покрутил пальцем у виска. – И это – последняя надежда демократической России?

Слово «демократической» он произнес с сарказмом.

– Другой нет, – строго сказал командир. – Прошу садиться, господа. Штабс-капитан, вы после доло-

жите начальнице о результатах совещания... Собственно, почти всё уже сказано. Осталось только одно. Объясните про шпионскую угрозу, Романов.

Алексей поднялся, поглядел на удовлетворенно улыбающегося председателя комитета.

– Не стану отнимать время, господин генерал. Проблема небольшая, решим сами.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

– Здесь? – шепотом спросил Алексей. – На моих без одной минуты двенадцать. Но если мы подошли не с той стороны, можем не увидеть сигналов...

Справа от него сопела Бочка, барабаня пальцами по кобуре. В темноте ее лица было не видно, но судя по прерывистому дыханию, воительнице не терпелось ринуться в бой. Слева, с карабином наперевес, пригнулась Саша. Романову очень не хотелось брать ее с собой в опасную экспедицию, но Бочка возражений не приняла: солдат есть солдат, а зрение у Шацкой отменное.

Командирша оказалась права.

– Нет, мы вышли к опушке не здесь, – еле слышно произнесла Саша в самое ухо Алексею. От легко-

го прикосновения девичьей щеки его кинуло в дрожь. – Там пахло сиренью... Идите за мной!

Она бесшумно заскользила по траве. Действительно, шагах в тридцати к северо-западу благоухали кусты сирени. Романов прошлой ночью не обратил на них внимания.

– Вон они!

За деревьями трижды коротко мигнул свет. Далеко в ночи, на противоположном краю поля, не менее чем в пяти верстах, взлетели вверх две ракеты – зеленая и красная. Очевидно, это был сигнал, что там готовы к сеансу. Вчера, опьяненный поцелуями, Алексей красно-зеленый фейерверк пропустил.

– Отстать от меня на десять шагов! И не соваться!

Легкими широкими прыжками штабс-капитан понесся вперед – на пульсацию света.

Сигнальщики были увлечены своим занятием и обернулись, лишь когда под сапогом у Романова треснула ветка.

Он вскинул «браунинг».

– Руки вверх! Не двигаться! Застрелю!

Один шпион сжимал в руке фонарик. Второй сидел на корточках, прикрывал напарника шине-

Полночный звѣрь завылъ во мглѣ,
И спокойно стало на землѣ,
И озаряетъ жолтый знакъ
Ночную жуть и чёрный мракъ.

лью сзади – чтоб световой морзянки не было видно со стороны усадьбы. Минувшей ночью Романов смог увидеть огоньки только потому, что помойка была вынесена далеко за ограду, в чистое поле.

Тот, что с шинелью, от неожиданности плюхнулся на задницу и задрал обе руки как можно выше. Но человек с фонариком был бойчее. Обернувшись, он полыхнул лучом прямо в глаза штабс-капитану. На мгновение Романов ослеп.

Вражеский агент кинулся наутек. Пронесся мимо офицера, с треском вломился в кусты – и вдруг захлебнулся истошным криком.

– Получи, иуда!

Обернувшись, Алексей увидел, как из зарослей пятится солдат, нелепо размахивая руками. Что-то хрустнуло, он повалился навзничь. Это Бочка выдернула из груди шпиона штык. Размахнулась – пришпилила дергающееся тело к земле.

– Что ты наделала?! Зачем? – крикнул Романов, держа второго на прицеле.

– А чего с ним, целоваться?

На поляну выбежала отставшая Саша.

– Госпожа начальница, отдайте оружие! Это нечестно...

Увидела труп с торчащим из живота карабином, вскрикнула.

– В обморок еще упади. Выдерни, вытри травой, – проворчала Бочарова, подходя к арестованному и расстегивая кобуру. – Ну, гад, прощайся с жизнью. В глаза только твои поганые разок гляну – и кончу. Посвети-ка на него, Алексей Парисович.

Сашу было невыносимо жалко. Она застыла на месте, не решаясь прикоснуться к покачивающемуся прикладу. Однако нельзя было допустить, чтоб Бочка укокошила и второго шпиона.

Не тратя времени на увещевания, Алексей просто вырвал из трясущейся руки командирши «наган», спрятал в карман.

– Погоди, дай мне поговорить с человеком...

Солдат указывал прыгающим пальцем на убитого.

– Я чего, я только шинелку держал. Это всё Лёха!

– Плевать мне на Лёху. – Романов взял шпиона за горло. Как следует сжал, немного подержал. – Кто вас послал? Кто дал задание?

Приотпустил – дал вдохнуть. На случай, если задержанный начнет ваньку валять, штабс-капитан уже знал, как поступит: удалит Сашу с поляны, чтоб не травмировать ее чувства, и расплющит мерзавцу пальцем глаз. Такое мало кто выдерживает.

Однако прибегать к гадкому средству не пришлось. Заглотнув воздуху, солдат проблеял:

– Гвоздь... Товарищ Гвоздев... Он Лёхе бумажку дал, как мигать... Вон она валяется.

Ниточка оказалась недлинной. Если Алексей чему и удивился, так это наглой незатейливости шпионажа.

– Гвоздев?! – ахнула Бочка. – Сволочь большевистская! Ну, я его, суку, ...

Пока она перечисляла, что именно она сделает с товарищем Гвоздевым, штабс-капитан подошел к мертвецу, выдернул штык, стер кровь и отдал оружие Саше, слегка сжав ей плечо.

– Самое интересное только начинается, – шепнул он. – Вперед, мой маленький зуав!

АРЕСТ ИЗМЕННИКА

Ни с того ни с сего проснулся и заорал петух, хотя время было неподходящее – едва заполночь. Где-то залаяла собака, за полуобвалившимся плетнем раздалось сонное коровье мычание. Пахло теплой пылью, силосом, навозом. Деревня Кузыня, расположенная в полутора верстах от местечка Ломницы, была погружена в буколический сон.

Здесь стоял самокатный батальон, в котором председатель комитета числился рядовым. Романов уже знал, что эта часть в дивизии на плохом счету, слывет самой недисциплинированной, насквозь большевистской. Поэтому задержание изменника требовалось провести без шума, а главное быстро – пока Гвоздев не хватился пропавших помощников.

Обозный Ефремов (так звали взятого с поличным шпиона) показал на избу со светящимися окошками.

– Вон ихняя квартера.

Дом был с железной крышей, самый лучший в деревне.

– Один проживает?

– Так точно.

– Шикарно... – прошептал Алексей, оглядывая прилегающую территорию.

– Не спит, падаль, – зловеще объявила Бочарова. – Чего мы тянем? Живей, Романов! Нам в четыре пятнадцать выдвигаться.

Пришлось непочтительно ткнуть начальницу локтем в бок.

– Тссс! Ночью голос далеко слышно. Особенно женский. Шепотом!

Охе-хо. Не операция по аресту крупного шпиона, поставившего под угрозу успех наступления, а какая-то пастораль, вечера на хуторе близ Диканьки. Петухи, коровы, колодцы с журавлями. В группе захвата две пастушки, от которых никакого проку – одни проблемы.

Ас контрразведки чувствовал себя Шаляпиным,

которому приходится выступать на деревенской ярмарке. А между тем концерт преответственный.

Правда, и противник несерьезный. Не чета профессиональным шпионам, с которыми Романов привык иметь дело.

Ефремов дрожал, как собачий хвост. Ему бы сейчас заорать во всё горло – и операции конец. Но обозный послушно ступал на цыпочках и беспрекословно выполнял все приказы. Гвоздев, главарь агентурной сети, не озаботился выставить охранение. Даже занавесок на окнах нет – подходи, заглядывай.

Именно с этого Алексей и собирался начать.

– Оставайтесь здесь... Нет, не посреди улицы – у плетня. Этого, если пикнет, штыком. – Ефремов затрясся еще больше. – Пока я не подам сигнал, ни с места!

Обе женщины кивнули.

Штабс-капитан подкрался к стене, осторожно заглянул в окно.

Председатель комитета был не один. Он сидел возле керосиновой лампы и что-то писал на листке бумаги, а перед столом переминался с ноги на ногу чернявый солдат с ефрейторскими лычками.

Человек, которого в дивизии знали под фамилией Гвоздев и уважительно звали «товарищ Гвоздь», за свою жизнь много раз менял псевдонимы и прозвища. Они были для него, как шкурка для змеи – сносилась, и выполз. Новое имя он взял со смыслом: всё, хватит порхать перелетными птицами, мы вернулись перестраивать свой обветшавший дом – будем скреплять его железными гвоздями.

Еще одна аналогия со змеиной жизнью: подобно рептилии, он слишком долго пребывал в гибернации, отоспался в стылом эмигрантском болоте на годы вперед. Теперь настала Весна, наполнила ум и тело такой веселой и мощной энергией, что человек-змея почти не испытывал потребности ни в сне, ни в отдыхе. Мог круглые сутки заниматься делами – на-

стоящими, большими, важными – и не ощущать ни малейшей усталости. Если спал, то урывками, между делом. Приляжет или присядет на полчасика, потом встряхнется – и дальше, дальше. Зато много и жадно ел, аппетит у Гвоздя в эти замечательно интересные месяцы сделался просто зверский.

Вот и сейчас, строча донесение в Центр, он то и дело откусывал от яблока. Яблоко было скороспелка, кислое, но крепкое. Сок так и брызгал.

Когда Гвоздь решил ехать на фронт, некоторые партийные умники его отговаривали. Не твоего-де уровня дело пропагандистской мелочовкой заниматься, ты в Питере нужен. Сами они мелочовка. Сказал же Старик: «Сейчас будущее революции решается в армии». Так оно и есть. За кем пойдет вооруженная народная масса, солдаты, тот и возьмет власть.

Дописал. Свернул вчетверо.

– Возьми у Ларионова самый мощный мотоциклет. Дуй на станцию. Найдешь дежурного телеграфиста. Такой мордатый, с конопушками. Скажешь: «Гвоздь велел срочно». Ясно тебе, Крюков?

– Чего не ясного. Всё сделаю.

Крюков был толковый. Гвоздев уже решил, что потом, когда фронт развалится, заберет парня с собой. Сделает из него большого человека.

– Давай. Одно колесо здесь, другое там.

Теперь нужно было дождаться возвращения сигнальщиков, и тогда можно часок вздремнуть. День завтра интересный. Можно сказать, ключевой.

Терять время попусту Гвоздев не привык. Стал ходить по горнице, обдумывая тезисы будущего выступления. После провала наступательной затеи Керенского фронт забурлит, наверняка созовут внеочередной съезд солдатских депутатов. Тут-то и надо отобрать большинство у эсеров. Точно сформулированной речью, произнесенной в правильный момент, взять оборонцев врасплох, опрокинуть подсечкой, положить на обе лопатки...

Скрипнула дверь. Гвоздев не успел и обернуться. Болезненный удар носком сапога по щиколотке сбил его с ног, сильная рука развернула рывком и бросила на спину. Прямо в лоб уставилось дуло. Над ним чернели расширенные зрачки бешеных глаз.

– Лежать тихо! Вы арестованы!

Гвоздев не сразу понял, кто это. Но когда в комнату вбежала девчонка с карабином, в военной форме, узнал: штабс-капитанишка из бабского батальона.

– Кем арестован? По какому праву? – спросил Гвоздев, когда офицер убрал руку с его шеи и ловко, профессионально обшарил одежду. Нашел и маленький «моссберг», по давней, еще с подпольных времен, привычке носимый в подмышечной кобуре, и даже узкий стилет, закрепленный на подвязке носка.

– Арсенал нелюбительский, – сказал... Семенов? Назаров? Нет, Романов, вот как его зовут. – Шацкая, позовите командира!

Девчонка на секунду вышла в сени. Вернулась с начальницей добровольок Бочаровой, которая тащила за воротник Ефремова. Вид у Ефремова был помятый, глаза бегали.

Всё ясно. Попались во время сеанса связи, конспираторы хреновы.

– Алексей где? – спросил Гвоздев.

Ефремов, не поднимая головы, ответил:

– Убили... Вот она, штыком.

Широкая, багроволицая прапорщица шла прямо на Гвоздева, поднимая револьвер.

– Сейчас я и тебя, паскуда большевистская, в расход выведу.

Как обидно, расстроился Гвоздев. Такая интересная жизнь и такая неинтересная смерть. Главное, невовремя.

Но штабс-капитан отобрал у начальницы оружие. И зашипел:

– Прекратите! Мы должны его доставить в штаб дивизии

– На кой ляд? – Бочаровой хотелось кричать, но она сдерживалась. – Ну, отдадут его под суд. Что толку? Смертная казнь отменена. Посидит в тюрьме, потом свои вытащат!

Романов ей:

– Его нужно допросить. Это сейчас самое важное.

Но у чертовой бабы от ярости глаза налились кровью.

– Отдай «наган»! Верните оружие, штабс-капитан! Это приказ!

Ефрейтор Крюков, малость отойдя от дома, засомневался. Давеча он переел зеленых яблок, брюхо целый день митинговало, и вот опять, кажется, наметило манифестацию. Сомнение было такое: прямо под плетнем присесть или вернуться на двор, в отхожее место.

Победила культурность. В последнее время очень Крюкову хотелось быть похожим на товарища Гвоздева, а тот нипочем не стал бы из-за лени под чужой забор гадить.

Повернулся Крюков, посеменил назад. В хату заходить не собирался. Но когда пробегал мимо, послышалось ему чудно́е: будто в доме баба голосит. Неоткуда там взяться бабе. Товарищ Гвоздев человек серьезный, по женской линии не озорует.

Любопытно стало ефрейтору, а нужда могла минутку и обождать. Подкрался к окошку, на цыпочки привстал.

И позабыл про революцию в брюхе.

– Эх, Алексей Парисович, крепкий ты мужчина, да не железный. – Бочарова поняла, что помощник револьвера ей не отдаст, и говорила уже не зло – с горечью. – А большевики железные, ни перед чем не пасуют. Оттого и жмут они нас. Если мы стальными не сделаемся, Россию потеряем.

– Ты за порядок или за анархию? – Романов не спускал глаз с арестованного – тот был усажен к стене, на скамью. – Если человека без суда кончать, чем мы лучше их?

Гвоздев слушал спор молча, переводя взгляд с прапорщика на штабс-капитана и обратно. Выражение лица у председателя было заинтересованное, но ничуть не испуганное. Будто дискуссия шла не о его жизни и смерти.

– Коли так, увозить его надо. И поскорей. – Бочка оглянулась на незавешенные окна. – Прознают солдаты – отобьют. Я во дворе велосипед видала. Покачу в Ломницы, в штаб. Пусть дадут грузовик с конвоем. А потом надо в батальон поспешать. Времени мало... Как вы тут вдвоем с Шацкой – продержитесь?

– Продержимся. Я сейчас лампу загашу, чтоб никто не совался.

– А если этот накинется?

– Вот тогда я его пристрелю. С полным правом и огромным удовольствием.

Алексей положил перед собой на стол пистолет. «Наган» вернул начальнице – видно было, что она успокоилась.

Губы изменника тронула веселая улыбка.

– С чувством сказал, штабс-капитан. Верю. Повода меня кокнуть я тебе не дам, не надейся.

Бочарова заскрипела ступеньками крыльца. Звянькнула велосипедная цепь. В окно было видно, как по темной улице, вихляя, покатил странный силуэт: снизу тоненький, сверху тыквообразный.

– Сесть на табурет, лицом к стене, – приказал Алексей обозному. – Шацкая, вы за него отвечаете. Карабин держать наготове.

– Слушаюсь, господин штабс-капитан.

Теперь можно целиком сосредоточиться на Гвозде. Несколько секунд Романов рассматривал задержанного, прикидывая, как вести допрос. Председатель тоже разглядывал офицера – с насмешливым любопытством, будто какое-то невиданное насекомое.

Похоже, что товарищ председатель – крепкий орешек.

Огонек Алексей прикрутил до минимума, лампу переставил на подоконник. Если кто и заглянет через стекло, ничего не увидит, зато сам будет отлично просматриваться.

– Закурить можно? Папиросы здесь.

Гвоздев медленно показал на карман кителя.

Хорошо, когда есть воздух,
Если въ жизни все не такъ,
Умъ отвѣтитъ, подлый гадъ,
На вопросъ «кто виноватъ?»

– Нельзя. Одно движение – и... Палец у меня так и чешется – учтите. И помолчите пока что.

У Ефремова штабс-капитан спросил:

– Что вы передавали германцам?

– Не знаю я, Лёха знал. Я только шинелку держал.

Солдат хотел повернуться, но Шацкая, молодец, чуть тронула его штыком – сразу вжался в стену.

– Ты меня спроси, – предложил Гвоздь. – Лёха-покойник ни черта не знал. Жал на кнопочки по бумажке: то два раза коротко, то разок подлиннее... Я все-таки закурю.

И спокойно вынул из кармана портсигар. Понимал, что штабс-капитан в него после этих слов нипочем не выстрелит.

– Что было в сообщении?

– Сейчас вспомню. – Председатель щелкнул красивой заграничной зажигалкой. С удовольствием затянулся. – Кажется, так: «Завтра около шести утра атака через поле силами одного батальона. По флангам отвлекающий огонь». Ефремов, вы передать-то поспели?

– Нет, товарищ Гвоздь. Только начали, а тут эти...

– Эх, жалко.

Большевик досадливо махнул рукой – с папиросы посыпались искры.

– Жалко?! – Алексей задохнулся. – Зря я Бочарову не послушал. Но это еще и сейчас не поздно! Бросить папиросу! Считаю до трех: раз, два...

Гвоздев понял: это не простая угроза. И папиросу кинул на пол. Стер с лица усмешку. Заговорил серьезно:

– Убить меня хочешь? Погоди, капитан, успеешь. Да, жалко. Очень жалко. Вот их жалко, – кивнул он на Шацкую. – Девчонок этих несчастных. Ты думаешь, я немцев пытался об атаке предупредить, чтоб они дурочек бочаровских пулеметами посекли? Нет, брат. Это ты и твои начальники хотят женскую кровь пролить. А я их спасти хотел. Узнали б мои камарады про завтрашнюю атаку, доложили бы своему командованию. Тогда немцы с поля не оттянули бы силы, а наоборот, подослали бы подкрепления. В бинокли это было бы видно. И отменил бы генерал атаку, куда ему деваться? Девочки бы живы остались. Ты погляди, как она на тебя смотрит. – Гвоздев снова показал на полуобернувшуюся Шацкую. –

Глазищи-то сверкают, а? Царевна-лебедь! Неужто такую под пули поведешь?

В самую уязвимую точку бил, сатана. Алексей опустил руку с пистолетом, оглянулся на Сашу – и не мог оторвать взгляда. В самом деле, казалось, будто ее глаза светятся в полутьме.

Хлопнула калитка, во дворе стало шумно. Дверь чуть не сорвалась с петель – в горницу ввалились гурьбой солдаты. Вооруженные, много. Вел их тот самый чернявый, что взял у Гвоздя листок и удалился.

Романов крикнул им, что Гвоздев арестован за измену, но никто не слушал. У штабс-капитана вырвали оружие, ударили прикладом по голове, скрутили. Отобрали карабин и у Шацкой, саму ее оттолкнули в угол.

Чернявый размахивал руками над председателем.

– Товарищ Гвоздев, вы живой? Я боялся, кокнут они вас!

– Не кокнули... Тихо ты, цигарку затопчешь.

Большевик поднял с пола папиросу, подул на еще не потухший огонек, затянулся.

– Это германский шпион! – громко повторил Алексей, воспользовавшись тишиной. – Сам признался!

– Не бреши, контра, – ответили ему. – За Гвоздя тебя убить мало.

– Они Лёху Самородова шлепнули! – жалобно воскликнул обозный Ефремов. – Наскрозь штыком проткнули! Колите их, ребята, как они Лёху!

– Господа солдаты! – Все обернулись на звенящий голос. Девушка в гимнастерке держала в руке листок. – Они сигналили врагу фонарем. Вот листок с шифровкой! Я взяла его с убитого! Сами смотрите! А дал им шифровку Гвоздев!

Романов смотрел на ударницу с изумлением. Он в спешке забыл про улику, а Саша сообразила!

Бородатый солдат вырвал у девушки бумажку.

– Эй, лампу дайте.

Несколько человек заглядывали ему через плечо. Гвоздев спокойно пустил в потолок струйку дыма.

– Что за каляки? Точки какие-то, черточки...

– Морзянка, – сказал солдат в железных очках. – Ею по рации донесения передают. И светом тоже можно.

– Этот и второй, которого убили, слали немцам сигналы. Про завтрашнее наступление. А послал их Гвоздев! – крикнула Саша. – Он сам признался, я слышала. И господин штабс-капитан тоже слышал!

– Не ври, девка. – Бородатый пренебрежительно махнул рукой. – Тебе с твоим кавалером веры нету.

– Не врет она. – Гвоздев стряхнул пепел в цветочный горшок. – Самородов с Ефремовым выполняли мое задание.

Все обернулись к нему. Стало очень тихо.

– Что зенки вылупили? Нам с вами немецкие солдаты не враги. Они такие же крестьяне и рабочие. Не по своей воле в окопах гниют. А враги наши – генералы и офицеры, кто ради своих буржуйских прибытков нас с немецкими нашими товарищами друг на дружку натравливают. Мы, большевики, порешили: пролетарской крови больше не литься. Не надо нам никакого наступления. Хотел я предупредить немецких товарищей. Пусть покажут, что их врасплох не возьмешь, что они готовы к обороне. И не будет боя. Командир дивизии сказал: если немцы из окопов не оттянутся, в атаку не пойдем. Нужна вам, товарищи, та атака?

– Не-е-е, – ответили ему двое или трое. – Пропади она пропадом. Наатаковалися...

– Кукиш генералам, а не победу! – крикнул чернявый. – Правильно я говорю, товарищи?

– Правильно! – зашумели уже все. – Хватит людей дырявить! Неча нам наступать!

– Идиоты! – Романов рванулся, сбросил с себя тех, кто держал его за плечи. – Вы наступать не станете, так немец сам на вас попрет! До Москвы дойдет, до Питера!

– Разорался, благородие. – Бородатый плюнул на пол. – Тьфу на твой Питер. И на Москву тож.

Ефремов, еще недавно такой смирный и покладистый, визгливо крикнул:

– Братцы, он идиётами ругается! Кончай его, братцы!

И первый подскочил к Романову, замахиваясь отобранным у Шацкой карабином.

С этим-то воякой Алексей управился: от штыка увернулся, обозного свалил ударом ноги в живот. Но накинулись со всех сторон, повалили на пол. Отчаянно закричала Саша – бросилась на выручку, но ее просто отшвырнули в сторону.

Оглушительно ударил выстрел. Сверху посыпались щепки.

Это председатель комитета выпалил в потолок. В руке у него дымился романовский «браунинг».

– Отставить, товарищи! Не троньте его.

Романова немедленно отпустили. Он поднялся, вытирая кровь с разбитого рта.

– Эх, штабс-капитан... – Гвоздев качал головой. – Гляжу я на тебя. Парень ты вроде неглупый. И неподлый. Что ж ты в гадкое дело впутался? Совесть у тебя есть? Неужто завтра девчонок на смерть поведешь? Да за одну эту придумку поганую Керенского Сашку надо, как собаку, убить...

Он подошел вплотную и прибавил тихо, глядя Алексею в глаза.

– Послушай моего совета. Забирай свою царевну, увози отсюда подобру-поздорову. Девушка-то золото. Как тебя защищать кинулась! Уезжай. Сгинешь ни за что. И ее погубишь.

НА РАССВЕТЕ

Батальон выдвинулся на позиции перед самым рассветом. Роты рассредоточились по траншеям слаженно, без шума. Оружие было обмотано тряпками, перед выступлением Бочарова заставила каждое отделение прыгать перед ней на «раз-два, раз-два» – и чтоб нигде не звякнуло, не брякнуло.

Помогла погода – луны не было. До передовой ударницы шли ускоренным шагом, это заняло пятьдесят минут. Началась и закончилась короткая, но мощная артподготовка: на соседнем участке в течение получаса грохотали взрывы, а подбрюшья низких туч окрасились в желтое, лиловое и багровое.

Наступила неестественная тишина, какой в природе никогда не бывает.

Действуя по разработанному Романовым плану, шестнадцать взводов веером рассредоточились по десятисаженным участкам. Получилось плечом к плечу, плотно.

Командирша и ее помощник являли собой разительный контраст. Штабс-капитан на всех глядел волком, команды отдавал хрипло и сдавленно, а прапорщик Бочарова с каждой минутой делалась всё радостней. Ради атаки она надела парадный мундир, навесила ордена и медали, выходные сапоги надраила до антрацитового блеска.

Даже журналисты, которых Бочка в прежние времена побаивалась и не любила, были ею встречены, как дорогие гости.

– Добро пожаловать, господа, – сияя улыбкой, сказала она десятку корреспондентов, собравшихся на командном пункте. – Сегодня великий день России. Только не выходите из этого блиндажа, не дай бог кого поранит. Тут вот для вас и трубы оптические установлены и телефон проведен. Проголодаетесь – есть закуски. Просто глядите и после честно напишите, что видали...

Ей начали задавать вопросы: какое настроение у амазонок, да чувствует ли она себя героиней, да

Любопытство въ нихъ говоритъ, но [illegible] [illegible].
На чужихъ [illegible] [illegible] [illegible].

большие ли ожидаются потери, но командирша сказала, что ничего больше говорить не станет – всё сами увидят. Попробовали репортеры сунуться к ее молчаливому заместителю, но он так сверкнул злобными глазами, что даже напористый спецкор «Нью-Йорк таймс» шарахнулся.

– Вы закусывайте, закусывайте, – бросил нелюбезный штабс-капитан и вышел вслед за своей начальницей.

Они шагали по траншее, проверяя готовность к атаке. Бочарова каждую ударницу трогала за плечо и всё повторяла: «Не подведи, сестренка. Не подведи, сестренка». Многих добровольцев трясло, некоторые всхлипывали, но при виде офицеров все расправляли плечи и пытались улыбнуться. Говорили «Не подведу». Но чаще: «Скоро уже?».

Несколько портил высокую трогательность момента старший инструктор. Нет чтоб тоже сказать что-нибудь сердечное – лишь рыкал: «Петрова, штык поправить!», «Голубович, подтяните ремень!», «Не высовываться, Самвелова!» – и прочее подобное. Некоторые ударницы из самых юных показывали ему вслед язык.

Закончив обход, офицеры вернулись к центру позиции. Бочарова припала к биноклю, в тысячный раз оглядывая поле. Вчера и позавчера они уже были на передовой и досконально изучили эти полверсты пустого пространства: каждый бугорок, за которым можно укрыться, каждую впадинку.

– Проволоки боюсь, – пробормотала начальница. – Не растерялись бы.

Романов процедил сквозь зубы:

– Проволоку-то они ловко чикают. Вот когда до рукопашной дойдет...

– Не допустит Господь. – Бочарова сдернула с круглой головы фуражку, мелко закрестилась. – Вся моя надежда, что немцы отойдут во второй ряд окопов. Их мало, рота всего...

После начала артиллерийской подготовки, как и предполагалось, противник немедленно перекинул ближе к обстреливаемому участку, в резерв, подкрепления. Наблюдатели доложили, что одна из двух вражеских рот бегом переместилась в тыл, и там заурчали автомобильные моторы.

План генерала Бжозовского сработал. Теперь ничто не могло помешать атаке. Романов подумал:

что если обойдется малой кровью? Или вообще без крови? Увидят немцы, что из русских окопов выскакивают густые цепи – и уберутся без боя во вторую линию. Ведь ничего больше не нужно! Это уже будет победа. Газеты напишут: женский батальон выбил германцев лихим штыковым ударом. И всё, всё!

Штабс-капитан выматерился, чтоб задавить шевельнувшуюся надежду. Готовиться нужно к худшему: немцы встретят плотным огнем, пулеметы будут выкашивать ударниц рядами, роты залягут, а потом ударят вражеские батареи...

– Ты чего бранишься? – удивилась Бочка. – Ты сегодня жеребячьих слов не говори. Не такой день... – Она посмотрела на свои наградные часы, которыми очень гордилась. – Что-то добровольцы припозднились. Вон уж туман над полем поднимается. Я чего боюсь? Что генерал много мужиков соберет. Корреспонденты – не наши, конечно, иностранные – после напишут, что это мужчины немца побили, а женщины только бежали да «ура» кричали. Я всех добровольцев во второй волне оставлю. Скажу: «Дайте девчатам подальше отбежать, тогда и вы из окопов вылазьте». А только вдруг не послушают?

– Не того ты боишься! – вырвалось у Алексея.

– А? – Командирша оторвалась от бинокля. – Ты чего смурной, Алексей Парисыч? День-то какой! Всей войне поворот. Девятое июля одна тыща девятьсот семнадцатого года. Великий день России.

И сказал Романов то, чего не следовало:

– Великий или... позорный?

Бочка дернулась, как от пощечины. Светлые глазки сощурились.

– Что ты сказал?!

– Ладно... Ничего. Забудь.

– Как «забудь»? Ты... – Она не могла говорить. – ...Вы что?! Если вы так – уходите отсюдова. Сейчас уходите! Приказываю! Я вас снимаю с должности!

– Ну уж нет. – Романов вынул «браунинг». – Будешь гнать – застрелюсь. Ты меня знаешь. Сказал же: забудь. Считай, у меня нервы шалят перед атакой.

Всё еще не отойдя, она горько молвила:

– Слабые вы, мужчины. Даже которые сильные. Помочь вам надо. Вот и помогаем, как умеем. А ты...

Он досадовал на себя, что сорвался.

– Раньше надо было с тобой спорить. Теперь поздно. Разрешите идти на левый фланг?

Между собой они условились, что встанут с двух сторон: командир справа, помощник слева. Известно, что атака чаще всего захлебывается на флангах – они начинают отставать, загибаться, и тогда ложится вся цепь.

– Идите.

Алексей козырнул, развернулся на каблуке.

– Постой! – Бочка смотрела на него уже без обиды. – Не по-людски расстаемся. Ведь навряд свидимся... – Она крепко обняла его, хотела и поцеловать, да не хватило роста. – Дай тебе Бог. Чтоб живой. А если ранят, пускай не сильно.

– И тебе того же.

Он наклонился, поцеловались. Губы у начальницы были обветренные, жесткие.

– Меня Марией звать. Прощай.

– До свидания, Мария.

Снова обнялись.

Тут-то из хода сообщения, что вела к траншее из тыла, вышел командир дивизии в сопровождении десятка офицеров.

Ужасно смущенная, Бочка оттолкнула заместителя, оправила китель.

– Не подумайте чего! Это мы прощались, перед атакой...

А Романов изумленно глядел на генерала, который зачем-то повесил на плечо солдатскую винтовку со штыком. Еще удивительнее было видеть на суровом, холеном лице его превосходительства смущенную мину. Неужто он вправду подумал, будто стал свидетелем интимной сцены?

– Господин генерал, я очень прошу оставить подкрепление сзади, – взволнованно заговорила Бочка о том, что ее сейчас больше всего тревожило. – И чтоб без моего свистка – а если меня убьют, то без свистка штабс-капитана Романова – мужчины в атаку не поднимались. Иначе весь смысл пропадет!

Бжозовский, покраснев, сказал:

– Простите меня, Бочарова. За весь мужской пол простите. Не нашлось добровольцев. Ни в одном полку. Ни единого человека. Комитет постановил: в атаку не ходить.

– Как это? – Бочка замигала поросячьими ресницами. – Что ж теперь? Я атаку отменить не могу.

Здесь корреспонденты... Пускай мы все тут поляжем, пускай никто не поддержит, а все равно... Немца не вышибем – так Россию всколыхнем. Только мы их вышибем! Господин генерал, вы как хотите, но я атаковать буду! Мне военный министр с главнокомандующим разрешили!

– Я знаю, что атаковать надо, обратного пути нет. И я не отговаривать вас пришел. – Генерал махнул на горстку офицеров. Все они тоже были с винтовками. – Вот, принимайте под командование. Я и мой штаб.

– Генералы в атаку не ходят.

– А женщины ходят? Приказывайте, куда нам становиться.

Бочарова растерялась.

– Как я буду генералу приказывать? Коли так, вы и командуйте.

Но Бжозовский покачал головой.

– Нет, не мужской сегодня день. Приказывайте, прапорщик.

– Слушаюсь... Господа офицеры, разойтись по взводам. Атака через десять минут по моему сигналу.

Короткопалая рука русской Жанны д'Арк легла на свисающий меж объемистых грудей свисток.

Передъ тѣмъ, какъ поставить точку,
Помолясь, если хочешь, Богу,
Но не жди отъ Него подмогу,
Умирать будешь въ одиночку.

Быстро идя к левому флангу, Романов повторял, как заведенный:

– До проволоки броском. Пока режут – перевести дыхание. На бегу не стрелять. До проволоки броском. Пока режут – перевести дыхание. На бегу не стрелять...

Все гранаты он велел раздать мужчинам, командирам рот и взводов. У женщины все равно не хватит сил на хороший бросок. Когда цепи залягут перед проволокой и специально обученные ударницы будут ее резать ножницами, мужчины закидают вражескую траншею гранатами. Долетят, не долетят – не столь важно. Близкие разрывы должны заставить противника убраться во вторую линию. Тогда боевая задача может считаться выполненной.

Одна из добровольцев вдруг повернулась, схватила Алексея за плечи. Саша!

– Алеша, я с тобой. Я хочу быть рядом!

Ее соседки, позабыв о страхе, вылупились на невероятное зрелище: Шацкая обнимается со старшим инструктором (заглазная кличка «Зверь»). А такая тихоня!

– Нельзя. Я офицер, по мне будут бить. Прицельно.

– Если я буду рядом, с тобой ничего не случится. Я знаю. Мне сон был, вещий! – Она прижалась лбом к его груди. – Обещай! Я тебя не отпущу! Мне все равно, что подумают! Вцеплюсь – и не выпущу!

Руки тонкие, слабые, а держали крепко. Ведь и правда не выпустит.

– Хорошо.

– Честное слово?

Подняла лицо. Стряхнула слезы. Улыбнулась – боже, как она улыбнулась...

– Честное. Ступай за мной.

И пошел дальше, долдоня:

– До проволоки броском. Пока режут – перевести дыхание. На бегу не стрелять. До проволоки броском. Пока режут – перевести дыхание. На бегу не стрелять...

– Девочки, не стреляйте на бегу, ясно? – весело повторяла за спиной Саша.

АТАКА

Коварство и любовь

К Романову присоединился подполковник из штаба.

– Лесовский, – представился он. – Не беспокойтесь, штабс-капитан, я не собираюсь узурпировать ваши полномочия. Просто покажите, где встать. И еще: распорядитесь выдать мне гранат. Когда-то я брал призы по бомбометанию.

– Нет. – Алексей отвел подполковника в сторону. – Я попрошу вас держаться сзади. В сотне шагов от роты. Если что со мной – примете команду.

– Резонно, – кивнул Лесовский. – Всё исполню.

– Возьмите с собой связную, – сказал Романов громко. – Вот ее. – Он показал на Сашу. – Шацкая, будете при подполковнике. Исполняйте его приказания.

Ресницы барышни затрепетали, щеки порозовели. Саша была потрясена таким коварством, но пререкаться с командиром не стала. Жаль – Романов очень на это надеялся. Можно было бы спровоцировать ее на крик или иное вопиющее нарушение дисциплины. И отправить в тыл, под арест.

– Только разместитесь ближе к центру, – попросил Алексей подполковника.

– Как прикажете.

Офицер перекинул винтовку через плечо, пошел прочь по траншее. Но Шацкая не тронулась с места.

– Это нечестно! Ты обещал! – прошептала она.

Романов гаркнул:

– Связная, марш за подполковником!

– Ты не понимаешь! Если мы разлучимся...

Лесовский обернулся:

– Связная! Почему застряли? Ко мне!

– Алешенька...

Над траншеей, над седым от росы полем раздалась переливчатая трель свистка.

В мгновение Алексей оказался на бруствере.

– Вперед! В атаку! Ура!

– Ура-а-а! – тоненько откликнулся окоп.

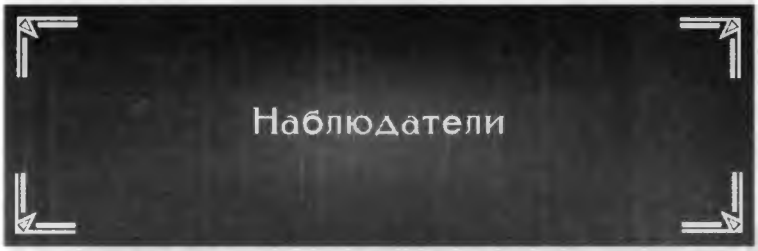
Однако возглавить атаку штабс-капитану не удалось. Далеко не у всех ударниц получилось вылезти из глубокой траншеи. Некоторые соскальзывали вниз. Пришлось выдергивать их за руку.

Предполагалось, что цепь успеет пробежать четверть расстояния, прежде чем немцы спохватятся и откроют огонь. Но женщины, вылезшие первыми, толпились на месте, помогая отставшим. Вместо дружного «ура» поднялся нестройный галдеж.

Ведь рыли на плацу окопы, и вылезали из них, и разворачивались для атаки! Но там все были спокойны, а тут тряслись руки, подгибались колени.

Драгоценная минута была потрачена на то, чтоб просто подняться из окопа. Когда Алексей, вытянув последнюю доброволку, оглянулся на поле, цепь была далеко впереди. Подхватив ножны и придерживая фуражку, штабс-капитан кинулся догонять.

– Ура-а! Ура-а-а!! – зазвучало на поле сначала жиденько, потом громче и громче, но все равно не слишком воинственно, хоть немногочисленные мужчины и старались подбавить в боевой клич басистости.



Слева и справа от поля, где разворачивалась атака, с русской стороны на брустверы выбрались солдаты. Они разлеглись прямо на насыпи. Кто смог, разжился биноклем. Зрелище-то было препотешное.

Сначала бабье колупалось возле окопов, суетясь и размахивая руками. Наконец, кое-как рассыпались в цепь, побежали, виляя бедрами. Кое-где, редко, виднелись офицеры – некоторые пятились спиной вперед, чтоб видеть отставших. Писклявое «ура-а-а» далеко разнеслось по-над рассветным полем.

Заправские ротные остроумцы выкрикивали:

– Быдто комары пищать!

Один вскочил в полный рост, задвигал задом:

– Как они кормой-то, кормой! Умора!

Грянул дружный хохот.

А один фельдфебель с двумя крестами на груди, прислушавшись к чему-то, веско сказал:

– Ну щас он им сыпанет.

И перекрестился.

Алексей не успел еще догнать роту, когда с той стороны затрещали выстрелы. Впереди кто-то закричал, кто-то упал.

Перепрыгнув через лежащую ничком фигуру (рыжий ежик – кажется, Шкловская из второй роты), штабс-капитан закричал:

– Быстрее! Быстрее!

Сейчас подключатся немецкие пулеметы. Есть уговор с командиром полевой батареи: как только в бой вступят пулеметные гнезда, немедленно задавить их беглым огнем. Но это в одну минуту не делается...

– Патронов не тратить! – орал Романов. – Они пригодятся в ближнем бою! Быстрей, быстрей! Проволочные, ножницы готовь!

«Проволочными» назывались ударницы, которым полагалось проделать проходы в «колючке». Из каждого взвода были отобраны четыре девушки, самые проворные и смелые. Они шли в атаку без винтовок.

Вот и пулеметы...

Один зачастил в дальней стороне поля, другой бил прямо по левому флангу. Впопыхах пулеметчик никак не мог взять прицел. Пули то свистели поверху, то вздымали фонтанчики пыли перед цепью. А рядом с гнездом уже вскинулся первый, пристрелочный разрыв.

Оглянувшись, Романов увидел, что подполковник Лесовский с папироской спокойно, как на прогулке, идет на хорошем отдалении. Маленькая фигурка рядом с ним.

Что ж, хоть это в порядке.

Над вражеским окопом взлетели бревна и комья земли. Чудесная батарея полевых трехдюймовок расчехвостила гнездо вторым же залпом!

А «проволочным», что пригнувшись неслись впереди всех, оставалось не больше ста шагов до кольев.

Странно завыло небо.

– Беда! – крикнул Романову командир второго взвода Лычко. – Бомбометы! Девоньки, ложи-и-ись!

Не услышали унтер-офицера «девоньки», оглохшие от пальбы, ужаса и собственного «ура».

– Перелет! Перелет! – завопил Лычко. – Теперя живей вперед, сестренки! Бежи до ихнего окопа, пока снова не жахнул!

Помертвев, Романов остановился. Оглянуться было страшно, но он все-таки обернулся.

Бомбы ударили как раз там, где шли Саша и Лесовский.

Четыре воронки. Около одной – два тела.

– Мммм, – замычал Романов.

Но один из упавших шевельнулся, сел.

Саша! Жива!

Она стряхнула грязь, наклонилась над подполковником.

– Санитары! – заорал Алексей. – Санитары!

Вернуться назад он не мог, не имел права.

А Саша надела фуражку, встала, подобрала карабин и побежала догонять подруг. Слава богу, ее, кажется, даже не ранило. Подполковник, наверное,

Про «ура» и про атаки
Не рассказывайте враки.
Пуля — дура, штыкъ — дуракъ,
И не спрячешься никакъ.

погиб – иначе бы она его не бросила. Но подполковник – ладно...

– Ура! Вперед!

Не слыша свиста пуль, не обращая внимания на крики раненых, Романов вырвался вперед, к самой «колючке», возле которой деловито щелкали резаки.

– Теперь залечь! Всем залечь!

Сам он не ложился, бежал вдоль цепи и размахивал руками.

Ударницы легли, выставив вперед стволы карабинов. Легла и Саша.

Второй бомбометный залп был точнее.

– А-а-а-а!

– Мама-а-а!

– Ой, больно!

Далеко справа металась над лежащими и точно так же махала руками Бочка. Ее пронзительный голос прорывался через треск выстрелов и грохот разрывов:

– Гото-овсь! Гото-овсь!

С первого момента атаки Мария Бочарова ждала пули. Она была уверена, что ее убьет или ранит одну из первых. Она была невезучая. Два раза в жизни ходила в штыковую, и оба раза пробежала по полю недолго.

Как это происходит, Бочарова знала. Стукнет, будто железной палкой, и поначалу не больно даже, будто все тело занемело. Потом откуда ни возьмись прямо перед носом трава. Дальше, если повезет, провалишься. А не повезет – заорешь благим матом. Ей с первым ранением повезло, со вторым – нет.

Но секунды шли, Бочарова бежала перед цепью, а ничего. От этого Марии делалось всё радостней. Каждая лишняя секунда была вроде дорогого подарка. Может, свезет до самых германских окопов добечь и своими глазами увидеть, как немцы драпают?

– Вперед, девоньки! Подымайсь! – закричала она.

Перерезанная проволока полопалась, обвисла на кольях.

– Быстрей вперед, быстрей!

Мария вдруг испугалась, что девочки не поднимутся. Трудно это – от земли оторваться, когда пули свистят, и многих уже положило, а ты еще живая, целая, и хочется вжаться поглубже в землю.

Но вскочила Голицына, всегда и во всем первая. Стряхнула, чистюля, пыль с колен. За нею стали подниматься другие.

– Ура-а! Ура-а! – махала револьвером Бочарова, стоя лицом к девчатам и спиною к немцу.

Ах! Упала Голицына. Всплеснула рукой, карабин выронила и повалилась. И рядом на землю швырнуло еще двух – одной и той же пулеметной очередью. Но это батальон остановить уже не могло.

– Ура! Ура-а! – прокатилось над полем.

Обрадовалась Мария, развернулась к «колючке». Здесь-то ее железным ломом и вдарило, даже не поймешь куда. А только онемело всё тело, и прямо перед носом оказался ковыль, и по стеблю полз черный, блестящий жук.

Повезло Марии, потеряла она сознание, не заорав, не успев ощутить боли.

Генерал Бжозовский увидел, как падает командир батальона, и понял, что сейчас главное – не допустить паники.

– Слушай мою команду! – крикнул он зычно, как в давние времена, когда был молодым капитаном и командовал ротой. – Беглый огонь на ходу! Вперед! Не останавливаться!

Удержал двух добровольцев, схватил за руки, велел подобрать Бочарову и нести в тыл.

Побежал вперед, образцово прикладываясь к винтовке и посылая выстрел за выстрелом в сторону вражеской траншеи.

Пуля попала генералу в плечо, развернула его боком.

Верный адъютант, ни на шаг не отставший от Иеронима Казимировича, закричал громче, чем раненый. Подхватил начальника под мышки.

– Санитары! Санитары!

– Беглый огонь по окопам! – сипло взывал Романов. – На ходу! На ходу!

убитый на войне — спасён,
прямо в рай попадает он,
все грехи его прощены,
и молитвы ему не нужны.

Сейчас, с малой дистанции, нужно было как можно плотнее бить по окопам. Туда уже летели гранаты, вскидывалась земля. Если над головами у немногочисленных защитников густо зазвенят пули, дрогнут ландверовцы, отойдут.

– Офицеры! Унтер-офицеры! Выдвинуться!

Если не избежать рукопашной, нужно попасть в траншею раньше женщин.

Рядом, в пяти шагах, кто-то звонко, самозабвенно крикнул: «Ура-а-а!»

Это была Саша. Выставив штык, она бежала вперед, но смотрела не на врага, а на Алексея.

Он с силой толкнул ее в плечо – Шацкая упала.

– Лежи! Ради бога лежи!

На соседнем, левом участке фронта солдаты, высыпавшие на бруствер, давно уже перестали острить и гоготать. С насыпи – даже без бинокля – было видно, что поле покрыто телами. Поредевшие цепи были уже близ самых немецких окопов. Там грохотала частая стрельба, несся несмолкаемый визг.

Лица у зрителей были одинаково хмурые, напряженные.

Унтер Пахомов, георгиевский кавалер, встал в полный рост, сдернул фуражку. К нему повернулись.

– Чегой-то это... – сказал Пахомов. – Не того... А-а, мать вашу...

Он длинно выругался, подхватил винтовку и один побежал вперед, по кочковатому болотистому лугу.

За ним молча поднялась вся рота, чавкая сапогами по мокрой земле. Двинулись и соседи.

– Ура-а-а! – грянул над лугом мощный, мужской рык. – Ура-а-а!

Почти в ту же минуту поднялся в атаку сибирский полк, что занимал позицию справа от ударниц.

Алексей спрыгнул в траншею первым. На бегу он не потратил ни одной пули. Все семь понадобятся в ближнем бою.

Бруствер у немцев был капитальный, поверху накрытый бревном с желобами-бойницами. Романов перемахнул через преграду и приземлился не на дно, как ожидал, а на живого человека. Человек завизжал. Судя по фуражке это был офицер. Стрелять в него было не с руки, Алексей двинул германца рукояткой в

На любовное слиянье
Схватка смертная похожа:
Шепотъ, робкое дыханье,
Кто-то умеръ, кто-то ожилъ.

переносицу. А там уж пришлось уворачиваться от удара кинжалом – кинулся сбоку фельдфебель с подкрученными усами, похожий на кайзера Вильгельма.

Левой рукой Романов схватил усатого под запястье, чтоб снова не полоснул клинком. Но и немец, здоровенный, багровомордый, тоже не растерялся – вцепился в правую руку, где «браунинг». Так и затоптались, будто в неуклюжем танце. Хрипели, били друг друга ногами и не чувствовали боли.

В жизни не видывал Алексей рожи гнуснее, чем у этого усатого. Ощеренный, будто бульдог, изо рта брызги слюны, и несет перегаром.

Легко, словно балерина, в окоп спрыгнула Саша.

– С этим я сам! Этого! – сдавленно крикнул Романов, мотнув головой в сторону оглушенного офицера.

Тот сидел на дне траншеи, держась за голову.

Саша направила на немца карабин.

– Ergeben Sie sich![1] – сказала она прерывающимся голосом.

Немец посмотрел на девушку и потянулся за упавшим на землю пистолетом.

[1] Сдавайтесь! *(нем.)*

Ствол карабина заходил ходуном.

– Крыса! Крыса! Стреляй! – заорал Алексей, пытаясь вырвать правую руку.

– Ergeben Sie sich, bitte... – повторила Шацкая и зажмурилась.

Романов ударил усатого лбом в нос – так, что хрустнуло. Высвободился, развернулся, вскинул «браунинг».

Два пистолетных выстрела грянули одновременно,

ПОБЕДА

Бой завершился триумфально, выше самых оптимистичных ожиданий. Когда атака женского батальона не получила поддержки соседей, немцы срочно перебросили с флангов подкрепления в поддержку ландсверной роты. Именно в этот момент русские и перешли в наступление силами двух полков. Германцам, застигнутым на полпути со старой позиции на новую, пришлось не только очистить все три линии окопов, но и отойти на несколько километров за естественный рубеж, реку Клыч.

Впервые за все месяцы революции наступательная операция русских увенчалась таким явным успехом. Были захвачены пленные, несколько пулеметов и бомбометная батарея, которая в азарте боя выдвинулась слишком далеко вперед.

Начальник дивизии, героически смотревшийся в окровавленных бинтах, показывал корреспондентам поле сражения.

– ...Ударный батальон потерял примерно четверть личного состава. Имя каждой из этих женщин будет навечно высечено золотыми буквами на скрижалях истории, – говорил Бжозовский, сверкая глазами. Иеронима Казимировича лихорадило и немного мутило, но он чувствовал подъем после перенесенной опасности и, черт подери, победы. – Прапорщик Бочарова ранена. Я представлю ее к ордену Святого Георгия. Возможно позднее вы сможете взять у нее интервью – если позволят доктора.

Репортеры строчили в блокнотах, пугливо обходя мертвых и морщась от плача и стонов раненых, которых уносили и уводили санитары. Один господин из московской газеты тоже плакал и шепотом просил прощения за свою чувствительность.

Все завидовали американцу, потому что у того была с собой портативная фотокамера. Он носился взад и вперед, щелкая затвором.

– Минутку, господа...

Генерал увидел идущего по полю Гвоздева. Председатель шел вдоль колючей проволоки в сопровождении нескольких комитетчиков и говорил им что-то сердитое.

– Как видите, обошлись без вас! – торжествующе крикнул Бжозовский. – Опрокинули немцев!

– Народ поднялся, потому и опрокинули. А ради чего? – Гвоздев зло сплюнул. – Сколько баб молодых зря положили...

Он повернулся к генералу спиной и направился к траншее. Что-то там привлекло его внимание.

На краю окопа, свесив ноги, сидел штабс-капитан Романов. Рукав его гимнастерки был забрызган кровью, лицо не выражало никаких эмоций. На бруствере лежала девушка. Ее голова покоилась у штабс-капитана на коленях. Романов рассеянно гладил девушку по коротко стриженным волосам. Ее бледное лицо было неподвижно и прекрасно.

Выматерившись, Гвоздев заглянул в окоп. Под ногами штабс-капитана валялись два мертвых немца, офицер и усатый фельдфебель.

– Дурак ты дурак, – горько сказал Гвоздев, снимая фуражку. – Добился своего, захватил канаву? Какую принцессу загубил. Всю жизнь каяться будешь.

Эпилог.
ТОВАРИЩ КАКАШКИН, или ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Погорячились товарищи из Елисаветбургского ревкома. Немецкий гарнизон, согласно протокола от двадцать шестого, должен был из города во вторник уходить, но председателю товарищу Ковтюху в голову мысль пришла. Собрал он ячейку и поставил вопрос: нельзя, сказал, товарищи, их с оружием отпускать, когда нам со своей контрой буквально нечем воевать. На кой, спрашивается, фрицам орудия, пулеметы, снаряды с патронами, если они домой едут? Проголосовали, постановили: дать германцам ультиматум, чтоб всю амуницию и вооружение оставили ревкому, а сами пускай проваливают, скатертью дорога.

Однако это только сначала казалось, что мысль хорошая. Потому что ультиматум-то немцам дали, но и немцы в ответ тоже дали – из шестидюймовок по советской половине города.

И побежал «Красногвардейский отряд имени Степана Халтурина» вместе с ячейкой, ревкомом и самим товарищем Ковтюхом из Елисаветбурга, побросав имущество и даже партийные документы. Бежали до следующей станции, бывшей Графской, ныне Рабоче-крестьянской, и только оттуда была послана телеграмма в Харьков: «Коварный германский империализм обстрелял советскую власть из всех видов оружия тчк Соглашение о перемирии предательски нарушено тчк Вынужден оставить город тчк Прошу подмоги тчк Ковтюх».

Из Харькова ответили, что подмога будет, придет на выручку «Моисей Урицкий».

Елисаветбуржцам сразу полегчало. «Моисей Урицкий» был Образцово-Показательный Броне» поезд, отправленный из красного Питера в помощь пролетариям юга России, истекающим кровью в неравной борьбе. И всюду, куда прибывал стальной таран рабочей солидарности, белые

банды давали деру, потому что дисциплина на бронепоезде была не революционная, а коммунистическая – такая, какая установится во всей Красной Армии, когда сознательный элемент одержит верх над митинговой стихией и горлопанством.

В харьковской телеграмме было сказано, что «Урицкий» прибудет в 14:00, поэтому раньше вечера его никто не ждал, но без пяти минут два вдали запыхало дымом, взревел мощный гудок, и ровно в два часа пополудни к станции подкатил красавец-поезд: на локомотиве два красных флага, вороненая броня вся в заклепках, будто в бородавках, а из башен торчат грозные пушки-пулеметы.

Что удивительно – когда поезд встал, словно вкопанный, и паровоз шикнул из-под колес белым паром, ни одна дверца не распахнулась, никто изнутри на платформу не повалил. Будто в том «Урицком» живых людей вовсе не было.

Товарищ Ковтюх и остальные товарищи, вышедшие встречать, даже растерялись.

Но потом в третьем вагоне открылся люк, оттуда по лесенке спустился, спрыгнул на перрон бравый

красном, весь в хроме, с алой звездой на лаковой фуражке. Придерживая одной рукой бинокль, другой шашку, пошел он навстречу елисаветбуржским товарищам.

Они хотели по-людски поздороваться, расцеловать дорогого гостя, но командир обнимать себя не дал.

– После облобызаемся. Который из вас Ковтюх? Доложи обстановку, товарищ.

Председатель ревкома всё как есть ему обсказал. И чтоб показать, что елисаветбуржские тоже не лыком шиты, подал знак Шумейке, командиру красной гвардии.

– У нас свои войска есть. Почти пятьсот штыков. Принимай под свою команду, товарищ.

Шумейко, командир халтуринцев, подлетел орлом, даже по-старорежимному ладонь к папахе кинул.

– Куда грузиться?

Но хромовый с «Урицкого» поглядел на красногвардейцев, столпившихся за оградой, и ответил обидно:

– На кой мне ваши драпальщики. Хватит одного Ковтюха. Поедешь с нами.

От такого уважения председатель приосанился. Видно, и в Питере слыхали про Артема Ковтюха. Приятно.

– Что ж, я со всей охотой. Зададим немчуре!

Повел красном Ковтюха на паровоз. И правильно – где еще быть начальству, если не впереди?

Но сзади грохнуло что-то, жахнуло, и увидел товарищ Ковтюх, что локомотив отсоединяют от состава.

– Чего это?

– Не нужен нам бронепоезд. На одном паровозе покатим.

Хромовый (был он молодой, высокий, с небольшими усами) глядел в бинокль на город, до которого от станции было семь верст.

– На одном паровозе? Шутишь, товарищ. По немцу надо вдарить со всех пушек. Чтоб знали, гады, как советскую власть шрапнелями шугать!

А локомотив уж тронулся, разогнался.

Командир, всё не отрываясь от бинокля:

– Сдурел ты, товарищ Ковтюх? У меня две трехдюймовки, а у них вон на пригорке тяжелый дивизион. Вдарят – мокрое место от бронепоезда останется.

– И по нам вдарить могут? – спросил председатель нервно.

– Запросто. Теперь уже прямой наводкой.

– Куда ж мы едем? – вскинулся Ковтюх. – Давай задний ход! Германцы завтра сами из города уйдут!

– Нет. Тяжелые орудия нам позарез нужны. А снаряды того нужнее. Ты помолчи пока. И когда в город приедем, тоже молчи. Говорить я буду, а ты только кивай и брови супь.

Заспорил было председатель, да поздно. Паровоз уже сбрасывал скорость перед вокзалом.

– Рта не раскрывать, ясно? – сказал краском и показал Ковтюху крепкий кулак в черной перчатке.

Но председателю и самому расхотелось языком болтать.

На платформе было серым-зелено от германских шинелей.

Локомотив еще не остановился, а командир уже спрыгнул с подножки, сам пошел на немцев, еще издали громко и сердито залопотав на них не по-русски.

Товарищ Ковтюх догнал его и, как велено, сурово сдвинул брови, хоть сердце и опустилось в самые подметки.

С серо-зелеными командир потолковал минуту или, может, две – черт знает, о чем, но только выглядело это так, будто он на германцев наседает, а они оправдываются или даже винятся.

Наконец хромовый объяснил:

– Это нас встречают товарищи из солдатского комитета. Недоразумение у них случилось. Офицер из штаба корпуса под дулом револьвера заставил артиллеристов огонь открыть. Извиняются они. А чтоб мы на них зла не держали, оставляют нам все орудия со снарядами. Им дома пушки не понадобятся. Но винтовки с пулеметами они не отдадут, потому что в Германии тоже революция и своя контра имеется. Как, товарищ председатель, устраивает твой ревком такая компенсация или нет?

Что такое «компенсация», Ковтюх знал неотчетливо, однако важно, будто с неохотой, кивнул.

Немцы обрадовались. Давай его по плечам хлопать, руку жать. «Камарад, камарад». Позвали выпить-закусить – это было и без перевода понятно: по кадыку себя щелкали, в рот кулаком пихали, подмигивали.

Есть люди совсѣмъ какъ живые,
Спокойные, бодрые даже,
Не добрые, но и не злые,
Звѣзды у нихъ только слѣпые,
Какъ будто замазаны сажей.

– Пить мы с ними не будем, но и обижать нельзя, – сказал краском. – Бумагу только подпишем, что перемирие восстановлено – и назад.

Пошли от вокзала большой компанией. Ковтюха под локти, по-товарищески, взяли два камрада, которые знали по-нашему.

Он их с опаской спросил:

– А офицер, который из штаба, сызнова бузу не затеет?

Они засмеялись.

Пойдем, говорят, покажем тебе кой-чего. Погуторили немецкие товарищи между собой, и все повернули во двор бывшей гимназии, где у фрицев комендатура и гарнизонная тюрьма. Покричали что-то.

И выволокли из подвала сильно побитого человека в немецкой офицерской шинели с сорванными погонами.

– Вот он, – объяснили Ковтюху, – этот глупый оберст-лейтенант, то есть подполковник. Революционный суд ему говорил пиф-паф за провокацион. Пиф-паф будет вечер, но можно прямо сейчас. Хотите смотреть?

Что ж, товарищ Ковтюх охотно посмотрел бы.

– Поглядим, как немцы свою контру кончают? – спросил он краскома.

Командир бронепоезда с большим интересом рассматривал белонемецкого подполковника – прямо глазами впился. И было на что. Хорошо отмордовали камрады контрика. Стоять он не мог, висел на руках у конвоиров. Морда вся сине-черная, глазенапы заплыли, и непонятно даже, в соображении он или сомлел.

По двору метался, причитал, хватал конвоиров за плечи пожилой, долговязый, в овчинной жилетке. Наверно, родственник. Это почти всегда, когда человека к стенке выводишь, просочится какой-нибудь родитель или супруга и начнут плакать, на коленках ползать. Как будто расстрельная команда помилует.

Но краском не захотел смотреть, как гада в расход выводят. Сказал что-то по-немецки, головой помотал.

– Некогда нам, – объяснил Ковтюху. – Возвращаться надо. – И еще прибавил, непонятно: – Вот оно как в жизни-то бывает...

Выпить-закусить с камрадами так-таки не дал. Подписали протокол о сдаче города и пушек, поруч-

кались с немецкими комитетчиками, потом сразу назад, на вокзал.

Только сейчас, когда всё закончилось, Ковтюха отпустило, а то на нерве был. Захотелось разговора. Он уж и про то, и про это, а краском молчок. Шагает быстро своими длинными ногами, еле поспеешь. И хмурый, думает о чем-то.

– Ты хоть скажи, товарищ, как твоя фамилия? – спросил Ковтюх. – Мне же донесение писать. И на ячейке отчитываться.

Это хромовый услыхал.

– Фамилия у меня, товарищ, неприличная. – И усмехнулся.

– Какая? – Ковтюх заинтересовался. – Вроде как у товарища Какашкина из продразверстотдела?

Засмеялся командир, сверкнув молодыми зубами.

– Примерно. Можешь так меня и звать.

Они уже по привокзальной площади шли. Там дымила ротная кухня, веселый повар в фартуке только что зарезал цыплят, начал щипать, во все стороны летели перья. Вокруг стояли обыватели. Всегда приятно поглазеть, как жрачку готовят, даже если не для тебя.

Всѣ уйдутъ — и идетъ Умобѣть.
Горячи — или золотъ.
Развязи чорный потъ.
И узнаешь ты, милой:
Что-то онъ унесъ съ собой.

– Romanoff! – крикнул кто-то.

Товарищ Какашкин резко повернулся.

Это повар-хохмач приставил ощипанному цыпленку вторую голову. Вроде как они целуются, что ли.

– ...Und Hohenzollern! Ein Bruderschaftküß![1]

Немцы залились, а русским невдомек. Двухглавый орел, что ли?

Тогда повар объяснил:

– Das ist Kaiser Wilhelm. Und das ist Tzar Nilolaschka!

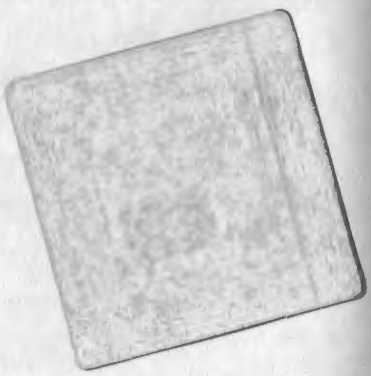
А-а, вон оно чего. Два императора это. Один, Николашка, уже с того света, ихнего Вильгельма целует, к себе в гости зовет.

Товарищ Какашкин даже не улыбнулся, а вот Ковтюх в охотку поржал.

Смехота же!

---

[1] Романов...и Гогенцоллерн! Поцелуй на брудершафт! *(нем.)*



ХРОНИКА

ХРОНИКА

Демонстрация в Петрограде в 1917 г.

А.Ф. Керенский с представителями солдатских комитетов и в своем кабинете в Зимнем Дворце

Временное правительство первоначального состава

Мария Бочкарева позирует

Мария Бочкарева среди офицеров на фронте

Стригут бедненьких...

С офицерами перед Зимним Дворцом

Свежеподстриженные "под нуль" добровольцы

Женский батальон представляется начальству

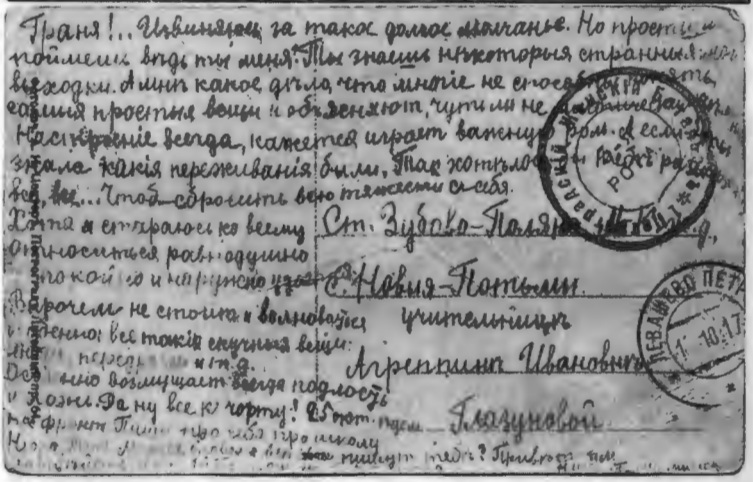
Изготовились к стрельбе шорохами

Одни уже учатся стрелять, а других еще не переодели

Добровольки - георгиевские кавалеры

Перерыв между учениями

Чаепитие перед киносъемкой в лагере



Письмо доброволки родственницe-учительнице

Архіепископъ Тихонъ окропляетъ св. водой вновь организованный въ Москвѣ Женскій Батальонъ Смерти.

Будущий патриарх Тихон благословляет московских добровольцев

Офицер уговаривает солдат пойти в атаку

Смотр обозных сил контрреволюции. Карикатура Ирпинского.

Карикатуры на добровольцев – тогдашняя и советская

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии

Сцены братания русских и германских солдат на фронте

"Будем братями! Выходите на дружные разговоры и закуски!"

Броневозда времен Гражданской войны

СОДЕРЖАНИЕ

Операция «Транзит»
5

Батальон ангелов
189

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Акунин Борис
Смерть на брудершафт
роман-кино

Операция «Транзит»
Фильма девятая

Батальон ангелов
Фильма десятая

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *М.Г. Мельникова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг
издательской группы «АСТ»
обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7 этаж).
Тел.: 615-01-01, 232-17-16

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в «УЛЬЯНОВСКОМ ДОМЕ ПЕЧАТИ»,
филиале ОАО «Первая Образцовая типография»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Борис Акунин

Григорий Чхартишвили

«КЛАДБИЩЕНСКИЕ ИСТОРИИ»

ЭТУ КНИГУ НАПИСАЛ ОДИН ЧЕЛОВЕК,
НО У НЕЕ ДВА АВТОРА:
ЭССЕИСТ ГРИГОРИЙ ЧХАРТИШВИЛИ
И ЕГО ALTER EGO
БЕЛЛЕТРИСТ БОРИС АКУНИН.

Г.Ч. расскажет вам
о шести старинных иекрополях,
расположенных в разных частях света.
Б.А. напугает кладбищенскими рассказами,
где вы встретитесь
с помещицей Салтычихой,
с Оскаром Уайльдом,
с основоположником марксизма
и даже с сыщиком Эрастом Фандориным...

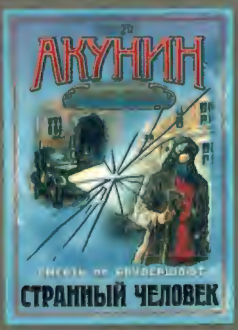
Борис Акунин

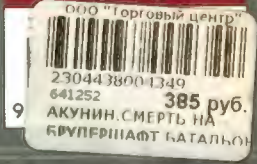
«СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ»

роман-кино

БОРИС АКУНИН

СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ



РОМАН-КИНО

www.ast.ru
www.elkniga.ru